ВВГУ

Территория новых возможностей. Вестник ВВГУ

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

THE TERRITORY OF NEW OPPORTUNITIES

THE HERALD OF VLADIVOSTOK STATE UNIVERSITY

3

2026

3 [18] 2026

2026 № 3 • [18]

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

Издается с 2009 г.

ISSN 2949-1258

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3
EDN: https://elibrary.ru/FCPDYJ

Владивосток
2026

2026 № 3 • [18]

THE TERRITORY OF NEW OPPORTUNITIES.

THE HERALD OF VLADIVOSTOK STATE UNIVERSITY

Founder and publisher:
Federal State Budgetary Edicational Institution of Higher Education “Vladivostok State University”

Published since 2009

ISSN 2949-1258

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3
EDN: https://elibrary.ru/FCPDYJ

Vladivostok
2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Терентьева Татьяна Валерьевна — *председатель редакционной коллегии*, доктор экономических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» (г. Владивосток, Россия)

Мамычев Алексей Юрьевич — *заместитель председателя редакционной коллегии*, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Латкин Александр Павлович — *главный редактор*, доктор экономических наук, профессор, директор Института подготовки кадров высшей квалификации, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Васильев Антон Александрович — доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

Гвилия Наталья Алексеевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры логистики и поставок, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (г. Москва, Россия)

Глазырина Ирина Петровна — доктор экономических наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита, Россия)

Гомбоева Маргарита Ивановна — доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором, Институт экономики УрО РАН, (г. Екатеринбург, Россия)

Ермакова Жанна Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург, Россия)

Зубарев Александр Евстратьевич — доктор экономических наук, профессор факультета экономики и управления, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)

Клещева Нелли Александровна — доктор педагогических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

Кокурина Ольга Юрьевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Коноплева Нина Алексеевна — доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Кречетников Константин Геннадьевич — доктор педагогических наук, профессор, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова (г. Владивосток, Россия)

Мазелис Лев Соломонович — доктор экономических наук, доцент, и.о. директора Института цифровой экономики и бизнес-аналитики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Мещанова Мария Валентиновна — доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

Муртазозода Джамшед Саидали — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Найден Светлана Николаевна — доктор экономических наук, профессор, Институт экономических исследований ДВО РАН, (г. Хабаровск, Россия)

Овчинников Алексей Игоревич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Петрук Галина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления, директор департамента научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Семкин Сергей Викторович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационных технологий и систем, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Смагин Виктор Павлович — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальной и прикладной физики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Смирнова Надежда Анатольевна — доктор технических наук, профессор кафедры дизайна, технологии, материаловедения и экспертизы потребительских товаров, Костромской государственный университет (г. Кострома, Россия)

Солодухин Константин Сергеевич — доктор экономических наук, профессор кафедры математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Фоминская Марина Дмитриевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права (г. Ставрополь, Россия)

Чернявская Валентина Станиславовна — доктор педагогических наук, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Шеромова Ирина Александровна — доктор технических наук, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна — доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по науке Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)

Яроцкая Людмила Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, доцент, ведущий эксперт Центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития Института международных отношений ФГАОУ ВО НИЯУ «МИФИ» (г. Москва, Россия)

Park Nohyoung — доктор юридических наук, декан Юридической школы, директор Центра киберправа, Корейский университет (г. Сеул, Республика Корея)

Zhang Yuci — профессор, доктор экономических наук, директор международного департамента, Северо-Восточный университет финансов и экономики (г. Далянь, КНР)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

Tatiana V. Terentyeva *Chairman of the Editorial Council*, Doctor of Economics, Professor, Rector, VVSU (Vladivostok, Russia)

Alexey Yu. Mamychev *Vice-chairman of the Editorial Council*,Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Alexander P. Latkin *Head Editor*, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Training of Highly Qualified Personnel, VVSU (Vladivostok, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anton A. Vasiliev Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russia)

Natalia A. Gvilia Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Logistics and Supplies, St. Petersburg State University of Economics (Moscow, Russia)

Irina P. Glazyrina Doctor of Economics, Professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (Chita, Russia)

Margarita I. Gomboeva Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Arts and Design, Trans-Baikal State University (Chita, Russia)

Svetlana V. Doroshenko Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

Zhanna A. Ermakova Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University (Orenburg, Russia)

Alexander E. Zubarev Doctor of Economics, Professor of the Faculty of Economics and Management, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)

Nelly A. Kleshcheva Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Olga Yu. Kokurina Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Nina A. Konopleva Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)

Konstantin G. Krechetnikov Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S.O. Makarov Pacific Higher Naval School (Vladivostok, Russia)

Lev S. Mazelis Doctor of Economics, Associate Professor, VVSU (Vladivostok, Russia)

Maria V. Meshchanova Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

Jamshed S. Murtazozoda Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Svetlana N. Nayden Doctor of Economics, Professor, Institute of Economic Research FEB RAS (Khabarovsk, Russia)

Alexey I. Ovchinnikov Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Galina V. Petruk Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Department of Research, VVSU (Vladivostok, Russia)

Sergey V. Syomkin Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, VVSU (Vladivostok, Russia)

Viktor P. Smagin Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Physics, VVSU (Vladivostok, Russia)

Nadezhda A. Smirnova Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design, Technology, Materials Science and Consumer Goods Expertise, Kostroma State University (Kostroma, Russia)

Konstantin S. Solodukhin Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematics and Modeling, VVSU (Vladivostok, Russia)

Marina D. Fominskaya Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol, Russia)

Valentina S. Chernyavskaya Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology, VVSU (Vladivostok, Russia)

Irina A. Sheromova Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)

Claudia G. Erdyneeva Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Lydmila V. Yarotskaya Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Associate Professor, Leading expert of the Centre for Analysis and Forecasting of World Science and Technology Development, Institute of International Relations, National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute) (Moscow, Russia)

Park Nohyoung Doctor of Law, Dean of the Law School, Director of the Cyber Law Center, Korea University (Seoul, Republic of Korea)

Zhang Yuci Professor, Doctor of Economics, Director of the International Department, Northeastern University of Finance and Economics (Dalian, China)

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2026, № 3
[Том 18]
Научный журнал

Издание не подлежит маркировке в соответствии с гл. 3 ст. 11 п. 4 ч. 2 ст. 1
ФЗ № 436-ФЗ

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3
EDN: https://elibrary.ru/FCPDYJ
Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-84186 от 05.12.2022
ISSN 2949-1258

Дата выхода в свет: 30.09.2026 г.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес издателя:
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес редакции:
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, к. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л. Е. Стрикаускас
Ответственный секретарь В. В. Шамаева
Редактор И. Г. Шабунина
Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 25.09.2026. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 14,50. Уч.-изд. л. 14,10.
Тираж 300 [I–100] экз. Заказ 479
Цена на территории РФ свободная

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Содержание

Региональная и отраслевая экономика

Мосин А. С., Щедрин Е. Е., Сальковский И. А.

Развитие конкурентных отношений в изолированных энергорайонах: институциональные барьеры и экономические стимулы 7

Сунь Лимэй

Оценка влияния совместного предпринимательства в российских преференциальных режимах на развитие принимающих регионов 19

Жуплей И. В., Федореева О. Е.

Межотраслевая интеграция в агропромышленном комплексе как стратегическое направление развития Дальнего Востока 30

Блюдик А. Р.

Интеграционный потенциал морского грузового транспорта Приморского края: компонентный профиль и резервы роста 44

Менеджмент

Ильина Е. А.

Ключевые тренды искусственного интеллекта и перспективы его внедрения в промышленные предприятия 55

Шеромова И. А.

Построение модели оценки ассортимента неавиационных услуг аэропорта в контексте удовлетворенности потребителей 69

Сапфирова М. В., Рахманова М. С.

Анализ программного механизма государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае 80

Педагогика

Шурыгина О. А., Бадеева Е. Я.

STEAM-образование как механизм преодоления рисков влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс 99

Гулов А. П.

Поражение как педагогическое событие: аксиологическая рамка состязательного обучения в высшей школе 110

Contents

Regional and sectoral economy

Mosin A. S., Shchedrin E. E., Salkovsky I. A.

Development of competitive relations in isolated energy districts: institutional barriers and economic incentives

Sun Limei

Assessing the impact of joint ventures in russian preferential regimes on the development of host regions

Zhupley I. V., Fedoreeva O. E.

Cross-sectoral integration in the agro-industrial complex as a strategic direction for the development of the Russian Far East

Blyudik A. R.

The integration potential of maritime cargo transport in Primorsky Krai: component profile and growth reserves

Management

Ilyina E. A.

Key trends in artificial intelligence and prospects for its implementation in industrial enterprises

Sheromova I. A.

Construction of a model for assessing the range of the airport non-aviation services in the context of consumer satisfaction

Sapfirova M. V., Rakhmanova M. S.

Analysis of the software mechanism of state management of socio-economic processes in Primorsky Krai

Pedagogy

Shurygina O. A., Badeeva E. Ya.

STEAM-education as a mechanism for overcoming risks of artificial intelligence influence on the educational process

Gulov A. P.

Defeat as a pedagogical event: an axiological framework for competitive learning in higher education

Яроцкая Л.В., Криницкая М.Ю.		*Yarotskaya L.V., Krinitskaia M.Yu.*
Теоретико-методологические основы лингводидактической деятельности в парадигме постинтернационализации: обучение русскому языку как иностранному	126	Theoretical and methodological foundations of linguodidactic practice in the post-internationalization paradigm: teaching russian as a foreign language
Бернавская М.В.		*Bernavskaya M.V.*
Развивающий потенциал peer-наставничества магистрантов и эффект протеже в сопровождении проектной деятельности бакалавров	139	The developmental potential of peer mentoring of master-degree students and the protege effect in supporting the project activity of bachelors
Малиновская М.П.		*Malinovskaya M.P.*
Особенности передачи семейных ценностей и традиций современными студентами в контексте патриотического воспитания детей	152	The specifics of transmitting family values and traditions by modern students in the context of children's patriotic upbringing
Юридические науки		**Law sciences**
Казанцев В.П., Белоглазова В.А., Шеломенцев А.Г.		*Kazantsev V.P., Beloglazova V.A., Shelomentsev A.G.*
Этапы формирования научно-технической политики Российской Федерации: политико-правовой аспект	169	Stages of scientific and technical policy development in the Russian Federation: political and legal aspectt
Балковая В.Г., Торчило А.С.		*Balkovaya V.G., Torchilo A.S.*
Особенности организации и деятельности представительных органов современных социалистических государств	185	Features of the organization and activities of representative bodies of modern socialist states
Оносов Ю.В.		*Onosov Yu.V.*
Искусственный интеллект и судебное усмотрение: сравнительно-правовой анализ пределов допустимого использования	197	Artificial intelligence and judicial discretion: a comparative legal analysis of the limits of permissible use
Зубенко Е.В., Свободный Т.Д.		*Zubenko E.V., Svobodny T.D.*
К вопросу о необходимости производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений	208	On the issue of the necessity of conducting an investigative experiment in the investigation of road traffic offenses
Кучинская А.Д., Литвинова С.Ф.		*Kuchinskaya A.D., Litvinova S.F.*
Дефинитивные нормы и дефиниции международного частного права России	222	Definitional norms and definitions in Russian private international law
Правила оформления статей	231	**Rules of formatting articles**

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 7–18
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, №3. P. 7–18

Научная статья
УДК 332.1
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/007-018
EDN: https://elibrary.ru/UKMASN

Развитие конкурентных отношений в изолированных энергорайонах: институциональные барьеры и экономические стимулы

Мосин Александр Сергеевич
Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского
Москва. Россия

Щедрин Евгений Евгеньевич
Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»
Москва. Россия

Сальковский Иван Александрович
АО «Эйлер Аналитические Технологии»
Москва. Россия

Аннотация. *В статье показано, что развитие конкуренции в изолированных энергорайонах не сводится к механическому переносу моделей оптового рынка, применяемых в крупных взаимосвязанных энергосистемах. Для малых и территориально разобщенных систем более продуктивна логика конкуренции за рынок, а не внутри рынка. Выделены ключевые институциональные барьеры: тонкий рынок, высокая доля постоянных издержек, тарифное подавление ценовых сигналов, неопределенность будущего присоединения к магистральной сети, слабая стандартизация контрактов и дефицит данных. Обоснованы стимулы, способные снизить совокупные издержки: конкурсный отбор проектов, долгосрочные тарифные формулы, компенсация риска сетевого «прихода», поддержка якорной нагрузки и результативные субсидии, привязанные к надежности и экономии топлива.*

Ключевые слова**:** *изолированные энергорайоны, электроэнергетика, конкуренция, тарифное регулирование, мини-сети, экономические стимулы*

Для цитирования: *Мосин А. С., Щедрин Е. Е., Сальковский И. А. Развитие конкурентных отношений в изолированных энергорайонах: институциональные барьеры и экономические стимулы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3 С. 7–18. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-2/007-018. EDN: https://elibrary.ru/UKMASN*

Original article

© Мосин А. С., 2026
© Щедрин Е. Е., 2026
© Сальковский И. А., 2026

Development of competitive relations in isolated energy districts: institutional barriers and economic incentives

Aleksandr S. Mosin
University of World Civilizations named after V. V. Zhirinovsky
Moscow. Russia

Evgeniy E. Shchedrin
Moscow State Technological University "STANKIN"
Moscow. Russia

Ivan A. Salkovsky
JSC "Euler Analytical Technologies"
Moscow. Russia

Abstract. *The paper argues that competition in isolated energy districts cannot be developed by simply copying wholesale market models used in large interconnected power systems. In small and spatially fragmented systems, competition for the market is more efficient than competition within the market. The study identifies the main institutional barriers: thin markets, high fixed costs, muted tariff signals, uncertainty related to future grid arrival, low contract standardization, and poor data availability. It substantiates a set of incentives capable of reducing total system costs, including project-based competitive procurement, long-term tariff formulas, compensation for grid encroachment risk, support for anchor demand, and performance-based subsidies linked to reliability and fuel savings.*

Keywords**:** *isolated energy districts, electric power industry, competition, tariff regulation, mini-grids, economic incentives*

For citation*: Mosin A. S., Shchedrin E. E., Salkovsky I. A. Development of competitive relations in isolated energy districts: institutional barriers and economic incentives // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 7–18. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/007-018. EDN: https://elibrary.ru/UKMASN*

Введение

Изолированные энергорайоны занимают в электроэнергетике особое положение. Здесь задача регулирования состоит не в формальном копировании институтов крупного оптового рынка, а в выстраивании такой системы стимулов, которая одновременно удерживает надежность, ограничивает монопольную ренту и создает условия для снижения полной стоимости энергоснабжения. Российское законодательство прямо выделяет технологически изолированные территориальные электроэнергетические системы в особую категорию. С 1 января 2024 г. оперативно-диспетчерское управление в их пределах осуществляется системным оператором единолично, а при ограничении или отсутствии конкуренции закон допускает специальный режим государственного регулирования отношений в электроэнергетике [1].

Проблема носит не умозрительный, а объективный характер. Для арктических и северных территорий сочетание огромных расстояний, малой плотности населения, сезонной логистики топлива и фрагментированного спроса делает сетевые и генерационные решения существенно дороже, чем в объединенных энергосистемах. Схема и программа развития электроэнергетики Республики Саха (Якутия) фиксируют площадь региона около 3,1 млн км^2, долю территорий за Полярным кругом свыше 40 % и плотность населения 0,32 человека на квадратный километр. В тех же документах и стандартах планирования прямо используется категория изолированно работающих энергосистем, что показывает институциональную устойчивость самой проблемы, а не ее временный характер [2]. Аналогичный вывод подтверждается

и на международном уровне. По оценке Всемирного банка и Программы содействия управлению энергетическим сектором (ESMAP), в мире насчитывается более 19 тыс. установленных мини-сетей в 134 странах и на территориях, обеспечивающих электроэнергией почти 47 млн человек. Исторически в этой совокупности преобладали дизельные и гидроустановки, однако в новых проектах заметен переход к солнечно-дизельным и солнечно-батарейным конфигурациям. Отчет ESMAP одновременно показывает, что без институциональной среды, включающей работоспособные правила, доступ к финансированию, стандартизацию и понятные бизнес-режимы, масштабирование таких систем не происходит [3].

Научная проблема. Существующие исследования в области электроэнергетики в основном фокусируются на либерализации крупных взаимосвязанных систем и внедрении моделей оптового рынка. Однако применимость этих моделей к малым территориально разобщенным системам остается слабо изученной. В российской научной литературе преобладают экономические, отраслевые и технологические подходы [4, 5]. Институциональные работы охватывают общие проблемы реформирования электроэнергетики России, но не выделяют специфику изолированных энергорайонов и не анализируют институциональные барьеры и стимулы, характерные именно для таких систем [6]. В результате системный институциональный анализ барьеров и стимулов применительно к изолированным энергорайонам на сегодняшний день отсутствует. Это порождает разрыв между нормативным регулированием и экономической логикой малых систем, где классическая внутрирыночная конкуренция не может быть реализована. В то же время работы, непосредственно посвященные изолированным энергорайонам, сосредоточены преимущественно на тарифных, технологических или управленческих аспектах. Например, А. В. Попов и О. В. Кудрявцева раскрывают основы тарифной политики на территориях, не подключенных к единой энергетической системе, и анализируют перспективы применения систем накопления энергии [7]. В работах А. В. Глотова и А. А. Меркульевой, посвященных развитию изолированной энергосистемы Республики Саха (Якутия), также доминирует тарифно-экономический ракурс без выхода на системный институциональный анализ барьеров и стимулов [8]. Таким образом, научная проблема заключается в отсутствии институциональной модели, учитывающей специфику изолированных систем и позволяющей заместить административное копирование оптового рынка механизмами конкуренции за проект, эффективность и качество услуг.

Гипотеза исследования состоит в том, что эффективное развитие конкурентных отношений в изолированных энергорайонах достигается не через внедрение спотовой конкуренции большого числа продавцов, а через институциональную конструкцию, в которой конкуренция переносится на стадию входа и этап сравнения операционных показателей. При этом технологическая конфигурация и институты в таких системах неразделимы: одинаковый набор оборудования при разных правилах тарификации, компенсации инвестиций и распределения сетевого риска дают принципиально разные результаты по стоимости и надежности. Следовательно, регуляторные решения должны проектироваться совместно с техническими параметрами системы, а не накладываться на них по аналогии с крупными энергосистемами.

Методологическая основа настоящего исследования включает сочетание сравнительного институционального анализа, анализа нормативного регулирования и синтеза проектной экономики изолированных систем. В качестве эмпирической

базы использованы российские правовые акты и документы территориального планирования, а также международные отчеты и статьи, посвященные тарифам минисетей, качеству регулирования, гибридным энергосистемам и эффектам децентрализованной электрификации [1, 3, 9–13].

Цель исследования – обоснование институциональной модели, обеспечивающей баланс между надежностью, ограничением монопольной ренты и снижением полной стоимости энергоснабжения в изолированных энергорайонах, а также разработка системы стимулов, позволяющей заместить административное копирование оптового рынка механизмами конкуренции за проект и эффективность.

Научная новизна состоит в том, что впервые применительно к российской нормативной базе и практике территориального планирования обоснована необходимость перехода от универсального тарифного режима к дифференцированному, а также предложена институциональная конструкция, в которой конкуренция за рынок дополняется конкуренцией за эффективность на этапе эксплуатации, что позволяет преодолеть ключевые барьеры, выделенные в исследовании.

Основная часть

Анализ международного опыта и нормативной среды позволяет выделить несколько фундаментальных институциональных барьеров, которые системно ограничивают развитие конкурентных отношений в изолированных энергорайонах. Их природа не сводится к техническим сложностям, так как в основе лежат экономические и регуляторные разрывы, которые деформируют стимулы всех участников (табл. 1).

Таблица 1

Институциональные барьеры развития конкуренции в изолированных энергорайонах

Барьер	Как проявляется	Экономическое последствие	Подходящее решение
Тонкий рынок и малая нагрузка	Небольшое число потребителей, высокий резерв на единицу спроса	Концентрация предложения, низкая окупаемость параллельных проектов	Конкурс за право проекта, а не параллельный спотовый рынок
Высокая доля постоянных затрат	Дорогое строительство, доставка топлива, сезонная логистика	Высокий тариф без возможности полного покрытия затрат	Долгосрочная тарифная формула, капитальные гранты
Тарифное подавление ценового сигнала	Национальный социальный тариф ниже себестоимости локальной выработки	Нет входа частного инвестора, зависимость от бюджетных трансфертов	Частично компенсационный тарифный режим с целевой поддержкой отдельных категорий потребителей

Окончание табл. 1

Барьер	Как проявляется	Экономическое последствие	Подходящее решение
Неопределенность прихода магистральной сети	Нет ясного правила выкупа или интеграции активов	Рост стоимости капитала, отказ от инвестиций	Обязательный механизм компенсации при сетевом «приходе»
Дефицит данных и слабая отчетность	Несопоставимость проектных и фактических показателей	Информационная рента, завышение затрат, дорогой капитал	Единые стандарты отчетности, цифровой мониторинг
Нехватка якорной нагрузки	Спрос ограничен бытовым потреблением	Низкий коэффициент загрузки, дорогая энергия	Поддержка производительного потребления и якорных клиентов

Источник: сост. авторами по [14, 17].

Прежде всего, серьезным препятствием выступает сама структура издержек, характерная для малых энергосистем. Национальная лаборатория возобновляемой энергии (NREL) в рамках Рамочной программы обеспечения качества (QAF) показывает, что модели классической коммунальной энергетики в удаленных районах разрушаются по трем причинам: высокая стоимость снабжения удаленного потребителя, нестабильность денежных потоков со стороны покупателей и слабая определенность инвестиционного риск-профиля из-за малочисленности и высокой вариативности проектов. Для изолированного энергорайона это означает, что даже при формальном допуске новых участников естественным образом возникает тенденция к концентрации предложения, а у независимого инвестора появляется требование к более высокой премии за риск [14]. Не менее значимый барьер формируется в регуляторной плоскости. Международные исследования мини-сетей фиксируют, что высокий первоначальный порог капиталовложений, отсутствие стимулов и нехватка поддерживающей политики препятствуют замещению дорогой дизельной генерации более гибридными схемами. Обзор зарубежной литературы показывает, что успешность гибридных систем определяется не только техникой, но и сочетанием государственной поддержки, локальной организации и доступности финансирования. Авторы прямо отмечают, что недостаток стимулов и высокая капиталоемкость тормозят разворачивание систем, тогда как государственные стимулы снижают капитальные издержки и делают проекты реализуемыми [15].

Третий барьер связан с тарифной архитектурой. Отчет NREL по тарифам мини-сетей показывает, что гибридные солнечно-аккумуляторно-дизельные системы во многих случаях оказываются наименее дорогим вариантом по сравнению с чисто дизельной или чисто солнечной конфигурацией, но их расчетная приведенная стоимость электроэнергии (LCOE) часто находится около 0,70 долл./кВт·ч и заметно превышает субсидируемые тарифы крупных сетевых компаний. Для типового поселка из 100 домохозяйств в Гане разрыв между стоимостью и возможной выручкой

при национальном тарифе оценен примерно в 0,40–0,70 долл./кВт·ч. Такая ситуация убивает вход частного капитала не потому, что технология неэффективна, а потому, что регулятор запрещает проявиться ценовому сигналу [14].

Самостоятельным и крайне демотивирующим фактором служит неопределенность будущего присоединения к большой сети. NREL подчеркивает, что неясность перспективы уже созданной мини-сети в момент прихода магистральной сети является одним из самых демотивирующих факторов для инвестора. Если оператор не знает, будет ли его тариф сохранен, будут ли выкуплены активы, сохранятся ли права на локальную сеть и будет ли предусмотрен переходный период, он закладывает риск в цену капитала или вообще не входит в проект. Для изолированных энергорайонов России это особенно чувствительно, поскольку часть территорий сегодня изолирована постоянно, а часть может быть присоединена в среднесрочной перспективе [16].

Другое существенное препятствие лежит в плоскости данных и ролей участников. QAF показывает, что устойчивые бизнес-модели работают там, где четко определены функции государства, инвестора, разработчика и потребителя. При слабой отчетности и несопоставимости параметров систем регулятор не видит истинную стоимость услуги, инвестор не может корректно оценить риск, а потребитель не получает прозрачной гарантии качества. Всемирный банк в этой связи выделяет десять обязательных блоков для масштабирования мини-сетей, среди которых институциональная рамка, работоспособные правила, доступ к финансированию, обучение персонала и благоприятная деловая среда.

Таким образом, объективное сочетание незначительного совокупного спроса, необходимости локализации резерва мощности в границах того же ограниченного контура и естественно-монопольного характера единственной локальной сети исключает возможность реализации классической модели внутрирыночной конкуренции в изолированных энергорайонах. Любая попытка административного насаждения модели, которая предполагает одновременное присутствие множества продавцов и единую биржевую цену, в подобных условиях не формирует действенную конкурентную среду, а оборачивается ее институциональной имитацией. Экономически рациональная альтернатива предполагает переход к конкурентному отбору проекта на стадии входа, регулируемой эксплуатации сетевой инфраструктуры, контрактной оплате за надежность и качество и последующему постоянному сравнительному давлению посредством бенчмаркинга расхода топлива, времени простоев, показателей аварийности и фактической цены отпуска. Подобная модель реализует конкуренцию за эффективность, а не конкуренцию за формальное присутствие нескольких генерирующих единиц в одном узле.

Позитивный вывод из этой логики состоит в том, что конкуренция все же возможна, но единицей конкурентного сравнения должен стать проект энергоснабжения. Регулятор или заказчик вправе отбирать не просто победителя по минимальной инвестиционной цене, а оптимальную комбинацию из капитальных затрат, прогнозного расхода топлива, гарантированного уровня надежности, доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), срока окупаемости и цены для конечного потребителя. Таким образом, предметом конкурентного сопоставления выступают не обезличенные участники рынка с абстрактными ценовыми заявками, а интегрированные технологические пакеты и контрактные модели.

Если перейти от диагностики к инструментам, первым рабочим стимулом выступает конкурсный отбор с долгосрочным горизонтом окупаемости. NREL реко-

мендует для средних мини-сетей режим «облегченного регулирования» с экономически обоснованным тарифом, при котором разработчик может устанавливать тариф с ограниченным регуляторным контролем, а одобрение должно быть гарантировано на срок не меньше периода окупаемости, лучше свыше десяти лет. Для крупных изолированных систем допустим более жесткий режим, но только при наличии гарантированных субсидий, покрывающих разницу между социально приемлемой ценой и полными затратами. С этим тесно связан стимул в виде дифференциации регуляторных режимов в зависимости от размера и структуры системы. Универсальный тарифный режим для всех изолированных энергорайонов неэффективен. Небольшим объектам ближе договорная и упрощенная форма регулирования; средним системам нужен тариф по принципу «затраты плюс допустимая доходность» с минимальной бюрократией, а для крупных узлов может использоваться социально выровненный тариф при обязательной прозрачной компенсации выпадающих доходов. Этот подход прямо вытекает из зарубежного опыта, где трехуровневые режимы позволяли ускорять ввод новых объектов без отказа от публичного контроля [13].

Принципиально важным для снижения инвестиционного риска является заранее установленный механизм компенсации при приходе магистральной сети. Если законодательство и конкурсная документация заранее устанавливают формулу выкупа, остаточной стоимости, порядка сетевой интеграции или сохранения локального оператора в качестве распределительной компании либо сервисного подрядчика, премия за политический риск снижается. Российское право уже допускает переходный период и специальные особенности регулирования на территориях изолированных систем при передаче функций системному оператору, а значит, институциональная база для детализации такого механизма существует. Значительный резерв повышения эффективности кроется на стороне спроса. Всемирный банк показывает, что для хорошо спроектированной солнечно-батарейно-дизельной мини-сети LCOE порядка 0,55 долл./кВт·ч может упасть до 0,42 долл./кВт·ч при росте коэффициента загрузки до 40 % и до 0,22 долл./кВт·ч при сочетании ожидаемых цен 2030 г. и доходообразующей нагрузки. QAF отдельно подчеркивает роль якорных клиентов, которые создают устойчивый денежный поток и уменьшают восприятие риска со стороны инвестора. Когортное исследование по Кении и Нигерии показывает, что подключение солнечных мини-сетей связано с ростом доходов и деловой активности, т. е. производительное потребление в таких системах не является побочным эффектом, оно становится центральным элементом экономической устойчивости проекта.

Не менее существенным является переход от безусловной поддержки к стимулированию, привязанному к измеримым результатам (табл. 2). ESMAP показывает, что 40-процентный капитальный грант способен снизить стоимость электроэнергии примерно с 0,55 до 0,43 долл./кВт·ч даже при слабой доходообразующей нагрузке [17]. Такой инструмент лучше простой компенсации любых расходов, поскольку сохраняет у оператора мотивацию к снижению фактической стоимости, а государству позволяет платить не за присутствие, а за измеримый результат, например за снижение расхода топлива, рост надежности, выполнение стандарта качества и сокращение числа аварийных отключений. Существенную роль также играет цифровизация учета, внедрение предоплаты и систем управления нагрузкой. QAF рассматривает смарт-счетчики, системы удаленного мониторинга, защиту от потерь и стандартизированную отчетность как способ сократить операционные риски и стоимость капитала. Для изолированного энергорайона это особенно важно: даже

если полноценный рынок системных услуг пока избыточен, локальный контрактный рынок гибкости в форме оплачиваемого управления нагрузкой, накопителей и специальных услуг по поддержанию параметров режима уже экономически оправдан. В этом случае конкурируют не абстрактные поставщики мощности, а исполнители конкретных сервисов, снижающих расход топлива и потребность в резерве.

Таблица 2

Экономические стимулы

Инструмент	Канал воздействия	Ожидаемый эффект
Конкурсный отбор проекта по полной приведенной стоимости	Перенос конкуренции на стадию входа	Снижение инвестиционных затрат и расхода топлива
Долгосрочная тарифная формула с индексацией	Снижение регуляторного риска	Удешевление капитала, рост числа участников конкурса
Компенсация при приходе магистральной сети	Снятие риска потери актива	Готовность инвестора к более длинному горизонту вложений
Поддержка якорной нагрузки и productive use	Рост коэффициента использования мощности	Снижение LCOE и стабилизация денежных потоков
Результативные субсидии	Оплата за подтвержденный эффект, а не за смету	Уменьшение бюджетных потерь и монопольной ренты
Цифровой учет и локальные сервисы гибкости	Снижение операционных потерь и резервных расходов	Повышение надежности и точности тарифного регулирования

Источник: сост. авторами по [14, 17].

Для российских условий это означает необходимость перехода от модели «тариф плюс бюджетное дофинансирование» к более сложной, но и более дисциплинирующей конструкции. На уровне закона уже существуют три опоры для такой перестройки: специальное регулирование технологически изолированных систем, возможность отдельного государственного режима при отсутствии конкуренции и единый диспетчерский контур через системного оператора [11]. На уровне стандартов и регионального планирования присутствуют инструменты долгосрочного учета надежности и перспективного развития [9, 10]. Отсутствует не первоначальная правовая база, а связующий слой правил входа, тарифного контракта, выкупа активов и обязательного раскрытия проектной экономики.

Российская практика часто исходит из неявного предположения, что социальная справедливость достигается через максимальное подавление локальной цены. В изолированном энергорайоне это предположение оборачивается противоположным эффектом: дешевый для потребителя тариф оказывается дорогим для бюджета и разрушительным для конкуренции. Когда цена искусственно отсоединяется от реальной издержки, инвестор не может выиграть за счет более эффективной технологии, потому что его преимущество не монетизируется. Более разумная логика состоит в другом: часть цены может быть адресно сглажена для населения, но базовый контракт с оператором обязан сохранять зависимость вознаграждения от эффектив-

ности, надежности и фактической экономии ресурсов. В этом смысле развитие конкурентных отношений в изолированных энергорайонах следует понимать как институциональную сборку из трех уровней. Первый уровень (конкуренция за рынок) реализуется через тендер или аукцион. Второй уровень (регулируемая монополия) закрепляет сеть, диспетчеризацию и минимальные стандарты качества. Третий уровень (конкуренция вокруг рынка) открывает доступ поставщикам накопителей, сервисов гибкости, цифровых решений, технологических пакетов ВИЭ и даже крупным потребителям, готовым выступать якорной нагрузкой. Такая конструкция не имитирует классический оптовый рынок там, где его не может быть, и одновременно не оставляет изолированный энергорайон в режиме непрозрачной сметной монополии.

Заключение

Изолированный энергорайон не является зоной, в которой конкуренция невозможна по определению. Невозможна лишь ее упрощенная биржевая версия, рассчитанная на большой объем спроса, развитую сетевую связанность и широкий набор участников. В малой и удаленной системе конкуренция должна быть перенесена в точку отбора проекта, точку сравнения технологических решений и в точку контроля качества исполнения контракта. Ключевые институциональные барьеры имеют не только техническую, но прежде всего экономико-правовую природу. Высокие удельные издержки, искусственно заниженные тарифы, неопределенность сетевого будущего, слабая отчетность и дефицит долгих правил входа делают рынок тонким и инвестиционно непривлекательным. Пока эти факторы не устранены, разговор о либерализации остается декларативным.

Рабочая модель для России состоит в сочетании конкурсного отбора, долгосрочного тарифного контракта, адресной поддержки социально уязвимого спроса, четкой компенсации при приходе магистральной сети и обязательного раскрытия фактических показателей стоимости и надежности. В такой конфигурации конкурентные отношения развиваются не вопреки изолированности, а с учетом ее экономической логики. Именно это позволяет сократить монопольную ренту, не разрушая устойчивость энергоснабжения на территориях, где цена ошибки особенно высока.

Список источников

1. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 февраля 2003 года: одобрен Советом Федерации 12 марта 2003 года] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (дата обращения: 07.07.2026).
2. О схеме и программе развития электроэнергетики Республики Саха (Якутия) на 2019–2023 годы: Указ от 30.04.2019 № 514 // Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/553273832 (дата обращения: 07.07.2026).
3. Mini Grids for Half a Billion People: Market Outlook and Handbook for Decision Makers. Executive Summary / Energy Sector Management Assistance Program (ESMAP). Washington, DC: World Bank, 2019. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2021-05/Mini%20Grids%20For%20Half%20A%20Billion%20People%20-%20Market%20Outlook%20And%20Handbook%20For%20Decision%20Makers.pdf (дата обращения: 07.07.2026).
4. Экономический аспект развития возобновляемой энергетики в России / Е. Е. Щедрин, А. А. Таюрский, В. Ю. Бойцов, А. С. Мосин // Потенциал и вызовы развития возобнов-

ляемой энергетики: сб. матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Невинномысск, 22–26 декабря 2025 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2026. С. 132, 133.

5. Четвертая промышленная революция и цифровая трансформация: технологический суверенитет и повышение конкурентоспособности предприятий / В. Н. Андреев, Е. Д. Коршунова, Г. Д. Волкова [и др.] // Российский экономический интернет-журнал. 2022. № 3. EDN: QLCYFB
6. Романовский Д. С. Институциональные аспекты реформирования электроэнергетики России // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 30 (285). С. 61–68.
7. Попов А. В., Кудрявцева О. В. Эколого-экономические эффекты систем накопления энергии для удаленных территорий России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2025. Т. 17. № 3 (57). С. 227–243. DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-3-227-243
8. Глотов А. В., Меркульева А. А. Проблемы и перспективы развития изолированных энергосистем Дальнего Востока: на примере энергосистемы Республики Саха (Якутия) // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2017. № 1. С. 55–64.
9. ГОСТ Р 58057–2018. Единая энергетическая система и изолированно работающие энергосистемы. Планирование развития энергосистем. Общие требования: национальный стандарт Российской Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 марта 2018 г. № 128-ст: дата введения 2019-01-01 / разработан Акционерным обществом «Системный оператор Единой энергетической системы» (АО «СО ЕЭС»). Москва: Стандартинформ, 2018.
10. ГОСТ Р 58058–2018. Единая энергетическая система и изолированно работающие энергосистемы. Устойчивость энергосистем. Нормы и требования: национальный стандарт Российской Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 июля 2018 г. № 417-ст: дата введения 2019-01-01 / разработан Акционерным обществом «Системный оператор Единой энергетической системы» (АО «СО ЕЭС»). Москва: Стандартинформ, 2018.
11. О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.10.2009 № 823 (ред. от 30.12.2022) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93016/ (дата обращения: 07.07.2026).
12. Tariff Considerations for Micro-Grids in Sub-Saharan Africa / T. Reber, S. Booth, D. Cutler [et al.]. Golden, CO: National Renewable Energy Laboratory, 2018. DOI: 10.2172/1422366
13. Social and economic impact analysis of solar mini-grids in rural Africa: a cohort study from Kenya and Nigeria / A. T. Carabajal, A. Orsot, M. P. E. Moudio [et al.] // Environmental Research: Infrastructure and Sustainability. 2024. Vol. 4, № 2. P. 025005. DOI: 10.1088/2634-4505/ad4ffb. EDN: QECCIW
14. Sustainable Energy for Schools and Health Centers: Public-Private Partnerships for People's Prosperity / ESMAP. Washington, DC: World Bank, 2026. URL: https://hdl.handle.net/10986/44717 (дата обращения: 09.07.2026).
15. A review of hybrid renewable energy systems in mini-grids for off-grid electrification in developing countries / E. I. Come Zebra, H. J. Van Der Windt, G. Nhumaio, A. P. C. Faaij // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. Vol. 144. P. 111036. DOI: 10.1016/j.rser.2021.111036. EDN: EGEQUS
16. Щедрин Е. Е., Мосин А. С. Анализ конкуренции на рынке возобновляемой энергетики Российской Федерации на основе модели пяти сил М. Портера // Актуальные вопросы устойчивого развития регионов, отраслей, предприятий: матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. (Тюмень, 12–15 декабря 2025 г.). Т. 1. Тюмень: Тюменский индустриальный ун-т, 2026. С. 166–170.

17. Grids for Half a Billion People: Market Outlook and Handbook for Decision Makers / ESMAP. Washington, DC: World Bank, 2022. URL: https://hdl.handle.net/10986/38082 (дата обращения: 08.07.2026).

References

1. On Electric Power Industry: Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003: [accepted State Duma February 21, 2003; approved Federation Council March 12, 2003]. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (accessed date: 07.07.2026).
2. On the Scheme and Program for the Development of Electric Power Industry of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2019–2023: Decree № 514 of April 30, 2019. *Kodeks: electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents*. URL: https://docs.cntd.ru/document/553273832 (accessed date: 07.07.2026).
3. Mini Grids for Half a Billion People: Market Outlook and Handbook for Decision Makers. Executive Summary / Energy Sector Management Assistance Program (ESMAP). Washington, DC: World Bank. 2019. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2021-05/Mini%20Grids%20For%20Half%20A%20Billion%20People%20-%20Market%20Outlook%20And%20Handbook%20For%20Decision%20Makers.pdf (accessed date: 07.07.2026).
4. Economic Aspect of Renewable Energy Development in Russia / E. E. Shchedrin, A. A. Tayursky, V. Y Boytsov, A. S. Mosin. Potential and challenges of renewable energy development: *Collection of materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation (Nevinnomyssk, December 22–26, 2025)*. Stavropol: North Caucasus Federal University; 2026. P. 132, 133.
5. The Fourth Industrial Revolution and Digital Transformation: Technological Sovereignty and Increasing Enterprise Competitiveness / V. N. Andreev, E. D. Korshunova, G. D. Volkova [et al.]. Russian Economic Online Journal. 2022; (3). EDN: QLCYFB
6. Romanovsky D. S. Institutional Aspects of Reforming the Electric Power Industry in Russia. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2012; (30): 61–68.
7. Popov A. V., Kudryavtseva O. V. Ecological and Economic Effects of Energy Storage Systems for Remote Territories of Russia. *Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2025; 17 (3): 227–243. DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-3-227-243
8. Glotov A. V., Merkulyeva A. A. Problems and Prospects for the Development of Isolated Energy Systems in the Far East: A Case Study of the Energy System of the Republic of Sakha (Yakutia). *Bulletin of the Moscow Financial and Legal University MFLA*. 2017; (1): 55–64.
9. GOST R 58057–2018. Unified Energy System and Isolated Operating Power Systems. Power System Development Planning. General requirements: national standard of the Russian Federation: approved and put into effect by the Order of the Federal Agency for Technical Regulating and Metrology dated March 13, 2018 No. 128-st: date of introduction 2019-01-01 / developed by Joint-Stock Company "System Operator of the United Power System" (JSC "SO UPS"). Moscow: Standartinform; 2018.
10. GOST R 58058–2018. Unified Energy System and Isolated Operating Power Systems. Power System Stability. Norms and Requirements: national Standard of the Russian Federation: approved and put into effect by Order No. 417-st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated July 17, 2018: date of introduction 2019-01-01 / developed by Joint-Stock Company "System Operator of the Unified Energy System" (JSC "SO UES"). Moscow: Standartinform; 2018.
11. On Schemes and Programs for Long-Term Development of the Electric Power Industry: decree of the Government of the Russian Federation No. 823 of October 17, 2009 (as amended on December 30, 2022). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93016/ (accessed date: 07.07.2026).
12. Tariff Considerations for Micro-Grids in Sub-Saharan Africa / T. Reber, S. Booth, D. Cutler [et al.]. Golden, CO: National Renewable Energy Laboratory; 2018. DOI: 10.2172/1422366

13. Social and economic impact analysis of solar mini-grids in rural Africa: a cohort study from Kenya and Nigeria / A. T. Carabajal, A. Orsot, M. P. E. Moudio [et al.]. *Environmental Research: Infrastructure and Sustainability*. 2024; 4 (2): 025005. DOI: 10.1088/2634-4505/ad4ffb. EDN: QECCIW
14. Sustainable Energy for Schools and Health Centers: Public-Private Partnerships for People's Prosperity / ESMAP. Washington, DC: World Bank; 2026. URL: https://hdl.handle.net/10986/44717 (accessed date: 09.07.2026).
15. A review of hybrid renewable energy systems in mini-grids for off-grid electrification in developing countries / E. I. Come Zebra, H. J. Van Der Windt, G. Nhumaio, A. P. C. Faaij. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021; (144): 111036. DOI: 10.1016/j.rser.2021.111036. EDN: EGEQUS
16. Shchedrin E. E., Mosin A. S. Analysis of Competition in the Renewable Energy Market of the Russian Federation Based on M. Porter's Five Forces Model. *Current issues of sustainable development of regions, industries, enterprises: Proceedings of the International scientific and practical conference. In 2 vol. (Tyumen, December 12–15, 2025). Vol.* 1. Tyumen: Tyumen Industrial University; 2026. 166–170.
17 Grids for Half a Billion People: Market Outlook and Handbook for Decision Makers / ESMAP. Washington, DC: World Bank; 2022. URL: https://hdl.handle.net/10986/38082 (accessed date: 08.07.2026).

Информация об авторах:

Мосин Александр Сергеевич, аспирант, АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского», г. Москва, sashamos52@gmail.com, ORCID: 0009-0007-1369-2412

Щедрин Евгений Евгеньевич, аспирант, ФГАОУ ВО «МГТУ "СТАНКИН"», г. Москва, shedrin9@yandex.ru, ORCID: 0009-0004-8531-6043

Сальковский Иван Александрович, аналитик, АО «Эйлер Аналитические Технологии», г. Москва, iv_salk@rambler.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/007-018
EDN: https://elibrary.ru/UKMASN

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
16.06.2026	19.06.2026	17.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 19–29
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 19–29

Научная статья
УДК 332.145
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/019-029
EDN: https://elibrary.ru/UZWXES

Оценка влияния совместного предпринимательства в российских преференциальных режимах на развитие принимающих регионов

Сунь Лимэй
Западно-Юньнаньский университет прикладных наук
Тэнчун. Китайская Народная Республика

Аннотация. *Представлены результаты исследований проблемы повышения эффективности совместных предприятий в российских преференциальных режимах. Установлено, что в отличие от традиционных предприятий их создание и функционирования имеют принципиально иную специфику в части институциональной среды, управленческих практик, технологических компетенций и финансовых ресурсов. Обоснована необходимость в использовании адекватных методологических подходов к оценке их влияния на социально-экономическое развитие принимающих регионов. На примере российско-китайского предпринимательства в российских регионах Дальнего Востока на территориях опережающего развития и свободного порта Владивосток разработан методический инструментарий, обеспечивающий каузальную оценку его вклада в региональное развитие, основанный на сочетании современных эконометрических методов синтетического контроля и сопоставления по склонности.*

Ключевые слова**:** *Дальний Восток, преференциальные режимы, совместное предпринимательство, особенности создания, результативность функционирования, оценка, методический инструментарий*

Для цитирования: *Сунь Лимэй. Оценка влияния совместного предпринимательства в российских преференциальных режимах на развитие принимающих регионов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 19–29. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/019-029. EDN: https://elibrary.ru/UZWXES*

Original article

Assessing the impact of joint ventures in russian preferential regimes on the development of host regions

Sun Limei
West Yunnan University of Applied Sciences
Tengchun. People's Republic of China

Abstract. *This article presents the results of a study examining the issue of increasing the effectiveness of joint ventures under Russian preferential regimes. It is established that, compared to traditional enterprises, their establishment and operation have fundamentally different specifics in terms of the institutional environment, management practices, technological competencies, and financial resources. The need for adequate methodological approaches to assessing their impact on the socioeconomic development of host regions is substantiated. Using the example of Russian-Chinese entrepreneurship in the Russian Far East regions of the Advanced Development Areas (ADAs) and the Free Port of Vladivostok (FPV), a methodological toolkit has been developed to provide a causal assessment of its contribution to regional development, based on a combination of modern econometric methods of synthetic control and propensity matching.*

© Сунь Лимэй, 2026

Keywords: *Far East, preferential regimes, joint ventures, establishment characteristics, operational effectiveness, assessment, methodological toolkit*

For citation*: Sun Limei. Assessing the impact of joint ventures in russian preferential regimes on the development of host regions // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 19–29. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/019-029. EDN: https://elibrary.ru/UZWXES*

Введение

Современный этап геоэкономического развития характеризуется усилением региональных интеграционных процессов и формированием новых форм трансграничного сотрудничества, в центре которых все чаще оказываются совместные предприятия (СП) как инструмент стратегического партнерства между государствами. Особую актуальность этот тренд приобретает в контексте углубляющегося российско-китайского взаимодействия, которое трансформируется из преимущественно торгово-сырьевого формата в комплексное партнерство, охватывающее промышленность, цифровые технологии, логистику и инфраструктурное развитие. Динамика данного процесса обеспечивается геополитической и экономической переориентацией России на Азиатско-Тихоокеанский регион, что в современной научной дискуссии рассматривается как стратегический приоритет государственной политики [1].

Существующие на Дальнем Востоке совместные предприятия (СП), прежде всего российско-китайские, на территории опережающего развития (ТОР) и в свободном порту Владивосток (СПВ), в последние 10 лет обеспечивают хорошую динамику экономического развития дальневосточных регионов по сравнению со среднероссийскими показателями [2, 3]. Вместе с тем эффективность их вклада в социально-экономическое развитие принимающих регионов сдерживается национальными особенностями организационно-правового регулирования совместного предпринимательства в преференциальных режимах, что обусловливает необходимость обоснования адекватных методических подходов к его оценке и усилению.

Методология настоящего исследования базируется на основных положениях теории межрегиональных диспропорций, теории государственного регулирования экономики, на использовании модели комплекса квазиэкспериментальных эконометрических методов.

Целью исследования являлась разработка методического обеспечения оценки влияния российско-китайских СП в социально-экономическое развитие регионов с ТОР/СПВ.

Задачи исследования:

– определить систему количественных и качественных показателей, отражающих полноту воздействия С;

– адаптировать комбинированную модель SCM+PSM для сравнения регионов с российско-китайскими СП и без них в рамках преференциальных режимов.

Основная часть

В отличие от традиционных предприятий, действующих в национальных преференциальных режимах, СП обладают принципиально иной спецификой: они интегрируют разнородные институциональные среды, управленческие практики, технологические компетенции и финансовые ресурсы. Предпосылки и динамика развития международных предпринимательских структур с участием китайского капитала на Дальнем Востоке становятся предметом специального анализа в контексте устой-

чивости принимающих регионов [4, 5]. Эта специфика требует расширения и адаптации существующих методологических подходов к оценке их влияния на региональное развитие. Традиционные финансово-экономические критерии (рентабельность, выручка, налоговые поступления) оказываются недостаточными для оценки мультипликативных эффектов, генерируемых совместным предпринимательством, включая трансфер технологий, формирование кадрового потенциала, развитие локальных цепочек создания добавленной стоимости и укрепление институциональной устойчивости регионов.

Современные методические подходы к оценке влияния совместного предпринимательства на региональное развитие эволюционируют от простых количественных показателей к комплексным, многомерным моделям, учитывающим:

– типологическую специфику региона, т. е. его экономико-географическое положение, структуру экономики, демографический профиль и уровень социально-экономического развития, что позволяет дифференцировать эффекты совместных предприятий в зависимости от контекста территории;

– степень международной интеграции, в том числе ее вовлеченность в глобальные и региональные цепочки создания добавленной стоимости, наличие трансграничных связей, а также их роль как платформы для внешнеэкономической деятельности;

– уровень добавленной стоимости, генерируемой совместными предприятиями, с акцентом не только на масштабы производства, но и на технологическую сложность, инновационность продукции и способность локализовать высокие стадии производственного цикла внутри региона;

– институциональную и политическую устойчивость, включающую качество регулирования, правовую определенность, прозрачность административных процедур, а также степень доверия между экономическими и политическими акторами, что напрямую влияет на долгосрочную устойчивость и воспроизводимость позитивных эффектов от совместного предпринимательства.

Такая эволюция отражает стремление исследователей и практиков к более глубокому, контекстуальному пониманию того, при каких условиях и через какие механизмы совместное предпринимательство действительно способствует устойчивому и сбалансированному региональному развитию.

Для достижения цели настоящего исследования представляет ценность систематизация следующих методических подходов, используемых в настоящее время в теории и практике управления совместным предпринимательством:

1. Количественные методические подходы, ориентированные на выявление корреляционных и причинно-следственных связей между деятельностью резидентов преференциальных режимов и динамикой региональных социально-экономических показателей. В частности, используется регрессионный анализ с фиктивной переменной, позволяющий оценить «эффект от установления режима» [6].

Особое значение в данном подходе придается анализу структуры капитала и географии инвесторов. Так, в регионах Дальнего Востока наиболее активным иностранным партнером является КНР, что обусловливает необходимость учета двустороннего измерения экономического влияния, включая эффекты технологического переноса, создания межрегиональных цепочек добавленной стоимости и мультипликативного воздействия на смежные секторы.

2. Подходы, основанные на использовании эконометрических и регрессионных методов. Регрессионные модели с фиксированными эффектами позволяют оценить влияние эффекта принадлежности к преференциальным режимам на производительность труда, контролируя неизменяемые характеристики фирм [7]. Применительно к СП это дает возможность изолировать вклад совместной собственности от общей эффективности резидентов.

3. Экосистемный и инфраструктурный подходы, позволяющие оценить системный, кумулятивный эффект от совместного предпринимательства [8, 9].

4. Практико-эмпирический подход, используемый сравнение долевых показателей, в частности анализ долевого участия совместных предприятий в ВРП / выручке, занятости, внешнеторговом обороте, налоговых поступлениях [10].

Развитием данных подходов в новейшей научной литературе является интеграция фискальных и социальных параметров в модели контрфактуального анализа для выявления чистых эффектов преференциальных режимов [11].

Таким образом, современная методология оценки влияния совместного предпринимательства на российских территориях с преференциальными режимами на развитие принимающих регионов требует синтеза микроэкономических, мезоуровневых и макроэкономических подходов, при сочетании количественных и качественных методов и их интеграции в рамках единой концепции «стратегического воздействия», что создает предпосылки для разработки методического инструментария, ориентированного на доказательную базу принятия решений в области государственного регулирования развития совместного предпринимательства на этих территориях.

Исходя из этого предлагаемый в настоящем исследовании методический инструментарий основан на системном подходе к анализу взаимосвязей между преференциальными режимами, функционированием в них совместных предприятий, преимущественно российско-китайских, и динамикой комплексного набора социально-экономических индикаторов развития принимающих регионов в контексте осуществляемых социально-экономических процессов на Дальнем Востоке.

В ходе реализации поставленной цели предложен методический подход, предусматривающий шесть последовательных этапов. При этом переход к следующему этапу осуществляется только после реализации предыдущего этапа.

Этап 1. Формирование целевых показателей и выборка регионов

На данном этапе определяются ключевые индикаторы для анализа изменения социально-экономического развития регионов в рамках функционирования территорий с особым экономико-правовым статусом, на которые повлияло создание и функционирование совместного предпринимательства в данных регионах:

К ним относятся:

– прирост валового регионального продукта в регионах, в которых функционируют совместные предприятия на территории преференциальных режимов (ВРП, %, к предыдущему периоду);

– прирост объема привлеченных инвестиций в регионах, в которых функционируют совместные предприятия на территории преференциальных режимов, млрд руб.;

– увеличение количества созданных рабочих мест в регионах, в которых функционируют совместные предприятия на территории преференциальных режимов, тыс. чел.;

– прирост налоговых поступлений в консолидированный бюджет субъекта РФ в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, млрд руб.

Следует дать пояснения по группам показателей, которые не относятся к экономическим.

Показатели социального развития (уровень жизни населения):

– увеличение численности населения в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, тыс. чел.;

– уменьшение числа безработных в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, тыс. чел.;

– увеличение средней заработной платы в регионах, в которых функционируют совместные предприятия на территории преференциальных режимов, тыс. руб.;

– прирост доли местных кадров в регионах, в которых функционируют совместные предприятия на территории преференциальных режимов, тыс. чел.;

– увеличение реальных доходов населения в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, тыс. руб.

Показатели социально-экономического развития:

– увеличение доли высокотехнологичной продукции в ее общем объеме в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, %;

– уменьшение степени зависимости от импорта в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, импортная квота;

– увеличение экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, %;

– увеличение технической оснащенности предприятий в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, %;

– изменение прибыли предпринимательской системы в регионах, в которых функционируют совместные предприятия, %.

Предлагаемый набор показателей с позиции системного подхода ориентирован на раскрытие целостности развития регионов в условиях функционирования территорий с преференциальным режимом, выявления разнообразных связей и сведения в единый интегральный показатель. Заметим, что выбор показателей производится с учетом возможности получения их из региональных статистических сборников или путем расчета по статистическим данным.

По мнению автора, предложенный перечень показателей является структурно выдержанным, а также релевантным, направленным на целеориентированную оценку. Все эти показатели определяют эффективность функционирования и отражают содержание внешних и внутренних процессов развития территорий с преференциальными режимами. Релевантность предложенных показателей подтверждается результатами эмпирических исследований, оценивающих реальный вклад ТОР и СПВ в социально-экономическую динамику дальневосточных субъектов [12].

Важно добавить, что в рамках первого этапа осуществляется выборка регионов Дальнего Востока со следующим определением двух ключевых групп:

− тестовая группа: субъекты РФ на Дальнем Востоке, где в рамках ТОР/СПВ зарегистрированы российско-китайские СП;

− контрольная группа: субъекты РФ на Дальнем Востоке с функционирующими ТОР/СПВ, но без российско-китайских СП (только российские резиденты или иностранные компании из других юрисдикций).

Ключевым критерием и обязательным условием является выборка максимально сопоставимых регионов из контрольной группы регионам тестовой группы. Соответствие данных регионов по экономическим, географическим, социальным и прочим

критериям позволит минимизировать влияние прочих факторов, а также определить степень влияния функционирования совместных предприятий на экономику регионов тестовой группы.

Помимо этого, формирование достаточно большой выборки регионов контрольной группы позволит на следующем этапе сделать максимально качественный подбор регионов из контрольной группы для оценки регионов тестовой группы. Такой дизайн позволяет изолировать вклад именно совместной формы собственности с КНР, контролируя эффект самого преференциального режима.

Этап 2. Сбор и подготовка данных

Данные собираются за период не менее 5 лет до и после появления первого российско-китайского СП в ТОР/СПВ с использованием следующих источников:

– Росстат (региональные показатели ВРП, занятости, инвестиций);

– ФНС России (налоговые поступления);

– отчеты управляющих компаний ТОР/СПВ и резидентов (данные о СП, рабочих местах, инвестициях, экспорте);

– реестры Роспатента (патентная активность);

– качественные данные – интервью с представителями СП, отчеты по КСО.

Полученные данные позволяют сформировать информационный массив для проведения исследования, который отвечает следующим требованиям: обоснованность (информация отвечает целям исследования); достоверность (информация соответствует фактическим данным); доступность (информация содержится в официальных источниках); репрезентативность (информация позволяет получить содержательные результаты).

Этап 3. Адаптация существующей экономико-математической модели оценки

Метод синтетического контроля (SCM), предложенный в качестве альтернативы Абади и соавторами, выдвигает значительно более гибкую и мощную замену. SCM создает «синтетический» контрольный регион путем формирования взвешенной линейной комбинации нескольких регионов-доноров из обширной контрольной выборки [13]. Цель такого построения заключается в том, чтобы подобрать веса для каждого донора таким образом, чтобы «синтетический» регион максимально точно соответствовал целевому региону (или группе регионов) по широкому спектру прединтервенционных характеристик и, что крайне важно, по предыстории развития ключевых экономических показателей. Этот подход позволяет учесть сложные, незамеряемые временные эффекты, которые могут влиять на результат, поскольку он не требует строгого выполнения условия параллельных траекторий. Если до момента вмешательства синтетический контроль хорошо имитирует поведение целевого региона, то различие между фактической траекторией последнего и контрфактической траекторией синтетического контроля после вмешательства можно интерпретировать как оценку чистого эффекта.

Метод SCM активно применяется для оценки влияния политических и экономических реформ, включая внедрение специальных экономических зон (СЭЗ), что делает его особенно релевантным для данного исследования [14, 15]. В российской практике применение SCM для оценки государственных программ развития Дальнего Востока также продемонстрировало высокую результативность [16].

Сопоставление по склонности (PSM) представляет собой еще один инструмент для решения проблемы отбора в эмпирическом анализе. Его основная задача – создать сбалансированные экспериментальную и контрольную группы на основе набора прединтервенционных характеристик. Для каждой единицы (региона) в группе «обработки» (например, региона с российским СП внутри режима) рассчитывается «склонность» (вероятность) принадлежать к этой группе на основе набора объясняющих переменных. Затем для каждой такой единицы в контрольной выборке находятся «соседи» – те, чья склонность наиболее близка. Это позволяет снизить систематическую зависимость между назначением на обработку и прединтервенционными характеристиками, создавая сравнимые группы. Хотя PSM сам по себе не решает проблемы времени и не учитывает динамику, он является ценным инструментом для предварительной подготовки данных и создания более репрезентативной контрольной выборки.

По мнению автора, логика комбинации этих двух методов для достижения цели настоящего исследования заключается в использовании их синергетического потенциала. Прямое применение SCM для сравнения трех групп является нетривиальной задачей, однако сочетание PSM и SCM позволяет эффективно ее решить. На первом этапе PSM используется для предварительного сопоставления регионов и формирования начальных контрольных групп. Например, для каждой группы предприятий (российские СП внутри режима, российские СП вне режима) можно с помощью PSM найти наиболее сопоставимые по прединтервенционным характеристикам регионы, где действуют китайские компании в других регионах. Это позволяет убедиться, что сравниваемые группы являются сопоставимыми в начале наблюдений. На втором этапе, после формирования сбалансированных групп, применяется SCM. Чтобы оценить совокупный эффект деятельности предприятий внутри режима, можно объединить все такие регионы в одну «обработанную» группу и построить для них единый «синтетический» контрольный регион. В качестве доноров для этого синтетического контроля будут выступать регионы, отобранные с помощью PSM, например регионы с российскими СП вне режима и/или регионы с китайскими компаниями в других регионах. Таким образом, SCM позволяет корректно смоделировать контрфактическую траекторию развития для группы предприятий внутри режима, которая учитывает как общие экономические тренды, так и специфику отдельных регионов. Более продвинутый подход, напрямую применимый к задаче с несколькими группами, основан на использовании обобщенных весов для PSM.

Таким образом, предложенная комбинация методов обеспечивает многоуровневый и всесторонний подход к оценке. PSM служит для первичного сопоставления и сбалансирования групп, снижая риск смещения из-за отбора. SCM затем используется для построения детализированной контрфактической траектории, которая учитывает сложные, незамеряемые временные факторы. Такой подход позволяет получить более надежную и устойчивую оценку влияния российско-китайского предпринимательства, учитывая различные юридические и географические контексты, в которых оно функционирует.

Обоснование выбора:

– SCM позволяет построить «синтетический» контрольный регион, который наилучшим образом имитирует предысторию тестового региона по широкому набору переменных;

– PSM используется на предварительном этапе для сбалансирования групп по наблюдаемым характеристикам (например, предварительный уровень ВРП, структура экономики, бюджетная обеспеченность).

Процедура применения:

– PSM-этап: для каждого региона из тестовой группы (с СП) находится наиболее сопоставимый регион из контрольной группы (без СП) на основе propensity score, рассчитанного по прединтервенционным характеристикам;

– SCM-этап: на основе сопоставленных пар строится синтетический контрольный регион как взвешенная комбинация контрольных регионов. Веса подбираются так, чтобы минимизировать MSE между фактическими и синтетическими значениями показателей до появления СП.

Оценка эффекта: чистый эффект ΔY рассчитывается как разность между фактической траекторией тестового региона и контрфактической траекторией синтетического контроля после появления СП:

$$\Delta Y_t = Y_t^{\text{факт}} - T_t^{\text{синт}}, \text{ для } t > t_0,$$

где t_0 – год начала деятельности первого СП.

Анализ проводится отдельно по каждому показателю, что позволяет получить многомерную оценку влияния.

Этап 4. Проведение оценки развития регионов в соответствии с адаптированной экономико-математической моделью

На этом этапе проводится оценка влияния российско-китайского предпринимательства на территориях с преференциальным режимом на социально-экономическое развитие регионов в соответствии с адаптированной экономико-математической моделью. Авторский методический подход предоставляет возможность определить в регионах тестовой группы разность между фактической траекторией тестового региона и контрфактической траекторией синтетического контроля после появления СП.

Этап 5. Группировка регионов

На данном этапе выделяются группы регионов округа, однородных по уровню влияния российско-китайского предпринимательства на территориях с преференциальными режимами на социально-экономическое развитие данных регионов с помощью проведения многомерной классификации методом кластерного анализа.

Этап 6. Оценка и анализ проблем

На заключительном этапе проводится оценка влияния российско-китайского предпринимательства на территориях с преференциальным режимом на социально-экономическое развитие регионов и определяются ключевые проблемы, а также направления по созданию благоприятных условий для формирования и стимулирования привлечения российско-китайского предпринимательства на территориях с особым экономико-правовым статусом.

В целях повышения объективности предлагаемого подхода следует отметить возможные в настоящее время ограничения в его использовании:

− доступность данных, так как детальная информация о СП (особенно качественная) может быть ограничена;

− эндогенность отбора при возможности возникновения ситуации, когда наиболее привлекательные для инвесторов ТОР/СПВ с большей вероятностью получают российско-китайские проекты;

− небольшой размер выборки, так как количество ТОР/СПВ с российско-китайскими СП ограничено, что требует осторожности в обобщении результатов.

Тем не менее предложенный методический подход обеспечивает наиболее строгую оценку эффекта российско-китайского предпринимательства в рамках преференциальных режимов, выходя за границы простого сравнения «с СП» vs «без СП» и обеспечивая контрфактическую основу для выводов.

Заключение

Предлагаемый методический подход позволяет выявить чистый эффект присутствия российско-китайских совместных предприятий в рамках ТОР и СПВ, отделив его от общего воздействия преференциального режима. Это достигается за счет комбинированного применения сопоставления по склонности (PSM) и метода синтетического контроля (SCM), что обеспечивает робастность оценки даже при малой выборке и нарушении гипотезы параллельных траекторий.

Автором предложен многомерный индикаторный каркас, выходящий за рамки традиционных показателей (инвестиции, рабочие места). В него интегрированы:

– экономические переменные (ВРП, экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью, налоговые поступления);

– социальные эффекты (уровень заработной платы, доля местных кадров, реальные доходы);

– качественные и институциональные аспекты (инновационная активность, устойчивость к шокам, степень локализации цепочек добавленной стоимости).

Использованием предлагаемого подхода обеспечивается стратегическая привязка оценки к целям «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года», в частности к решению задачи сокращения межрегиональных диспропорций, так как он позволяет измерять вклад СП не только в абсолютный рост, но и в сближение социально-экономического уровня развития регионов Дальнего Востока с общенациональным.

Важно также подчеркнуть, что в предлагаемом подходе используется принцип сравнительной идентификации: тестовая группа (регионы с российско-китайскими СП в ТОР/СПВ) сопоставляется с контрольной (регионы с ТОР/СПВ, но без участия КНР), что позволяет выделить именно межстрановой и совместный характер собственности как источник эффекта.

Список источников

1. Шестакова М. Н. Преференциальные режимы в Дальневосточном регионе как стратегический инструмент государства при «повороте на Восток» // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 3. С. 6–24.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 285-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511065/ (дата обращения: 04.09.2026).
3. О внесении изменений в статью 5 части первой и статьи 284.4 и 427 части второй Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 286-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=-LAW&n=511067 (дата обращения: 04.09.2026).

4. Онищенко К. В. Международная территория опережающего развития как новое направление в развитии территориальных преференциальных режимов // Финансовое право. 2025. № 12. С. 33–37.
5. Ли С. Предпосылки развития международного социального предпринимательства в дальневосточных регионах России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 39–51.
6. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. // РИА рейтинг. 2023. URL: https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html (дата обращения: 24.06.2026).
7. Росреестр. Единый государственный реестр недвижимости: [сайт]. URL: https://rosreestr.gov.ru/ (дата обращения: 15.06.2026).
8. Торговля между Россией и Китаем в 2021 г. // ВнешТоргИнфо. 2022. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2021-g/ (дата обращения: 02.06.2026).
9. Единая информационная платформа национальной системы управления данными: [сайт]. URL: https://nsud.gosuslugi.ru/ (дата обращения: 15.06.2026).
10. Что Китай значит для экономики России // РБК. 2023. URL: https://www.rbc.ru/economics/20/03/2023/64145bfb9a79477ef586365c (дата обращения: 01.06.2026).
11. Латкин А. П., Тао Л. Оценка эффективности преференциальных режимов: методический аспект // Вестник евразийской науки. 2026. Т. 18, № 1. С. 1–12.
12. Дугаржапова Д. Б. Преференциальные режимы: результаты деятельности и влияние на развитие регионов Дальнего Востока // ЭКО. 2025. Т. 55, № 5. С. 22–41.
13. ESG-рэнкинг субъектов РФ. Методика // RAEX. Rating Review. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/methods/ (дата обращения: 24.06.2026).
14. Xu J. What does China’s newly launched National Data Bureau mean to China and global data governance? // Internet Policy Review. 2023. Apr 25. URL: https://policyreview.info/articles/news/chinas-national-data-bureau-and-global-data-governance (дата обращения: 15.06.2026).
15. National Integrated Government Big Data System. URL: https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202210/28/content_WS635b9af9c6d0a757729e1e00.html (дата обращения: 15.06.2026).
16. Дорошенко С. В., Васильева Р. И., Литвинец В. П. Государственная программа развития Дальнего Востока и ее эффективность для регионов // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2(203). С. 113–124.

References

1. Shestakova M. N. Preferential regimes in the Far Eastern region as a strategic instrument of the state in the "turn to the East". *South-Russian journal of social sciences*. 2024; 25(3): 6–24.
2. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law dated July 31, 2025 № 285-FZ. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511065/ (accessed date: 04.09.2026).
3. On Amendments to Article 5 of Part One and Articles 284.4 and 427 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation: Federal Law dated July 31, 2025 № 286-FZ. *ConsultantPlus.* URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511067 (accessed date: 04.09.2026).
4. Onishchenko K. V. International territory of advanced development as a new direction in the development of territorial preferential regimes. *Financial law*. 2025; (12): 33–37.
5. Li Xiaotao. Prerequisites for the development of international social entrepreneurship in the Far Eastern regions of Russia. *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 2024; 16(1): 39–51.

6. Rating of the socio-economic situation of regions based on the results of 2022. *RIA rating*. 2023. URL: https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html (accessed date: 24.06.2026).
7. Rosreestr. Unified State Register of Real Estate: [website]. URL: https://rosreestr.gov.ru/ (accessed date: 15.06.2026).
8. Trade between Russia and China in 2021. *VneshTorgInfo*. 2022. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2021-g/ (accessed date: 02.06.2026).
9. Unified information platform of the national data management system: [website]. URL: https://nsud.gosuslugi.ru/ (accessed date: 15.06.2026).
10. What China means for the Russian economy. *RBC*. 2023. URL: https://www.rbc.ru/economics/20/03/2023/64145bfb9a79477ef586365c (accessed date: 01.06.2026).
11. Latkin A. P., Tao L. Assessing the effectiveness of preferential regimes: a methodological aspect. *Bulletin of Eurasian Science*. 2026; 18(1): 1–12.
12. Dugarzhapova D. B. Preferential Regimes: Performance Results and Impact on the Development of Far Eastern Regions. *ECO*. 2025; 55(5): 22–41.
13. ESG Ranking of Russian Federation Subjects. Methodology. *RAEX*. *Rating Review*. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/methods/ (accessed date: 24.06.2026).
14. Xu J. What does China's newly launched National Data Bureau mean to China and global data governance? *Internet Policy Review*; 2023: Apr 25. URL: https://policyreview.info/articles/news/chinas-national-data-bureau-and-global-data-governance (accessed date: 15.06.2026).
15. National Integrated Government Big Data System. URL: https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202210/28/content_WS635b9af9c6d0a757729e1e00.html (accessed date: 15.06.2026).
16. Doroshenko S. V., Vasilyeva R. I., Litvinets V. P. State program for the development of the Far East and its effectiveness for the regions. *Problems of Forecasting*. 2024; 2 (203): 113–124.

Информация об авторе:

Сунь Лимэй, старший преподаватель, Западно-Юньнаньский университет прикладных наук, г. Тэнчун, 350260918@qq.com

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/019-029
EDN: https://elibrary.ru/UZWXES

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
24.07.2026	04.08.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 30–43
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 30–43

Научная статья
УДК 338.43 (571.6)
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/030-043
EDN: https://elibrary.ru/XOAHLU

Межотраслевая интеграция в агропромышленном комплексе как стратегическое направление развития Дальнего Востока

Жуплей Ирина Викторовна

Федореева Ольга Евгеньевна

Приморский государственный аграрно-технологический университет
Уссурийск. Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию теоретических аспектов и практических механизмов межотраслевой интеграции в агропромышленном комплексе Дальнего Востока как стратегического фактора обеспечения продовольственной безопасности макрорегиона. На основе систематизации существующих подходов обосновано разработанное авторами теоретико-методологическое дополнение к подходу развития и формирования межотраслевой интеграции. Введена новая экономическая категория «межотраслевая интеграция в региональном агропромышленном комплексе» с переносом целевой направленности со стандартного узкокорпоративного анализа на стратегический уровень, отражающая специфику «географического и климатического пессимизма» территории». Представлены расчетные параметры продовольственной самообеспеченности Дальнего Востока в ретроспективном периоде по основным продуктовым группам. Выполнен эмпирический анализ структурных сдвигов в продовольственных ресурсах макрорегиона за 2014–2025 гг.; доказано наличие глубоких производственно-институциональных разрывов и дезинтеграции звеньев «производство – переработка – логистика», требующих формирования мероприятий по их уменьшению. Построен среднесрочный прогноз функционально-отраслевой структуры сельского хозяйства Приморского края до 2028 г., подтверждающий нарастание диспропорций в пользу растениеводства. На основе полученных результатов сформирован комплекс стратегических мер для органов государственной власти, с ориентацией на формирование и развитие межотраслевой интеграции, а также модернизацию режимов территорий опережающего развития, преодоление диспаритета цен и технологическое сопряжение аграрного и энергетического секторов.*

***Ключевые слова*:** *межотраслевая интеграция, агропромышленный комплекс, Дальний Восток, продовольственная безопасность, структурные сдвиги, территории опережающего развития, мезоуровень, Приморский край, воспроизводственные цепочки*

Для цитирования: *Жуплей И. В., Федореева О. Е. Межотраслевая интеграция в агропромышленном комплексе как стратегическое направление развития Дальнего Востока // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 30–43. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/030-043. EDN: https://elibrary.ru/XOAHLU*

Original article

Cross-sectoral integration in the agro-industrial complex as a strategic direction for the development of the Russian Far East

Irina V. Zhupley

Olga E. Fedoreeva

Primorsky State Agrarian-Technological University
Ussuriysk. Russia

© Жуплей И. В., 2026
© Федореева О. Е., 2026

Abstract. *The article is devoted to the study of theoretical aspects and practical mechanisms of inter-sectoral integration in the agribusiness of the Russian Far East as a strategic factor for ensuring the food security of the macroregion. Based on the systematization of existing approaches, the paper substantiates the theoretical and methodological addendum to the development and formation of inter-sectoral integration developed by the authors. A new economic category, "inter-sectoral integration in the regional agribusiness", is introduced, shifting the target orientation from standard narrow-corporate analysis to the strategic level and reflecting the specifics of the "geographical and climatic pessimism" of the territory. The calculated parameters of food self-sufficiency in the Russian Far East in the retrospective period are presented for the main food product groups. An empirical analysis of structural shifts in the food resources of the macroregion for 2014–2025 was carried out; the presence of deep production-institutional gaps and disintegration of the "production – processing – logistics" chains requiring measures for their reduction was proven. A medium-term forecast of the functional and sectoral structure of agriculture in the Primorsky Krai up to 2028 was constructed, confirming the growing imbalances in favor of the crop production sector. Based on the results obtained, a complex of strategic measures for state authorities was formed, focusing on the formation and development of inter-sectoral integration, as well as the modernization of advanced development territories (ADT) regimes, overcoming price disparity, and technological pairing of the agrarian and energy sectors.*

Keywords: *inter-sectoral integration, agribusiness, Far East, food security, structural shifts, advanced development territories, meso-level, Primorsky Krai, reproduction chains*

For citation*: Zhupley I. V., Fedoreeva O. E. Cross-sectoral integration in the agro-industrial complex as a strategic direction for the development of the Russian Far East // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 30–43. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/030–043. EDN: https://elibrary.ru/XOAHLU*

Введение

Дальний Восток, являясь важнейшим с геополитической точки зрения макрорегионом России, требует особого подхода к формированию стратегических направлений социально-экономического развития субъектов Федерации в его составе, что актуализировано в ряде государственных инициатив, таких как «Национальная программа развития Дальнего Востока до 2035 года» [1], Федеральные законы о территориях опережающего развития (ТОР) [2], свободном порте Владивосток [3], дальневосточном гектаре [4], модернизации дальневосточных городов через механизмы мастер-планов [5] и др.

Среди стратегических направлений развития Дальнего Востока особую значимость имеет центрирование на аспектах продовольственной обеспеченности населения макрорегиона не только (и не столько) из внерегиональных источников, но и через развитие регионального агропромышленного комплекса (АПК).

Формирование устойчивого роста АПК, по мнению множества российских ученых, лежит в области восстановления на качественно новом уровне межотраслевых связей, разрушенных в период аграрных реформ конца XX в. Так, фундаментальные проблемы нарушения межотраслевого эквивалентного обмена в отраслях агропромышленного комплекса исследованы в трудах И. Г. Ушачева [6–8], А. И. Алтухова [9, 10] и др., а специфика преодоления соответствующих дисбалансов в условиях Дальнего Востока декомпозирована региональными исследователями – В. В. Реймером [11], А. П. Латкиным [12], Е. В. Стельмах [13] и др. При этом действенным инструментом снижения деструктивного «межотраслевого» тренда является, по мнению И. М. Буробкина, Е. А. Поповой [14], Т. А. Дозоровой [15], Е. В. Доржиевой [16] (с которыми мы полностью солидарны), развитие межотраслевой интеграции в агропромышленном комплексе, инициирующей трансформацию разрозненных производственных звеньев в единую воспроизводственную систему.

Вместе с тем следует отметить недостаточную теоретическую разработанность проблематики межотраслевой интеграции в условиях Дальнего Востока, что в сочетании с высокой практической значимостью восстановления межотраслевых пропорций в АПК макрорегиона определило актуальность темы исследования, а также выбор цели, предмета и объекта исследования.

Цель исследования – изучение межотраслевой интеграции в агропромышленном комплексе, анализ формирования и развития ее базовых механизмов как стратегического направления обеспечения продовольственной безопасности Дальнего Востока; *объект* – агропромышленный комплекс Дальнего Востока Российской Федерации, его отраслевая структура и экономические субъекты; *предмет* – организационно-экономические отношения, возникающие в процессе формирования и развития механизмов межотраслевой интеграции в АПК макрорегиона.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения современной экономической теории, труды ведущих отечественных ученых по экономике агропромышленного комплекса. В работе использован комплекс методов научного познания: системно-функциональный, структурный, историко-логический, статистико-экономический и сравнительный анализ.

Основная часть

Анализ значительного объема теоретических источников позволил авторам выделить три базовых подхода к межотраслевой интеграции в целом, в том числе применительно к условиям агропромышленного комплекса Дальнего Востока.

Первый подход – воспроизводственно-потоковый, в рамках которого И.Г. Ушачев и А.Г. Папцов, выделяя воспроизводственную составляющую, отмечают необходимость сбалансированности и пропорциональности звеньев воспроизводственного цикла, где интеграция должна обеспечивать бесконфликтное взаимодействие всех этапов производства, исключая дисбалансы и несоответствия в ресурсных потоках [17]. Г. Г. Левкин акцентирует внимание на необходимости обеспечения непрерывности материальных и информационных потоков в цепочке «производство – переработка – сбыт», что, по его мнению, является чрезвычайно важным для предотвращения простоев, задержек в поставках ресурсов и информационного дефицита [18]. При проецировании на условия Дальнего Востока требование непрерывности потоков и сбалансированности производственных звеньев «упирается» в очаговый характер расселения и экстремальный климат в макрорегионе, где «простои и задержки в поставках ресурсов» из-за разрушенных межотраслевых связей приводят к высоким рискам «срыва северного завоза», несбалансированной структуре продовольственного рынка, низкому уровню продовольственной обеспеченности за счет внутрирегионального производства. А межотраслевая интеграция (к примеру, сопряжение местной комбикормовой промышленности с птицеводством) может стать реальным инструментом формирования автономных воспроизводственных циклов внутри региона, способствуя снижению зависимости от внерегиональных поставок.

Второй подход – институциональный, в русле которого Н.В. Седова подчеркивает, что снижение трансакционных издержек способствует повышению предсказуемости и эффективности взаимодействия всех участников межотраслевого интеграционного процесса [19]. О.В. Шумакова и В.Ф. Стукач дополняют позицию Н.В. Седовой тезисом о минимизации по мере развития интеграционных процессов

скрытых трансакционных издержек, связанных с несогласованностью планов, дублированием контрольных функций участников интегрированной производственной системы [20]. И. П. Глебов, развивая взгляды этих авторов, отмечает, что взаимовыгодное сотрудничество в рамках интеграции, основанное на четких институциональных правилах, позволяет оптимизировать межотраслевые цепочки и значительно повысить предсказуемость взаимодействий внутри них, минимизируя тем самым стохастичность и неопределенность, присущие АПК [21]. Для Дальнего Востока, с характерными для него высокими трансакционными издержками (из-за значительной территориальной протяженности и слабо развитой логистической инфраструктуры), межотраслевая интеграция на базе преференциальных режимов (например, ТОР) выступает «институциональным правилом», которое юридически и экономически защищает дальневосточного производителя продовольствия, снижая скрытые издержки.

Третий подход – пространственный, представители которого (в частности, А. И. Алтухов), выдвигая на первый план условие пространственно-отраслевой сбалансированности, делают важный вывод о том, что межотраслевые связи должны учитывать региональную специфику ресурсной базы, природно-климатические условия и локальные рынки сбыта и пр. [22], что для макрорегиона очень актуально ввиду того, что развитие дальневосточного АПК невозможно без учета региональной специфики: огромного биопотенциала и близости рынков стран Азиатско-Тихоокеанского региона для южных зон (Приморский край, Амурская область) при одновременной необходимости субсидирования и тепличном импортозамещении для северных территорий (Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Забайкальский край).

Систематизация представленных подходов показывает, что: во-первых, в экономической литературе межотраслевая интеграция в основном рассматривается как универсальный межотраслевой инструмент без глубокой привязки к технологической и социальной специфике конкретного сектора; во-вторых, классические интеграционные модели в промышленности (достаточно подробно представленные в отечественной и зарубежной литературе) не учитывают такие имманентные свойства АПК, как высокая зависимость от природно-климатических рисков, низкая эластичность спроса на продовольствие и социальная значимость сельских территорий.

В связи с этим в рамках дополнения теоретико-методологического подхода нами предложено расширение терминологического аппарата теории межотраслевой интеграции за счет введения новой экономической категории «межотраслевая интеграция в региональном агропромышленном комплексе», под которой будем понимать процесс организационно-экономического, технологического и институционального сопряжения хозяйствующих субъектов различных сфер агробизнеса, объединенных единым воспроизводственным циклом создания конечной продовольственной стоимости.

Предлагаемое авторами к введению в научный оборот понятие принципиально отличается от существующих в научной литературе дефиниций по ряду характерных признаков:

1. Вектор исследования межотраслевой интеграции смещен со стандартного узкокорпоративного (процессного) анализа на стратегически целевой уровень. Если в традиционных дефинициях межотраслевая интеграция рассматривается преимущественно как инструмент консолидации активов, слияния капиталов или координации ради максимизации прибыли интегрированных формирований (микроуро-

вень) [23, 24], то в предложенной трактовке она выводится на мезоуровневый масштаб [25, 26]. При этом в качестве базового критерия эффективности интеграционных процессов принимается не просто коммерческий эффект отдельных холдингов, а решение важнейшей государственно-стратегической задачи – формирование приемлемого уровня продовольственной обеспеченности населения конкретного макрорегиона [27, 28].

2. В структуру предлагаемой экономической категории встроен фактор «географического и климатического пессимизма». Если классические экономические модели интеграции разрабатывались для макроэкономических систем с относительно однородным пространством и высоким биоклиматическим потенциалом (Черноземье, Поволжье), где риски носят сугубо рыночный характер, то авторское определение прямо постулирует, что межотраслевая интеграция выступает не факультативным стимулом роста, а имманентным защитным механизмом. А это фактор первостепенной важности для регионов со сложными природно-климатическими условиями, к числу которых относится Дальний Восток.

3. Обосновано комплементарное сопряжение технологических цепочек с современными институциональными инструментами (преференциальными режимами). В отличие от ретроспективных подходов, опирающихся на классические рыночные инструменты (договора, слияния и поглощения) [29, 30] или советский опыт административного объединения [31], в авторском подходе катализатором интеграции признается государственно-институциональная рамка [32].

Таким образом, предложенное дополнение объединяет в себе существенные характеристики воспроизводственно-потокового, пространственного и институционального подходов к развитию межотраслевой интеграции. Это дает возможность рассматривать данный процесс не просто как локальный рыночный механизм, а как драйвер развития территорий и продовольственного суверенитета Дальнего Востока.

Переход к практическому этапу исследования требует верификации теоретических положений о роли межотраслевого взаимодействия в агропромышленном комплексе Дальнего Востока. Анализ текущего состояния аграрного сектора макрорегиона необходим, так как глубина и масштаб диспропорций в обмене между отраслями предопределяют ключевые негативные тренды в сфере локальной продовольственной безопасности. Поэтому авторами рассчитаны параметры продовольственной независимости (табл. 1).

Представленные в табл. 1 результаты авторской оценки наглядно иллюстрируют, что ключевые проблемные зоны продовольственного обеспечения Дальнего Востока (нехватка молока, мяса и овощной продукции) имеют выраженную межотраслевую природу. Так, слабая динамика в производстве молока и мяса за 2014–2025 гг. обусловлена неразвитостью воспроизводственных цепочек между местным растениеводством (выращиванием фуражного зерна и сои) и животноводством. Из-за нарушения паритетных межотраслевых связей дальневосточные производители сырья предпочитают экспортировать зерновые и масличные культуры в страны АТР, в то время как локальные животноводческие комплексы сталкиваются с острой нехваткой и дороговизной комбикормов, что блокирует рост их мощностей.

Ухудшение ситуации в овощном сегменте к 2025 г. отражает дезинтеграцию аграрного и энергетического секторов. Высокие тарифы на тепло и электроэнергию

в округе при дефиците сквозных соглашений с энергетическими монополиями делают строительство объектов закрытого грунта нерентабельным. В результате местный рынок оказывается беззащитным перед зарубежными поставками.

Таблица 1

Расчетные параметры продовольственной независимости и уровня самообеспечения макрорегиона ДФО в ретроспективном периоде (2014 г. / 2018 г. / 2023 г. / 2025 г.)

Параметр	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды
Индикатор достижения порогового уровня продовольственной независимости (0,7)*	0,311 / 0,408 / 0,489/ 0,501	0,461 / 0,612 / 0,644 / 0,648	1,055 / 0,958 / 1,001 / 0,999	0,822 / 0,603 / 0,587 / 0,571	0,169 / 0,148/ 0,139/ 0,140
Индикатор физической доступности продуктов питания регионального производства согласно рациональным нормам питания (0,6)*	0,372 / 0,360 / 0,368 / 0,340	0,389 / 0,370 / 0,368 / 0,361	1,631 / 1,450 / 1,531 / 1,529	0,388 / 0,320 / 0,325 /0,320	0,050 / 0,050 / 0,049 / 0,049
Индикатор удовлетворения физиологических потребностей в продуктах питания (0,5)*	1,039 / 1,041 /1,033 / 1,005	0,689 / 0,662 / 0,649 / 0,650	1,731 / 1,650 / 1,674 / 1,677	0,740 / 0,750 / 0,754 / 0,750	0,609 / 0,622 / 0,599 / 0,601
Индикатор «бедности» (0,2–0,4)*	0,182 / 0,191 / 0,196 / 0,197				
Индикатор структуры затрат домашних хозяйств на продукты питания (0,25–0,5)*	0,316 / 0,328 / 0, 350 / 0,355				

Примечание: * – критериальные значения показателя.
Источник: сост. авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Низкая физическая доступность продуктов регионального производства является прямым следствием институционального разрыва на стадиях «производство – переработка – логистика». Слабое взаимодействие с транспортно-распределительной системой и нехватка оптово-логистических центров приводят к тому, что локальная продукция теряет конкурентоспособность по сравнению с субсидируемым ввозом товаров из других регионов на полках торговых сетей.

Для эмпирической проверки гипотезы о дезинтеграции АПК Дальнего Востока авторами выполнен анализ показателей интенсивности и направленности структурных сдвигов в ресурсах продовольствия (табл. 2).

Таблица 2

Интенсивность и направленность сдвигов в системе внутреннего производства, складских запасов и внешнего ввоза продуктов питания на Дальнем Востоке (2014–2025)

Продовольственная группа	Удельный вес вида ресурса, %		
	d^{2014}	d^{2023}	d^{2025}
Запасы продовольствия на начало года			
Картофель	34,66	41,80	41,70
Овощи	20,45	22,60	22,80
Фрукты	11,85	20,30	20,31
Мясо и мясопродукты	9,66	11,30	11,40
Молоко и молокопродукты	2,33	3,01	3,04
Яйцо и яйцепродукты	2,26	3,30	3,38
Интенсивность, % / Направленность	22,4 / 1,00		
Производство продовольствия			
Картофель	58,61	48,05	48,10
Овощи	45,50	31,50	31,07
Фрукты	7,34	7,01	7,01
Мясо и мясопродукты	22,25	30,20	30,44
Молоко и молокопродукты	39,00	51,14	52,19
Яйцо и яйцепродукты	72,70	63,40	63,62
Интенсивность, % / Направленность	50,11/–0,13		
Ввоз продовольствия по всем каналам			
Картофель	6,73	10,20	10,45
Овощи	34,05	45,40	49,15
Фрукты	80,81	71,02	71,07
Мясо и мясопродукты	68,09	61,50	60,09
Молоко и молокопродукты	58,67	45,98	44,23
Яйцо и яйцепродукты	25,04	33,50	35,15
Интенсивность, % / Направленность	49,12–0,08		

Источник: сост. авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Выявленные в табл. 2 тенденции и направленность структурных сдвигов наглядно демонстрируют латентные деструктивные процессы, протекающие в агро-

промышленном комплексе макрорегиона из-за слабой межотраслевой интеграции, а именно:

– отрицательный структурный сдвиг (падение доли продукции регионального происхождения почти по всем группам) подтверждает, что локальный агробизнес функционирует обособленно от смежных отраслей и не обладает достаточной маневренностью для замещения выпадающих ресурсов;

– стремление к увеличению складских остатков на фоне снижения импорта продовольствия и падения доли его местного производства указывает на вынужденное замещение продуктового дефицита за счет длинных логистических цепочек из других регионов Российской Федерации. В условиях Дальнего Востока такое увеличение объемов хранения можно считать не признаком стабильности, а следствием вынужденной реакции оптово-распределительного сектора на риски срыва поставок. Изолированность звеньев «производство – переработка – логистика» приводит к тому, что региональные производители продовольствия проигрывают конкуренцию за каналы сбыта крупным межрегиональным вертикально-интегрированным холдингам, которые за счет эффекта масштаба и развитой логистики бесперебойно насыщают оптовое звено территории.

Таким образом, полученные расчеты доказывают, что изолированные меры поддержки отдельных сельхозпроизводителей исчерпали свой потенциал. Достижение целевых значений продовольственной обеспеченности макрорегиона требует активизации экономической политики за счет перехода к механизмам глубокой межотраслевой интеграции на мезоуровне.

Этот вывод подтверждается и построенным авторами среднесрочным прогнозом функционально-отраслевой структуры Приморского края (одного из ключевых аграрных регионов Дальнего Востока), который указывает на нарастание диспропорций в пользу растениеводческого сектора (табл. 3). Такая асимметрия свидетельствует о том, что без профильных государственных программ по развитию межотраслевой интеграции в АПК макрорегиона негативные тенденции усилятся. Отсутствие устойчивой кооперации продолжит блокировать животноводческий комплекс, переводя его в полную зависимость от волатильности внешних рынков комбикормов и внерегиональных поставок.

На основе проведенного исследования авторами сформирован комплекс стратегических мер для органов государственной власти по стимулированию межотраслевой интеграции в АПК Дальневосточного федерального округа:

1. Институциональное развитие. Предлагается модернизация режимов ТОР под специфику аграрного сектора посредством внедрения сквозного статуса резидента для всей интеграционной цепочки. Действующий механизм ТОР присваивает льготы точечно (конкретному заводу или ферме). Взамен рекомендуется законодательно закрепить статус «Интегрированной дальневосточной агросистемы», что позволит существенно снизить диспаритет цен и напрямую связать производство сырья с глубокой переработкой.

2. Технологическое сопряжение. Нейтрализация фактора «климатического пессимизма» возможна через субсидирование тарифов на энергоресурсы для закрытого грунта. Для этого необходима разработка межотраслевой программы софинансирования затрат на электроэнергию и теплоснабжение для высокотехнологичных тепличных комплексов, кооперирующихся с местными энергетическими компаниями.

3. Экономическое регулирование и поддержка эквивалентного обмена. Предлагается введение повышающего дальневосточного коэффициента, увеличивающего субсидирование строительства интегрированных объектов (формата «комбикормовый завод + животноводческий комплекс + цех убоя») до 50 % (вместо текущих 20–25 %). Дополнительно рекомендуется внедрить механизм приоритетного, ускоренного предоставления крупных земельных массивов из состава сельхозугодий без торгов для инвесторов, формирующих межотраслевые кооперативы с участием местного населения.

Таблица 3

Перспективные параметры соотношения подотраслей аграрной сферы Приморского края до 2028 г.: сценарный сдвиг, %

Отрасль, подотрасль	Отраслевая структура			Масса структурного сдвига		Индекс структурного сдвига	
	Фактическая (2023)	Прогнозная		2023 – 2026	2023 – 2028	2023 – 2026	2023 – 2028
		2026	2028				
Растениеводство всего	65,4	75,8	77,1	10,4	11,7	15,9	17,9
в том числе: зернопроизводство	8,3	7,8	8,7	–0,5	0,4	–6	4,8
картофелеводство	19,3	42,4	41,1	23,1	21,8	119,7	113,0
овощеводство	24,1	19,1	23,1	–5	–1	–20,7	–4,1
кормопроизводство	1,4	1,4	1,3	0	–0,1	0	–7,1
прочие растениеводческие производства	12,1	5,1	2,9	–7	–9,2	–57,9	–76,0
Животноводство всего	34,6	24,2	22,9	–10,4	–11,7	–30,1	–33,8
в том числе: мясопроизводство	8,8	7,7	8,6	–1,1	–0,2	–12,5	–2,3
молочное скотоводство	8,3	7,1	8,8	–1,2	0,5	–14,5	6,0
производство яиц	3,7	3,8	4,1	0,1	0,4	2,7	10,8
прочие животноводческие производства	13,8	5,6	1,4	–8,2	–12,4	–59,4	–89,9

Источник: сост. авторами.

Заключение

Проведенное исследование позволило расширить теоретико-методологические положения межотраслевой интеграции применительно к условиям агропромышленного комплекса на мезоуровне и подтвердить их на основе эмпирических данных дальневосточного макрорегиона.

Авторы приходят к следующим ключевым выводам:

1. Традиционные подходы к интеграции, ориентированные исключительно на микроэкономический холдинговый эффект, исчерпали себя в условиях Дальнего Востока. Специфика макрорегиона требует вывода категории межотраслевой интеграции на стратегически целевой мезоуровень, где ключевым критерием выступает продовольственная независимость территории.
2. Расчеты показателей интенсивности и направленности структурных сдвигов подтвердили гипотезу о дезинтеграции локального АПК. Выявлено критическое ослабление воспроизводственных цепочек: в животноводстве и овощеводстве наблюдается падение доли местного производства, вызванное диспаритетом цен, институциональной изоляцией переработки и логистики, а также жестким давлением со стороны энергетических монополий.
3. Среднесрочный прогноз отраслевой структуры до 2028 г. на примере Приморского края наглядно иллюстрирует консервацию сырьевой направленности (увеличение доли растениеводства до 77,1 % на фоне падения животноводства до 22,9 %). Без активного государственного вмешательства данные тенденции зафиксируют опасную зависимость макрорегиона от внешних поставок комбикормов и продовольственного импорта.
4. Разработанный комплекс мер (внедрение сквозного статуса резидента ТОР для агросистем, софинансирование тарифов на тепло и электроэнергию для тепличных комплексов, введение 50 % повышающего дальневосточного коэффициента на строительство интегрированных объектов и бесконкурсное выделение сельхозугодий кооперативам) может сформировать необходимый институциональный базис. Реализация предложенных стратегических направлений позволит связать разрозненные звенья регионального агропромышленного комплекса в единый воспроизводственный цикл и обеспечить стабильный уровень физической и экономической доступности продовольствия для населения Дальнего Востока.

Список источников

1. Об утверждении национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 № 2464-р. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/ (дата обращения: 17.07.2026).
2. О территориях опережающего развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201412290024 (дата обращения: 16.07.2026).
3. О свободном порте Владивосток: Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 16.07.2026).
4. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской

Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 17.07.2026).
5. Об утверждении долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития дальневосточных городов: О внесении изменений в Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 июля 2023 г. № 2058-р: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2023 № 4073-р // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.07.2026)
6. Ушачев И. Г. Направления развития сельского хозяйства России на долгосрочный период // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2007. № 12. С. 7–12.
7. Ушачев И. Г. Экономический рост и конкурентоспособность сельского хозяйства России // Аграрный вестник Урала. 2009. № 3(57). С. 4–12. EDN: KWNRQB
8. Ушачев И. Г., Колесников А. В., Маслова В. В. Приоритетные направления развития АПК на современном этапе // АПК: Экономика, управление. 2025. № 1. С. 2–11.
9. Алтухов А. И. Основные механизмы обеспечения национальной продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. Т. 98, № 9. С. 2–9.
10. Алтухов А. И., Рахманов А. М. Инфраструктурное и логистическое обеспечение экспортных поставок российского зерна: состояние и перспективы развития // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 5. С. 62–71. EDN: YZUOJC
11. Реймер В. В., Тихонов Е. И., Манаков Н. С. Тенденции развития агропромышленного комплекса Дальневосточного федерального округа // Дальневосточный аграрный вестник. 2016. № 2(38). С. 134–142. EDN: WFAEOJ
12. Латкин А. П., Ярусова С. Б., Шеломенцев А. Г. Продовольственная обеспеченность как ключевой фактор улучшения качества жизни на Дальнем Востоке // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1(69). С. 215–216. EDN: PFNEVZ
13. Продовольственная безопасность Дальневосточного федерального округа / Е. В. Стельмах, Т. М. Комарова, О. В. Аверина, С. А. Соловченков // Региональные проблемы. 2026. Т. 29, № 1. С. 92–97. DOI: 10.31433/2618-9593-2026-29-1-92-97
14. Буробкин И. Н., Попова Е. А. Экономические отношения в системе агропромышленной интеграции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2004. № 1. С. 21–24. EDN: MBJURN
15. Дозорова Т. А. Межотраслевая интеграция в региональном АПК // Никоновские чтения. 2010. № 15. С. 129–130. EDN: OCPCZL
16. Доржиева Е. В. Кооперационное и интеграционное взаимодействие малого, среднего и крупного агробизнеса в условиях экологических ограничений (на примере Республики Бурятия) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2024. № 4. С. 66–72. EDN: OTKGYO
17. Развитие экспортной инфраструктуры продукции АПК: монография / И. Г. Ушачев, А. Г. Папцов, А. И. Алтухов [и др.]. Москва: ООО «Сам полиграфист», 2022. 457 с.
18. Левкин Г. Г., Колычев Н. М., Семченко В. В. Логистика в сельском хозяйстве: методология и концепция использования // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. 2014. № 4-6. С. 52–59. EDN: SNTKRR
19. Седова Н. В. Интегрированные структуры в агропромышленном комплексе российской экономики: монография. Москва: МАКС Пресс, 2010. 309 с. EDN: QURXUX
20. Шумакова О. В., Стукач В. Ф. Трансакционные издержки сельскохозяйственных организаций. Saarbrucken: LAP LAMBERT, 2011. 146 с. EDN: RBDQVB
21. Глебов И. П. Развитие кооперированных и интегрированных структур в агробизнесе Поволжья: монография. Саратов: Саратовский гос. аграрный ун-т им. Н. И. Вавилова, 2000. 276 с.

22. Алтухов А. И. Приоритетные направления пространственного развития сельского хозяйства России // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27, № 3. С. 143–153. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-3-143-153. EDN: UTULFK
23. Милосердов В. В. Рыночная кооперация и интеграция – магистральное направление развития АПК регионов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2004. № 1. С. 11–14. EDN: PBSTHJ
24. Ушачев И. Г. Интеграционные отношения в агропромышленном производстве России // АПК: экономика, управление. 2003. № 8. С. 12–16. EDN: RYTBKX
25. Клейнер Г. Б. Мезоэкономические проблемы Российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 2. С. 11–18. EDN: HSPWEN
26. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. академик РАН А. Г. Гранберг. Москва: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2006. 848 с.
27. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001210021?rangeSize=1&index=1 (дата обращения: 27.07.2026).
28. Алтухов А. И. Парадигма продовольственной безопасности России. Москва: Фонд развития и поддержки молодежи «Кадровый резерв». 2019. 685 с. ISBN 978-5-6041260-1-1. EDN: JYYYLH
29. Иншаков О. В. Институты и институции в современной экономической теории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2007. № 11. С. 6–21. EDN: KATGEF
30. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / пер. с англ. В. С. Катькало. Санкт-Петербург: Лениздат, 1996. 702 с. ISBN 5-289-01816-6
31. Мазлоев В. З., Бидеева Е. В. Отечественный и зарубежный опыт агропромышленной интеграции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2024. Т. 26, № 3. С. 112–126.
32. Клейнер Г. Б. Государство и экономика: взаимодействие в свете системной экономической теории // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 4. С. 9–24.

References

1. On approval of the national program for socio-economic development of the Far East for the period up to 2024 and for the future up to 2035: Decree of the Government of the Russian Federation dated September 24, 2020 No. 2464-r. *ConsultantPlus.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/ (accessed date: 17.07.2026).
2. On territories of advanced development in the Russian Federation: Federal Law № 473-FZ. *Official internet portal of legal information*. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201412290024 (accessed date: 16.07.2026)
3. On the Free Port of Vladivostok: Federal Law dated 13.07.2015 No. 212-FZ (latest edition). *ConsultantPlus.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (accessed date: 16.07.2026).
4. Features of providing citizens with land plots that are in state or municipal ownership and located in the Arctic zone of the Russian Federation and in other territories of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 119-FZ. *ConsultantPlus.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (accessed date: 17.07.2026).
5. On approval of long-term plans for the integrated socio-economic development of Far Eastern Cities: On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated July

31, 2023 No. 2058-r: Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/29/2023 No. 4073-r. *ConsultantPlus.* URL: https://www.consultant.ru/ (accessed date: 17.07.2026).
6. Ushachev I. G. Directions for the long-term development of Russian agriculture. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2007; (3): 7–12.
7. Ushachev I. G. Economic Growth and the Competitiveness of Russian Agriculture. *Agrarian Bulletin of the Urals.* 2009; 3(57): 4–12. EDN: KWNRQB
8. Ushachev I. G., Kolesnikov A. V., Maslova V. V. Priority directions of agribusiness development at the present stage. *AIC: economics, management*. 2025; (1): 2–11.
9. Altukhov A. I. Main mechanisms for ensuring national food security *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2023; 98(9): 2–9.
10. Altukhov A. I., Rakhmanov A. M. Infrastructure and logistics support for the export supply of Russian grain: current state and development prospects. *Economics of Agriculture in Russia.* 2022; (5): 62–71. EDN: YZUOJC
11. Reimer V. V., Tikhonov E. I., Manakov N. S. Trends in the Development of the Agro-Industrial Complex of the Far Eastern Federal District. *Far Eastern Agrarian Bulletin*. 2016; 2(38): 134–142. EDN: WFAEOJ
12. Latkin A. P., Yarusova S. B., Shelomentsev A. G. Food security as a key factor in improving the quality of life in the Far East. *Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University.* 2024; 16 (1(69)): 215–216. EDN: PFNEVZ
13. Food security in the Far Eastern Federal District / E. V. Stelmakh, T. M. Komarova, O. V. Averina, S. A. Solovchenkov. *Regional Problems.* 2026; 29 (1): 92–97. DOI: 10.31433/2618-9593-2026-29-1-92-97
14. Burobkin I. N., Popova E. A. Economic relations in the system of agro-industrial integration. Security. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2004; (1): 21–24. EDN: MBJURN
15. Dozorova T. A. Inter-sectoral integration in regional agribusiness. *Nikonovskie chteniya*. 2010; (15): 129–130. EDN: OCPCZL
16. Dorzhieva E. V. Cooperative and integration interaction of small, medium and large agribusiness under environmental restrictions (on the example of the Republic of Buryatia). *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2024; (4): 66–72. EDN: OTKGYO
17. Development of export infrastructure for agribusiness products: monograph / I. G. Ushachev, A. G. Paptsov, A. I. Altukhov [et al.]. Moscow: LLC "Sam poligrafist"; 2022. 457 p.
18. Levkin G. G., Kolychev N. M., Semchenko V. V. Logistics in Agriculture: Methodology and Concept of Use. *Bulletin of Personnel Policy, Agricultural Education and Innovation*. 2014; (4-6): 52–59. EDN: SNTKRR
19. Sedova N. V. Integrated structures in the agro-industrial complex of the Russian economy: monograph. Moscow: MAKS Press; 2010. 309 p. EDN: QURXUX
20. Shumakova O. V., Stukach V. F. Transaction costs of agricultural organizations. Saarbrucken: LAP LAMBERT; 2011. 146 p. EDN: RBDQVB
21. Glebov I. P. Development of cooperative and integrated structures in the agribusiness of the Volga region: monograph. Saratov: Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov; 2000. 276 p.
22. Altukhov A. I. Priority directions of spatial development of agriculture in Russia. *News of the Kabardino-Balkarian scientific center of RAS*. 2025; 27(3): 143–153. EDN: UTULFK
23. Miloserdov V. V. Market cooperation and integration – the main direction for the development of the agro-industrial complex in the regions. *Economics of Agricultural and Processing Enterprises.* 2004; (1): 11–14. EDN: PBSTHJ
24. Ushachev I. G Integration relations in the agro-industrial production of Russia. *Agro-Industrial Complex: Economics, Management.* 2003; (8): 12–16. EDN: RYTBKX
25. Kleyner G. B. Mesoeconomic Problems of the Russian Economy. *Economic Bulletin of Rostov State University.* 2003; 1 (2): 11–18. EDN: HSPWEN

26. Minakir P. A. Economy of regions. Far East / Editor-in-chief: Academician of the Russian Academy of Sciences A. G. Granberg. Moscow: Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; 2006. 848 p.
27. On approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 21.01.2020 № 20. *Official internet portal of legal information.* URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001210021?rangeSize=-1&index=1 (accessed date: 27.07.2026).
28. Altukhov A. I. Paradigm of Russia's Food Security. Moscow: Fund for the Development and Support of Youth "Personnel Reserve". 2019. 685 p. ISBN 978-5-6041260-1-1. EDN: JYYYLH
29. Inshakov O. V. Institutions and institutionalization in modern economic theory. *Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology.* 2007; (11): 6–21. EDN: KATGEF
30. Williamson O. I. Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting / translated from English by V. S. Katkalo. St. Petersburg: Lenizdat; 1996. 702 p. ISBN 5-289-01816-6
31. Mazloev V. Z., Bideeva E. V. Domestic and foreign experience of agro-industrial integration. *Izvestiya of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2024; 26 (3): 112–126.
32. Kleiner G. B. The state and the economy: interaction in the light of systemic economic theory. *Economy. Taxes. Right.* 2014; (4): 9–24.

Информация об авторах:

Жуплей Ирина Викторовна, д-р экон. наук, доцент, проректор по учебной работе, Приморский государственный аграрно-технологический университет, г. Уссурийск, zirinavik@mail.ru

Федореева Ольга Евгеньевна, старший преподаватель, Приморский государственный аграрно-технологический университет, г. Уссурийск, fedoreeva76@mail.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/030-043
EDN: https://elibrary.ru/XOAHLU

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
27.07.2026	05.08.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 44–54
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 44–54

Научная статья
УДК 332.1
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/044-054
EDN: https://elibrary.ru/MGOTKF

Интеграционный потенциал морского грузового транспорта Приморского края: компонентный профиль и резервы роста

Блюдик Ангелина Руслановна
Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *Приграничные морские регионы России обладают ресурсной базой в виде портовой инфраструктуры, выхода к морским коммуникациям, федеральных преференциальных режимов, однако отдача от ресурсов в региональной экономике различается кратно. На примере Приморского края рассматривается проблема неравномерного компонентного профиля интеграционного потенциала морского грузового транспорта. Актуальность темы усилена геоэкономической переориентацией российских внешнеторговых потоков на восточное направление в 2022–2025 гг., повысившей нагрузку на дальневосточные морские ворота страны. Цель работы – оценить достигнутый уровень интеграционного потенциала и обосновать резервы его роста до 2030 г. Методической основой является интегральный индекс интеграционного потенциала морского грузового транспорта, агрегирующий четырнадцать индикаторов по четырем компонентам, и его декомпозиция с сопоставлением компонентных значений с пороговой шкалой и качественной интерпретацией через модель «потенциал – реализация – результат». Показано, что Приморский край занимает эталонную позицию в выборке из восьми приграничных морских регионов с наибольшим значением индекса, однако разброс между его компонентами превышает разброс у других сбалансированных регионов выборки. Основной резерв локализован в инфраструктурно-технологическом компоненте, а именно в ограниченной провозной способности железнодорожных подходов Восточного полигона – ограничении, обусловленном не региональными, а общенациональными факторами. Обосновано, что режим свободного порта Владивосток (СПВ) обеспечивает институциональные преимущества, но не компенсирует инфраструктурного ограничения, вследствие чего институциональные и инфраструктурные инструменты должны применяться совместно. Сформирована дифференцированная программа развития с целевым коридором значений индекса и мероприятиями по трем временным горизонтам. Результаты применимы органами государственной власти при актуализации стратегии социально-экономического развития региона. Научная новизна состоит в детализации диагностики резервов роста Приморского края данными об инфраструктурных ограничениях Восточного полигона и институциональной статистикой режима СПВ применительно к региону – лидеру выборки.*

Ключевые слова**:** *региональная экономика, морской грузовой транспорт, Приморский край, свободный порт Владивосток, интеграционный потенциал, декомпозиция индекса, Восточный полигон, резервы роста*

Для цитирования: *Блюдик А. Р. Интеграционный потенциал морского грузового транспорта Приморского края: компонентный профиль и резервы роста // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 44–54. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/044-054. EDN: https://elibrary.ru/MGOTKF*

© Блюдик А. Р., 2026

Original article

The integration potential of maritime cargo transport in Primorsky Krai: component profile and growth reserves

Angelina R. Blyudik
Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

Abstract. *Russia's border maritime regions possess a resource base comprising port infrastructure, access to maritime transport corridors, and federal preferential regimes; however, the returns on these resources in regional economies vary manifold. The article examines the problem of uneven component profiles of integration potential of maritime cargo transport, using Primorsky Krai as a case study. The topicality is reinforced by the geo-economic reorientation of Russian foreign-trade flows eastward in 2022–2025, which increased the load on the country's Far Eastern maritime gateways. The aim is to assess the achieved level of integration potential and to substantiate its growth reserves through 2030. The methodological basis is an integral index of the integration potential of maritime cargo transport aggregating fourteen indicators across four components, and its decomposition matched against a threshold scale and interpreted qualitatively through the «potential – realization – outcome» model. It is shown that Primorsky Krai holds the benchmark position among eight border sea regions with the highest index value; however, the spread across its components substantially exceeds that of other balanced regions in the sample: the principal reserve is localized in the infrastructural-technological component, namely the limited capacity of the railway approaches of the Eastern Range – a constraint driven by nationwide rather than regional factors. It is argued that the Free Port of Vladivostok regime provides institutional advantages but does not offset the infrastructural constraint, so institutional and infrastructural instruments must be applied jointly. A differentiated development programme is formed, with a target corridor of index values and measures across three-time horizons. The results are applicable by public authorities when updating the region's development strategy. The scientific novelty lies in detailing the diagnosis of the region's growth reserves through data on the infrastructural constraints of the Eastern Range and institutional statistics of the FPV regime as applied to the sample's leading region.*

Keywords: *regional economy, maritime cargo transport, Primorsky Krai, Free Port of Vladivostok, integration potential, index decomposition, Eastern Range, growth reserves*

For citation*: Blyudik A. R. The integration potential of maritime cargo transport in Primorsky Krai: component profile and growth reserves // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 44–54. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/044-054. EDN: https://elibrary.ru/MGOTKF*

Введение

Геоэкономический разворот российских внешнеторговых потоков на Восток в 2022–2025 гг. повысил значимость дальневосточных морских ворот страны. Приморский край, обладающий одновременно морским выходом к Японскому морю и сухопутной государственной границей с Китаем и КНДР, оказался в центре «поворота на Восток». Через порты и сухопутные пункты пропуска проходит значительная часть грузопотока, переориентированного с западного направления. Регион имеет уникальное сочетание ресурсов – порты залива Петра Великого, железнодорожные выходы Транссиба и Байкало-Амурской магистрали, а также один из наиболее развитых в стране преференциальный режим свободного порта Владивосток (СПВ).

Выбор Приморского края в качестве объекта исследования обусловлен не только его геоэкономической ролью, но и масштабом внутренней неравномерности его компонентного профиля. Ленинградская область как единственный, наряду с Приморским краем, регион выборки без компонентных разрывов показывает более равномерное распределение значений по четырем компонентам (разброс между максимальным и минимальным компонентами составляет 0,140, тогда как у Приморского

края этот разброс достигает 0,313, что более чем вдвое выше). При этом отстающий компонент Приморского края обусловлен не региональными, а общенациональными инфраструктурными ограничениями в виде провозной способности Восточного полигона, что делает случай края показательным для более широкого круга дальневосточных приграничных морских регионов.

Роль транспортной инфраструктуры как фактора пространственного развития территории и драйвера региональной экономики обоснована в значительном числе исследований [1–3], в том числе эконометрическими оценками ее влияния на социально-экономическое развитие регионов России [4]. При этом структура региональной экономики определяет, как инфраструктурные преимущества конвертируются в развитие центра и периферии региона [5], а сглаживание межрегиональных диспропорций рассматривается как самостоятельная задача пространственной политики [6]. Применительно к приграничным морским регионам транспортный комплекс образует особую экосистему, специфика которой определяется сопряжением морского и сухопутного контуров границы [7]. Вместе с тем наличие ресурсной базы само по себе не гарантирует ее полной трансформации в экономический результат региона – вклад в валовой региональный продукт, налоговую базу и занятость. Возникает исследовательская проблема: даже регион, обеспеченный транспортным потенциалом, может реализовывать его не в полной мере, если отдельные компоненты потенциала развиваются несогласованно.

Научная гипотеза исследования состоит в том, что у Приморского края, эталонного региона по уровню интеграционного потенциала морского грузового транспорта среди приграничных морских регионов России, отставание инфраструктурно-технологического компонента отражает конкретное, экзогенное по отношению к региону ограничение – недостаточную провозную способность железнодорожных подходов Восточного полигона, устранение которого требует инструментов, выходящих за пределы региональной институциональной политики.

Цель исследования – оценить достигнутый уровень реализации интеграционного потенциала морского грузового транспорта в экономике Приморского края и обосновать резервы его роста на период до 2030 г. Для достижения цели решаются *задачи*:

– определить позицию региона по интегральному индексу и структуре его компонентов;

– на основе декомпозиции индекса и качественной интерпретации через модель «потенциал – реализация – результат» локализовать компонент, ограничивающий полноту реализации потенциала;

– сформировать дифференцированную программу развития с целевым коридором значений индекса и мероприятиями по временным горизонтам.

Предмет исследования, источниковая база и авторская позиция. Предметом исследования являются организационно-экономические отношения, возникающие в процессе реализации интеграционного потенциала морского грузового транспорта в экономике Приморского края. *Источниковую базу* составили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориального органа по Приморскому краю, Федеральной таможенной службы России, данные Федерального агентства морского и речного транспорта, ФГУП «Росморпорт» и Ассоциации морских торговых портов, отчетные материалы АО «Корпорация

развития Дальнего Востока и Арктики» (далее – АО «КРДВ») о деятельности резидентов СПВ, а также данные Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTADstat).

Связь морского транспорта с экономическими результатами региона эмпирически подтверждена для Дальневосточного федерального округа. Установлена статистическая взаимосвязь валового регионального продукта и грузооборота морского транспорта [8]. Динамика развития морского транспорта в приграничных регионах России, включая структуру грузооборота и состояние портовой инфраструктуры, охарактеризована в предшествующих работах автора [9]. Вместе с тем в существующих работах анализ, как правило, ограничивается объемными показателями грузооборота и состоянием портовой инфраструктуры, тогда как диагностика причин неполной реализации потенциала на уровне отдельного региона разработана недостаточно. *Авторская позиция* состоит в том, что уровень реализации потенциала следует оценивать не по абсолютным объемным показателям, а декомпозицией интегрального индекса на компоненты и сопоставлением каждого компонента с теоретическим максимумом и пороговой шкалой разрывов, что позволяет выявить резервы даже у региона с максимальным в выборке интегральным индексом. Основой для сопоставления является авторская многомерная типология приграничных морских регионов [10], различающая регионы по институциональной интеграции, экономической специализации и сетевой позиции.

Методы исследования. Оценка достигнутого уровня реализации интеграционного потенциала морского грузового транспорта в экономике Приморского края опирается на интегральный индекс интеграционного потенциала, разработанный на основе экосистемного подхода [11]. Индекс агрегирует четырнадцать индикаторов, распределенных по четырем компонентам: инфраструктурно-технологическому, институционально-регуляторному, экономико-функциональному и сетевой позиции. Индикаторы нормализуются и сводятся в интегральный индекс методом взвешенной суммы. Нормализация приводит разнородные по природе индикаторы (объемные, ранговые, бинарные, балльные) к единой шкале (0; 1): для показателей с высокой вариацией применяется логарифмическая нормализация, для показателей-стимулянтов – линейная (Min-Max), для рейтинговых позиций – обратная порядковая, для дискретных признаков – балльная и бинарная. Внутри каждого компонента индикаторам присвоены равные веса (метод Equal Weighting), а сами компоненты агрегированы в интегральный индекс также с равными весами (по 0,25). Выбор равных весов обусловлен ограниченным объемом выборки (n = 8), не позволяющим применить статистические процедуры взвешивания (факторный анализ, метод главных компонент), а также экосистемной логикой исследования, согласно которой компоненты потенциала являются равно необходимыми для его реализации, а дефицит любого из них не компенсируется избытком другого.

Проводится диагностика компонентов путем декомпозиции интегрального индекса по компонентам и сопоставления полученных значений с классификационной пороговой шкалой: критический разрыв – компонент ниже 0,400; значимый разрыв – компонент в диапазоне 0,400–0,500; отсутствие разрыва – компонент от 0,500 и выше. Пороговые значения шкалы установлены исходя из того, что содержательной серединой нормированной шкалы [0; 1] выступает значение 0,500 как половина пройденного пути от минимальной оценки до максимальной, а нижняя граница зоны

значимого разрыва смещена на 0,1 для учета погрешности агрегирования разнородных по методу нормализации индикаторов внутри компонента. По итогам диагностики проводится качественный анализ состояния механизмов трансмиссии потенциала в экономический результат.

Логика индексной оценки согласуется с методиками сравнительной оценки конкурентоспособности регионов в условиях стратегических вызовов [12]. Выборка включает восемь приграничных морских регионов России (Калининградская, Мурманская, Ленинградская, Астраханская области, Краснодарский, Хабаровский, Приморский края, Республика Дагестан). В настоящей статье методика применяется как инструмент; предметом изложения выступают результаты ее применения к Приморскому краю. Теоретическим основанием для интерпретации результатов является корпус исследований о влиянии транспортных инвестиций и инфраструктуры на экономический рост [13, 14], а также работы о вкладе портов и портовой инфраструктуры в региональную экономику [15–18].

Основная часть

Достигнутый уровень интеграционного потенциала

По результатам расчета интегрального индекса Приморский край занимает первую позицию в выборке приграничных морских регионов со значением индекса интеграционного потенциала морского грузового транспорта (ИП МГТ), равным 0,837. Вместе с тем позиция лидера выборки не тождественна сбалансированной реализации потенциала. Декомпозиция интегрального индекса по компонентам показывает неравномерность их развития: институционально-регуляторный (0,804), экономико-функциональный (0,858) и сетевой (1,000) компоненты находятся в высокой зоне шкалы, тогда как инфраструктурно-технологический компонент (0,687), оставаясь выше порога разрыва (0,500), уступает им (табл. 1).

Таблица 1

Значения компонентов индекса ИП МГТ для Приморского края

Компонент индекса	Значение	Вес	Оценка
Инфраструктурно-технологический	0,687	0,25	Средне-высокий
Институционально-регуляторный	0,804	0,25	Высокий
Экономико-функциональный	0,858	0,25	Высокий
Сетевая позиция	1,000	0,25	Высокий
Интегральный индекс ИП МГТ	0,837	–	Эталон выборки

Источник: сост. автором.

Диагностика компонентных и экосистемных разрывов показывает, что ни один из компонентов не опускается ниже порогового значения 0,500, т. е. в строгом смысле региональных разрывов не выявлено. Тем не менее наименьшее значение у инфраструктурно-технологического компонента (0,687), что и формирует относительный резерв роста при сопоставлении с теоретическим максимумом (1,000).

По упомянутой ранее авторской многомерной типологии приграничных морских регионов Приморский край относится к профилю «глобальный транзитный хаб» (сочетание средней институциональной интеграции, транзитно-логистической специализации и глобальной сетевой позиции), для которого стратегическим ориентиром является углубление переработки грузопотока и наращивание добавленной стоимости транзита, что согласуется с выявленным резервом в инфраструктурно-технологическом компоненте.

Резервы роста: инфраструктурное ограничение Восточного полигона

Локализация основного резерва в инфраструктурно-технологическом компоненте имеет конкретное содержание. Порты Приморского края физически способны переваливать больший объем грузов, чем к ним удается подвезти по железной дороге. Узким местом является провозная способность Восточного полигона – Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей. Необходимость согласования развития контейнерных перевозок по международным транспортным коридорам с пропускной способностью Восточного полигона отмечается в отраслевых исследованиях [19]. Несмотря на реализуемую программу расширения Восточного полигона, темпы прироста провозной способности отстают от спроса на вывоз грузов в восточном направлении. В результате возникает разрыв между портовыми мощностями и железнодорожными подходами, который ограничивает реализацию транзитного мультипликатора и сдерживает рост вклада транспортного комплекса в валовой региональный продукт.

Количественная характеристика этого разрыва такова. Провозная способность Восточного полигона (Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей) в 2024 г. составила 180 млн т / год[1], тогда как заявленная грузоотправителями потребность в вывозе в 2023 г. достигала 353 млн т (в одну сторону), а объем неперевезенных грузов – 180 млн т. Суммарная проектная перерабатывающая способность портов Приморского края (Владивосток, Восточный, Находка) при этом оценивается в 140,5 млн т/год, а фактический грузооборот портов края за 2024 г. составил 153,5 млн т[2], что уже превышает паспортную пропускную способность и указывает на интенсивную загрузку портовых мощностей при одновременном дефиците подвода. Контейнерооборот портов края за 2024 г. составил 2342 тыс. TEU[3]. Приведенные значения подтверждают, что ограничивающим звеном является провозная способность железнодорожных подходов, а не портовая инфраструктура.

Роль преференциального режима в этом контексте требует уточнения. СПВ обеспечивает институциональные преимущества, такие как таможенные и налоговые льготы, упрощенные процедуры, привлекая резидентов и капитал. По состоянию на март 2026 г. по соглашениям с АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» в свободном порту Владивосток на территории Приморского края проекты реализуют 1837 резидентов, из которых 579 проектов уже введены в эксплуа-

[1] Провозные мощности Восточного полигона к 2030 г. могут достигнуть 255 млн т. «...в 2024 году провозная способность достигла 180 млн тонн (Белоусов А.Р.)») // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/19377985

[2] Грузооборот морских портов России за январь – декабрь 2024 г. // Ассоциация морских торговых портов. URL: https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-yanvar-dekabr-2024-goda

[3] Контейнерооборот в российских портах в 2024 г. вырос на 12,7 % // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/business/1005102

тацию; фактический объем вложенных инвестиций составил 605 млрд руб., создано 56,3 тыс. рабочих мест (по данным АО «КРДВ»[4]). Однако институциональный арбитраж, создаваемый режимом, усиливает институционально-регуляторный компонент потенциала и не устраняет инфраструктурного ограничения. Льготный режим повышает спрос на перевалку, тогда как физическая способность вывезти груз остается ограниченной пропускной способностью железной дороги. Идея «умного сопряжения» институциональных и инфраструктурных инструментов реализации экспортного потенциала региона в полной мере применима к Приморскому краю [20], так как режим СПВ и расширение Восточного полигона выступают комплементарными инструментами и отдача от институциональных преференций ограничивается сверху инфраструктурным потолком.

В терминах концептуальной модели «потенциал – реализация – результат» это означает, что из пяти механизмов трансмиссии интеграционного потенциала в экономический результат (транзитного мультипликатора, институционального арбитража, инфраструктурного спилловера, кластерного эффекта и геоэкономического репозиционирования) институциональный арбитраж в Приморском крае активен благодаря режиму СПВ, тогда как транзитный мультипликатор и инфраструктурный спилловер сдерживаются пропускной способностью Восточного полигона. Устранение этого ограничения определяет основной резерв роста уровня интеграционного потенциала.

Направления развития и целевые ориентиры до 2030 г.

Диагностированная структура резервов определяет приоритеты развития. Поскольку основной дефицит локализован в инфраструктурно-технологическом компоненте, основным направлением является снятие железнодорожного ограничения при сохранении институциональных преимуществ режима СПВ. Целевым ориентиром принимается повышение интегрального индекса интеграционного потенциала морского грузового транспорта Приморского края с текущего значения 0,837 до коридора 0,870–0,900 к 2030 г. за счет опережающего роста инфраструктурно-технологического компонента. Достижение этого коридора означает сокращение разрыва между лидирующими и отстающим компонентами внутри профиля самого региона.

Программа мероприятий сформирована по трем временным горизонтам. В горизонте «быстрых побед» (до одного года) целесообразны организационно-логистические меры, не требующие капитального строительства. В горизонте «стратегических проектов» (3–5 лет) ядром выступает модернизация железнодорожных подходов Восточного полигона к портам края и развитие портовой перевалочной инфраструктуры под контейнерные и навалочные грузы; в горизонте «поддерживающих инициатив» (на постоянной основе) – сохранение и донастройка режима СПВ, мониторинг компонентов индекса и ежегодная корректировка приоритетов (табл. 2).

[4] В Приморье резидент СПВ ввел в работу мощности по производству плавучих доков и утилизации судов // АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики». URL: https://erdc.ru/news/v-primore-rezident-spv-vvel-v-rabotu-moshchnosti-po-proizvodstvu-plavuchikh-dokov-i-utilizatsii-sudo/

Таблица 2

Программа реализации резервов роста ИП МГТ Приморского края до 2030 г.

Горизонт	Мероприятия	Ответственные исполнители	Периодичность
«Быстрые победы» (до 1 года)	Оптимизация графиков подвода вагонов, цифровые платформы управления грузопотоками в портах	Минтранс РФ, ОАО «РЖД», операторы морских портов Приморского края	Полугодовая
«Стратегические проекты» (3–5 лет)	Модернизация ж/д подходов Восточного полигона (БАМ, Транссиб) к портам края; развитие портовой перевалочной инфраструктуры	Минтранс РФ, ОАО «РЖД»	Ежегодно
«Поддерживающие инициативы» (постоянно)	Сохранение и донастройка режима СПВ; мониторинг компонентов индекса	Минвостокразвития России, АО «КРДВ»	Ежегодно
Целевое значение индекса ИП МГТ к 2030 г.	0,870–0,900	–	–

Источник: сост. автором.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу. Приморский край, будучи эталонным регионом по интегральному уровню интеграционного потенциала морского грузового транспорта среди приграничных морских регионов России (индекс 0,837), тем не менее демонстрирует неравномерный компонентный профиль и отставание инфраструктурно-технологического компонента. Данное отставание, выявляемое при декомпозиции индекса, образует основной резерв роста региона в виде ограниченной провозной способности железнодорожных подходов Восточного полигона. Режим СПВ обеспечивает институциональные преимущества, но не компенсирует инфраструктурного ограничения, вследствие чего институциональные и инфраструктурные инструменты должны применяться совместно.

Научная новизна результатов состоит в диагностике внутренней структуры резервов роста рассматриваемого региона – задача, которая не решается при агрегированной межрегиональной оценке и требует декомпозиции интегрального индекса по компонентам. Практическая значимость определяется применимостью полученных выводов и целевого коридора значений индекса (0,870–0,900 к 2030 г.) органами государственной власти при актуализации стратегии социально-экономического развития Приморского края и обосновании приоритетов инвестиционной политики в транспортном комплексе. Дальнейшие исследования целесообразно направить на количественную оценку эластичности валового регионального продукта края по приросту провозной способности Восточного полигона.

Список источников

1. Заколюкина Е. С. Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 5. С. 79–95. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.6
2. Морозов Д. Е., Гамидуллаева Л. А. Влияние транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов: эконометрический анализ // π-Economy. 2025. Т. 18, № 4. С. 85–104. DOI: 10.18721/JE.18405
3. Патракеева О. Ю., Митрофанова И. В. Транспортный комплекс как драйвер развития региона: монография. Москва: Direct Media, 2024. 195 с.
4. Патракеева О. Ю., Кулыгин В. В. Пространственный анализ инфраструктурных эффектов экономической динамики регионов России // Экономика региона. 2024. Т. 20, № 3. С. 642–654. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-3
5. Дружинин П. В., Юрьева А. А., Ларионова Е. И. Влияние структуры экономики регионов на развитие столиц регионов и периферии // Проблемы рыночной экономики. 2025. № 2. С. 20–29. DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-20-29. EDN: IJOQSS
6. Сглаживание межрегиональных диспропорций в условиях цифровой экономики / М. А. Бушуева, Н. Н. Масюк, О. М. Куликова, А. А. Богомолов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4 (72). С. 7–17. DOI: 10.63973/2949-1258/2024-4/007-017. EDN: EWSFDE
7. Блюдик А. Р., Масюк Н. Н. Специфика транспортных экосистем приграничных регионов: факторы влияния // Вестник Академии знаний. 2023. № 4 (57). С. 32–36.
8. Фисенко А. И., Парфенова В. А. Эмпирическая модель взаимосвязи валового регионального продукта и грузооборота морского транспорта (анализ информационного контента по Дальневосточному федеральному округу) // Транспортное дело России. 2024. № 1. С. 296–300.
9. Масюк Н. Н., Блюдик А. Р. Динамика развития морского транспорта в приграничных регионах России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 3. С. 44–60. DOI: 10.63973/2949-1258/2025-3/044-060
10. Блюдик А. Р., Масюк Н. Н. Многомерная типология приграничных морских регионов // Вестник академии знаний. 2026. № 2 (73). С. 89–95.
11. Масюк Н. Н., Блюдик А. Р. Экосистемный подход к оценке интеграционного потенциала морского грузового транспорта приграничных морских регионов // Естественно-гуманитарные исследования. 2026. № 1 (63). С. 291–296.
12. Хмелева Г. А., Скреблов Н. И. Глобальная конкурентоспособность регионов России: методика оценки в условиях стратегических вызовов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16, № 2. С. 298–315.
13. Ayesu E. K., Sakyi D., Darku A. B. Seaport efficiency, port throughput, and economic growth in Africa // Maritime Economics & Logistics. 2023. Vol. 25, No. 3. P. 479–498. DOI: 10.1057/s41278-022-00252-8
14. Vickerman R. Transit investment and economic development // Research in Transportation Economics. 2008. Vol. 23, Iss. 1. P. 107–115. DOI: 10.1016/j.retrec.2008.10.007
15. Banister D., Berechman Y. Transport investment and the promotion of economic growth // Journal of Transport Geography. 2001. Vol. 9, Iss. 3. P. 209–218. DOI: 10.1016/S0966-6923(01)00013-8
16. Munim Z. H., Schramm H. J. The impacts of port infrastructure and logistics performance on economic growth: the mediating role of seaborne trade // Journal of Shipping and Trade. 2018. Vol. 3, Iss. 1. DOI: 10.1186/s41072-018-0027-0
17. Notteboom T. E., Rodrigue J.-P. Port regionalization: towards a new phase in port development // Maritime Policy & Management. 2005. Vol. 32, Iss. 3. P. 297–313. DOI: 10.1080/03088830500139885

18. Park J.S., Seo Y.-J. The impact of seaports on the regional economies in South Korea: panel evidence from the augmented Solow model // Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review 2016. Vol. 85. P. 107–119. DOI: 10.1016/j.tre.2015.11.009
19. Фисенко А. И., Баранова Е. Ю. Контейнерные перевозки по международным транспортным коридорам стран – членов ШОС и Восточный полигон России: необходимость согласования общей позиции и программы развития // Транспортное дело России. 2022. № 4. С. 177–180.
20. Механизм реализации экспортного потенциала региона на основе «умного сопряжения» / Г. А. Хмелева, М. В. Курникова, М. С. Гусева [и др.] // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16, № 4. С. 625–641.

References

1. Zakolyukina E. S. Regional transport infrastructure as a factor of spatial development of the territory. *Problems of territory's development.* 2023; (5): 79–95. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.6.
2. Morozov D. E., Gamidullaeva L. A. Impact of transport infrastructure on socio-economic development of regions: econometric analysis. *π-Economy*. 2025; 18(4): 85–104. DOI: 10.18721/JE.18405
3. Patrakeeva O. Yu., Mitrofanova I. V. Transport complex as a driver of regional development: monograph. Moscow: Direct Media; 2024. 195 p.
4. Patrakeeva O. Yu., Kulygin V. V. Spatial analysis of infrastructure effects of economic dynamics of Russian regions. *Economy of regions.* 2024; 20(3): C. 642–654. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-3
5. Druzhinin P. V., Yureva A. A., Larionova E. I. Influence of regional economic structure on the development of regional capitals and periphery. *Market economy problems*. 2025; 2: 20–29. DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-20-29. EDN: IJOQSS
6. Smoothing interregional disparities in the digital economy / M. A. Bushueva, N. N. Masyuk, O. M. Kulikova, A. A. Bogomolov. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024; 16(4) (72): 7–17. DOI: 10.63973/2949-1258/2024-4/007-017. EDN: EWSFDE
7. Blyudik A. R., Masyuk N. N. Specifics of transport ecosystems in border regions: influence factors. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023; 4(57): 32–36.
8. Fisenko A. I., Parfenova V. A. Empirical model of the relationship between gross regional product and maritime cargo turnover (analysis of information content for the Far Eastern Federal District). *Transport business of Russia*. 2024; (1): 296–300.
9. Masyuk N. N., Blyudik A. R. Dynamics of maritime transport development in border regions of Russia. *The Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2025; 17(3): 44–60. DOI: 10.63973/2949-1258/2025-3/044-060
10. Blyudik A. R., Masyuk N. N. Multidimensional typology of border maritime regions. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2026; 2(73): 89–95.
11. Masyuk N. N. Blyudik A. R. Ecosystem approach to assessing the integration potential of maritime cargo transport in border maritime regions. *Natural and Human Sciences Research*. 2026; 1(63): 291–296.
12. Khmeleva G. A., Skreblov N. I. Global competitiveness of Russian regions: assessment methodology in the context of strategic challenges. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(2): 298–315.
13. Ayesu E. K., Sakyi D., Darku A. B. Seaport efficiency, port throughput, and economic growth in Africa. *Maritime Economics & Logistics*. 2023; 25(3): 479–498. DOI: 10.1057/s41278-022-00252-8
14. Vickerman R. Transit investment and economic development. *Research in Transportation Economics*. 2008; 23(1): 107–115. DOI: 10.1016/j.retrec.2008.10.007

15. Banister D., Berechman Y. Transport investment and the promotion of economic growth. *Journal of Transport Geography*. 2001; 9(3): 209–218. DOI: 10.1016/S0966-6923(01)00013-8
16. Munim Z. H., Schramm H. J. The impacts of port infrastructure and logistics performance on economic growth: the mediating role of seaborne trade. *Journal of Shipping and Trade*. 2018; 3(1). 1. DOI: 10.1186/s41072-018-0027-0
17. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port regionalization: towards a new phase in port development. *Maritime Policy & Management*. 2005; 32(3): 297–313. DOI: 10.1080/03088830500139885
18. Park J. S., Seo Y.-J. The impact of seaports on the regional economies in South Korea: panel evidence from the augmented Solow model. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2016; (85): 107–119. DOI: 10.1016/j.tre.2015.11.009
19. Fisenko A. I., Baranova E. Yu. Container transportation along international transport corridors of SCO member countries and the Eastern polygon of Russia: the need for coordination of a common position and development program. *Transport business of Russia*. 2022; (4): 177–180.
20. Mechanism for implementing regional export potential based on «smart coupling» / G. A. Khmeleva, M. V. Kurinkova, M. S. Guseva [et al.]. 2025; 16(4): 625–641.

Информация об авторе:

Блюдик Ангелина Руслановна, аспирант, ассистент каф. маркетинга и логистики, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, angelina.bliudik@vvsu.ru; ORCID: 0000-0003-1923-5005

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/044-054
EDN: https://elibrary.ru/MGOTKF

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
21.07.2026	10.08.2026	25.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 55–68
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 55–68

Научная статья
УДК 332.146.2
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/055-068
EDN: https://elibrary.ru/JKRIHM

Ключевые тренды искусственного интеллекта и перспективы его внедрения в промышленные предприятия

Ильина Екатерина Алексеевна
Воронежский государственный технический университет
Воронеж. Россия

Аннотация. *Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с внедрением искусственного интеллекта в работу промышленных предприятий. Использование искусственного интеллекта становится все более популярным среди производителей. С 2025 г. начал реализовываться национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Национальный проект включает в себя комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для развития искусственного интеллекта (ИИ) и его внедрения в различные сферы деятельности. Целью работы является изучение значения и потенциала внедрения искусственного интеллекта как инструмента обеспечения стабильного развития промышленных предприятий. Особое внимание уделяется повышению доступности ресурсов, необходимых для разработки и обучения моделей искусственного интеллекта, что позволит стимулировать инновации и ускорить цифровизацию экономики. Внедрение искусственного интеллекта в промышленность требует комплексного подхода и учета ряда факторов, включая необходимость обеспечения безопасности данных, обучения персонала и адаптации организационной структуры предприятия к новым условиям. Проводится обзор текущего состояния и анализ перспектив внедрения искусственного интеллекта в российскую промышленность, предлагаются практические решения для бизнеса. Результатом работы стала интеграция искусственного интеллекта в производственные процессы, которые не только сопровождаются существенными выгодами, но и влекут за собой определенные риски, требующие комплексной стратегии в области управления. Элементом научной новизны является авторский подход к формированию экосистемы научного развития искусственного интеллекта в России и создание образа промышленного предприятия в период интеграции ИИ-технологий.*

Ключевые слова**:** *промышленность, промышленные предприятия, управление, искусственный интеллект*

Для цитирования: *Ильина Е. А. Ключевые тренды искусственного интеллекта и перспективы его внедрения в промышленные предприятия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 55–68. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/055-068. EDN: https://elibrary.ru/JKRIHM*

© Ильина Е. А., 2026

Management

Original article

Key trends in artificial intelligence and prospects for its implementation in industrial enterprises

Ekaterina A. Ilyina
Voronezh State Technical University
Voronezh. Russia

Abstract. *The article discusses topical issues related to the introduction of artificial intelligence in the work of industrial enterprises. The use of artificial intelligence is becoming increasingly popular among manufacturers. The National Project "Data Economics and Digital Transformation of the State" has been implemented since 2025. The national project includes a set of measures aimed at creating favorable conditions for the development and implementation of artificial intelligence in various fields of activity. The purpose of the work is to study the significance and potential of the introduction of artificial intelligence as a tool for ensuring the stable development of industrial enterprises. Special attention is paid to increasing the availability of resources necessary for the development and training of artificial intelligence models, which will stimulate innovation and accelerate the digitalization of the economy. This study is aimed at studying the importance and potential of the introduction of artificial intelligence as a tool for ensuring the stable development of industrial enterprises. The introduction of artificial intelligence into industry requires an integrated approach and consideration of a number of factors, including the need to ensure data security, staff training and adaptation of the organizational structure of the enterprise to new conditions. The article provides an overview of the current state and an analysis of the prospects for the introduction of artificial intelligence in the Russian industry, offering practical solutions for business. The result of the work is the integration of artificial intelligence into production processes, which must be accompanied not only by significant benefits, but also entails certain risks that require an integrated management strategy. An element of scientific novelty is the author's approach to the formation of an ecosystem of scientific development of artificial intelligence in Russia and the formation of the image of an industrial enterprise during the integration of AI technologies.*

Keywords**:** *industry, industrial enterprises, management, artificial intelligence, generative artificial intelligence*

For citation*: Ilyina E.A. Key trends in artificial intelligence and prospects for its implementation in industrial enterprises // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 55–68. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/055-068. EDN: https://elibrary.ru/JKRIHM*

Введение

В настоящее время сфера искусственного интеллекта (ИИ) характеризуется фундаментальным противоречием. С одной стороны, искусственный интеллект трансформировался из узкоспециального в системообразующий элемент, влияющий на развитие экономики, государственного управления и суверенитета, с другой – его быстрое развитие, обусловленное генеративными моделями, мультимодальностью и агентными системами, создает множество сложных задач: от высоких запросов к вычислительной мощности и энергопотреблению до критически важных аспектов безопасности. Именно эта двойственность – колоссальный потенциал в сочетании со значительными ограничениями – выдвигает тему искусственного интеллекта в число приоритетных. Инструменты искусственного интеллекта рассматриваются как ключевой фактор в реализации национальных приоритетов, способствующий усилению обороноспособности страны, прогрессивному росту экономики и социальной сферы, а также стимулированию инновационной деятельности. Внедрение искусст-

венного интеллекта в производственные процессы становится все более популярным среди производителей. В 2024 г. 72 % организаций по всему миру внедрили технологии искусственного интеллекта хотя бы в одну бизнес-функцию (в 2023 г. – 55 %). Согласно исследованиям свыше 60 % производителей реализовывают решения с искусственным интеллектом. В Китае отмечается особенно интенсивное применение решений, основанных на нейронных сетях. Япония и США несколько отстают, демонстрируя показатели в 30 и 28 % соответственно [1–3].

Сфера искусственного интеллекта демонстрирует стремительный прогресс, являясь приоритетным направлением в науке и технологиях. Инновации в этой области открывают широкие возможности для решения важных социально-экономических вопросов в различных секторах экономики, а расширение применения искусственного интеллекта выступает ключевым фактором экономического роста. Для реализации максимального потенциала технологий искусственного интеллекта и достижения лидерства в этой области необходимо взаимодействие правительства, научных центров и предпринимательства. Только совместные усилия позволят вывести страну в число лидеров по данному направлению.

Детальный анализ исследуемой темы направлен на изучение значения и потенциала внедрения искусственного интеллекта как инструмента обеспечения стабильного развития промышленных предприятий.

В процессе проведения настоящего исследования были установлены основные факторы, сдерживающие прогресс искусственного интеллекта в Российской Федерации:

– ограниченное практическое применение технологий искусственного интеллекта в деятельности предприятий;

– дефицит специалистов с необходимой квалификацией в области искусственного интеллекта;

– недостаточная информированность предпринимателей о потенциале искусственного интеллекта;

– значительные финансовые затраты на внедрение и создание инноваций в сфере искусственного интеллекта и др.

В связи с выделенными проблемами и барьерами в области внедрения искусственного интеллекта в деятельности предприятий сформулируем следующие задачи для решения:

– систематизировать теоретические концепции, касающиеся интеграции искусственного интеллекта;

– проанализировать и изучить практические кейсы внедрения ИИ в промышленных предприятиях;

– выявить преимущества, угрозы, проблемы и сложности, сопутствующие внедрению ИИ-технологий в деятельности промышленных предприятий;

– определить ключевые тренды и перспективные ниши развития технологий на базе ИИ в России и мире;

– рассмотреть экосистемы научного развития искусственного интеллекта в России и формирование образа промышленного предприятия в период интеграции ИИ-технологий.

Для реализации задач, определенных в рамках данного исследования, были использованы:

– теоретический анализ; включил в себя работу с научной литературой, специализированными отчетами и аналитическими документами;

– сравнительный анализ; использовался для сопоставления разнообразных методологий цифровой трансформации и технологий искусственного интеллекта;

– системный анализ; применялся для определения взаимосвязей между множеством технологий искусственного интеллекта и анализа их влияния на эффективность деятельности промышленных предприятий;

– анализ данных; использовался для формирования количественных и качественных показателей и характеристик, полученных в ходе исследования.

Кроме того, для подтверждения полученных результатов и достижения главной цели исследования были применены: методы синтеза, индукции и дедукции; эмпирические методы, изучение нормативно-правового материала, анализ внедрения моделей искусственного интеллекта в работу промышленных предприятий.

Результаты исследования интерпретировались в табличной визуализации для возможности наглядного восприятия анализируемого материала. Исследование включало в себя анализ научных трудов, публикации исследователей и ведущих специалистов в изучаемой области, что позволило сформировать представление о современном состоянии изучаемого вопроса.

Основная часть

Искусственный интеллект в работе промышленного предприятия обеспечивает конкурентоспособность и повышает эффективность производственных процессов. Ключевые области применения включают оптимизацию производственных процессов, разработку новых продуктов и материалов, автоматизацию задач и улучшение клиентского сервиса. В мировой практике ведущих предприятий внедрение решений искусственного интеллекта увеличивает выработку производимой продукции и повышает безопасность производства (рис. 1).

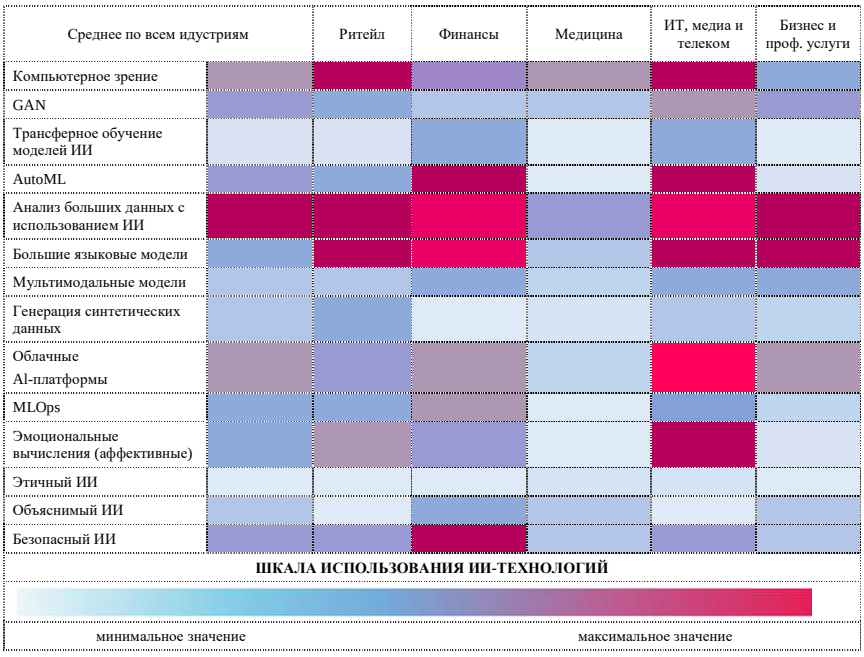


Рис. 1. Распространенность использования ИИ-технологий по сферам деятельности

Детально рассмотрим отличительные особенности внедрения искусственного интеллекта в России в сравнении с другими странами (табл. 1).

Рынок искусственного интеллекта в России характеризуется как развивающийся, хотя и демонстрирует показатели, близкие к среднемировым. ИИ-решения реально внедрить практически во все этапы современного производства с возможностью оптимизации издержек, увеличения эффективности персонала и стимулирования увеличения объемов сбыта [4–6]. Из-за высокого интеграционного потенциала технологий достаточно сложно определить границы рынка искусственного интеллекта.

Таблица 1

Отличительные особенности внедрения искусственного интеллекта в России в сравнении с другими странами

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ	
Стратегический фокус	***Россия:*** технологический суверенитет, импортозамещение ***Другие страны***: максимизация прибыли, ESG-соответствие
Инвестиционная модель	***Россия***: государственная поддержка, корпоративные программы ***Другие страны***: частные инвестиции, венчурный капитал
Технологические партнеры	***Россия:*** разработчики полностью отечественных платформ (GigaChat), open-source и адаптированные open-source модели (YandexGPT, МТС, Cotype, Т-Банк Т-Pro) ***Другие страны:*** коммерческие: OpenAl, Google, Antropic, xAl, DeepSeek, Qwen, Baidu, Open-source: LIama, Mistral, Falcon, Gemma и др.
Регуляторная среда	***Россия:*** формирующая нормативная база ***Другие страны***: развитое законодательное регулирование ИИ
Кадровый потенциал	***Россия:*** дефицит ИИ-специалистов ***Другие страны***: конкуренция с Big Tech

На рисунке 2 представлено практическое применение ИИ-решений.



Рис. 2. Распределение кейсов применения решений на базе искусственного интеллекта по бизнес-процессам

Интеграция ИИ-инструментов, направленных на улучшение рабочих процессов, способна создавать синергетический эффект при условии их совместимости:

внедрение одного инструмента позитивно сказывается сразу на нескольких этапах рабочего процесса [7, 8]. Применение искусственного интеллекта на практике характеризуется широким спектром подходов, определяемых спецификой отраслей экономики и задачами, стоящими перед отдельными предприятиями.

Рассмотрим карту внедрения технологий искусственного интеллекта в различные отрасли (рис. 3).

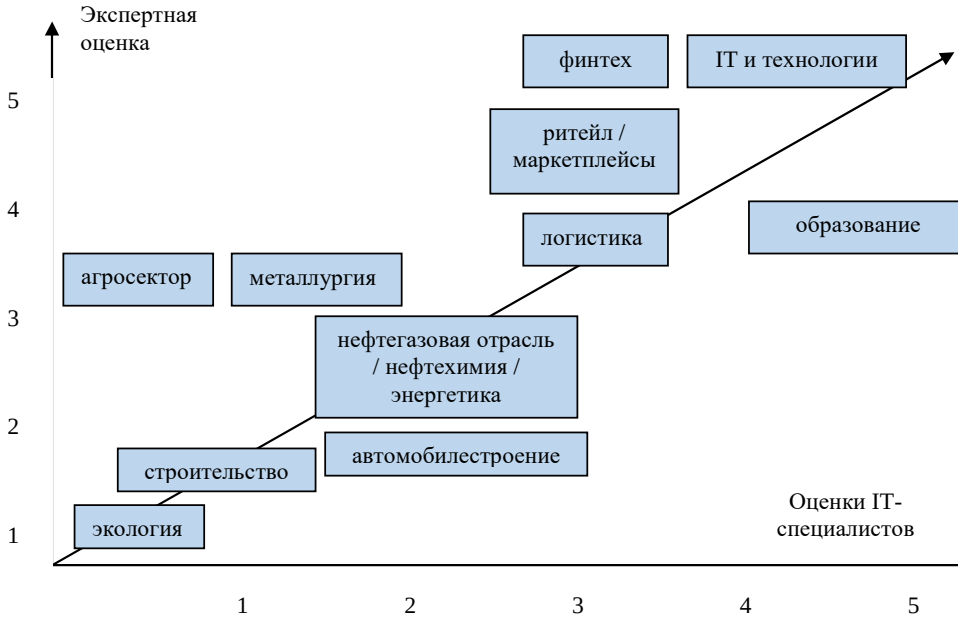


Рис. 3. Карта лидеров внедрения технологий искусственного интеллекта

Наиболее активно искусственный интеллект внедряется в областях с развитой цифровой инфраструктурой (информационные технологии, телекоммуникации и финансовые технологии, логистика), а также в образовании. Эти отрасли отличаются наличием значительных массивов упорядоченных данных и высокой конкуренцией за повышение продуктивности и эффективности. В указанных сегментах искусственный интеллект позволяет оперативно достичь измеримых экономических результатов, а барьеры, связанные с его интеграцией, относительно невелики, особенно в сравнении с промышленным сектором [9].

Современная промышленная отрасль стала одной из ключевых сфер применения искусственного интеллекта. Промышленный сектор традиционно считается сложной средой для инноваций из-за высоких рисков, устоявшихся процессов и жестких нормативов. Однако именно поэтому внедрение искусственного интеллекта приносит здесь наиболее значимые результаты. Предприятия, которые преодолевают инерцию отрасли и внедряют интеллектуальные решения сегодня, смогут в будущем снизить издержки и разработать новые подходы к ведению бизнеса. Промышленный сектор занимает двойственное положение: с одной стороны, заинтере-

сованность в автоматизации и переходе на цифровые технологии, с другой – регуляторное давление и требования безопасности [10–13].

Минимальное внедрение искусственного интеллекта наблюдается в агросекторе и строительстве. Ожидается усиленная интеграция искусственного интеллекта в различные сферы жизни, включая здравоохранение, образование и финансы [14].

Прогнозируется, что в России к концу 2025 г. рынок искусственного интеллекта во всех сферах экономики увеличится на 20–30 %, достигнув 1,9 трлн руб. В то же время многие руководители промышленных предприятий предполагают значительное увеличение использования искусственного интеллекта – на уровне 80 % к 2030 г. Применение технологий искусственного интеллекта способно увеличить производительность на 10 % и существенно изменить методы работы в сферах снабжения, сбыта, а также в разработке материалов и инновационных технологий. Промышленные предприятия часто внедряют решения на основе искусственного интеллекта с целью оптимизации операционной деятельности и повышения эффективности [15].

Задачи, решаемые с помощью технологий искусственного интеллекта в промышленности:

1) прогнозирование спроса: изучение покупательских привычек для оптимизации ассортимента продукции;

2) управление запасами: автоматизированный контроль товарных запасов и внедрение роботизированных систем на складах;

3) управление персоналом: разработка должностных инструкций и повышение квалификации сотрудников;

4) автоматизация документооборота: идентификация и обработка входящей документации, а также обмен документами с партнерами;

5) взаимодействие с покупателями: чат-боты, голосовые помощники, системы персональных рекомендаций для улучшения взаимодействия с клиентами;

6) создание маркетингового контента: создание визуального контента для продвижения продукции и услуг и др.

Интеграция искусственного интеллекта в производственные процессы не только приносит существенные выгоды, но и сопряжена с рисками и препятствиями, требующими комплексного управления и мониторинга. Основные трудности и вызовы при внедрении искусственного интеллекта в промышленные предприятия:

1) дефицит кадров с компетенциями в области применения искусственного интеллекта;

2) инфраструктурные ограничения и необходимость инвестировать в оборудование;

3) недостаток и низкое качество данных для работы ИИ-систем;

4) проблемы интеграции технологий с корпоративными ИТ-сервисами;

5) отсутствие четких метрик для оценки эффективности цифровых проектов и др. [16, 17].

На рисунке 4 представлен сравнительный анализ преимуществ, угроз, проблем и сложностей, сопутствующих внедрению ИИ-технологий в деятельность промышленных предприятий.

Стимулы	Барьеры
• Сложные технологические процессы, требующие новых решений • Доступность денежных средств для осуществления инвестиционной деятельности • Стремление быть в числе лидеров инновационных практик, несмотря на внутреннюю консервативность • Риски падения маржинальности в отдаленной перспективе • Развитие внутренней среды для привлечения молодых сотрудников, решение HR-задач	• Низкий уровень отраслевой конкуренции • Недостаточное осознание практической пользы искусственного интеллекта для решения прикладных задач • Высокая маржинальность бизнеса (не создает стимулов для внедрения инноваций, пока все работает стабильно) • Консервативные внутренняя среда и культура • Дефицит квалифицированных кадров • Глобальная нестабильность и нарушения в цепочках поставок • Низкая доля фонда оплаты труда в совокупных расходах

Рис. 4. Ряд стимулов и барьеров, влияющих на дальнейшее внедрение искусственного интеллекта в работу предприятий

Сформируем преимущества от внедрения искусственного интеллекта в промышленные предприятия по степени приоритетности задач, которые напрямую влияют на экономическую эффективность и производительность:

1. Высокий приоритет. Операционная эффективность:

– совершенствование технологических и производственных операций играет ключевую роль, демонстрируя востребованность к автоматизации и интеллектуализации производственных цепочек;

– сокращение операционных затрат свидетельствует о повышении экономической эффективности;

– повышение скорости принятия управленческих решений демонстрирует необходимость быстро адаптироваться к изменениям внешней среды.

2. Средний приоритет. Стратегическое развитие при сохранении мер безопасности. Улучшение безопасности и уменьшение числа аварий на производстве, а также усиление точности прогнозирования и планирования формируют второй этап приоритетов. Это отражает значимость риск-менеджмента и стратегического подхода, однако с меньшей срочностью, чем оперативные задачи.

3. Неприоритетные области. Незначительное внимание уделяется совершенствованию логистических процессов и экологической безопасности; это может свидетельствовать о недостаточном понимании возможностей искусственного интеллекта в этих сферах или их восприятии как второстепенных задач.

Тема внедрения технологий искусственного интеллекта актуальна не только из-за появления новых технологий, но и из-за сложного и неоднозначного пути их адаптации к деятельности промышленных предприятий. Основная проблема внедрения искусственного интеллекта в работу промышленных предприятий связана: с высокой стоимостью финансовых затрат, необходимых для внедрения искусственного интеллекта в производство; со сложностью оценки эффекта и генерации возможных бизнес-кейсов по внедрению искусственного интеллекта; с неудачами после первых экспериментов с ИИ-технологиями, когда результаты не соответствуют изначально запланированным ожиданиям и т.д.

Для успешного решения проблем и полномасштабного применения искусственного интеллекта в работе промышленных предприятий необходим структурированный подход к выбору и интеграции ИИ-инструментов. Разработаем следующую последовательность шагов для внедрения искусственного интеллекта в промышленные процессы:

Шаг 1. Определение основных производственных задач и составление перечня возможных ИИ-решений, способных их решить.

Шаг 2. Детальный анализ каждого предложенного ИИ-решения с точки зрения его целесообразности, ожидаемого результата и доступности необходимых данных.

Шаг 3. Отбор наиболее приоритетных ИИ-решений с учетом внутренних ресурсов, ограничений и текущих потребностей предприятия.

Шаг 4. Определение способа реализации выбранных решений: приобретение готового продукта или разработка собственного с учетом динамичного развития технологий искусственного интеллекта.

Шаг 5. Настройка, адаптация и сопровождение: изменение рабочих процессов, обучение работников, обеспечение высокого качества и прозрачности алгоритмов принятия управленческих решений [18–20].

В международной практике предприятий применение ИИ-решений способствует росту производительности, оптимизации производственных циклов и улучшению условий труда. Спектр практического применения искусственного интеллекта включает в себя разнообразные направления, такие как машинное обучение, нейронные сети, компьютерное зрение и др. Рассмотрим примеры промышленных предприятий, использующих искусственный интеллект в своей деятельности (табл. 3).

Таблица 3

Результаты внедрения искусственного интеллекта в работу промышленных предприятий

Предприятие	Эффект от внедрения ИИ-решения
BHP (*крупнейшая в мире горнодобывающая компания)*	***Решение:*** ИИ-модель маршрутизации автономных самосвалов для повышения коэффициента использования оборудования ***Эффекты:*** – сокращение очередей; – снижение времени простоев; – уменьшение затрат на транспортировку руды до 20 %
China Shenhua (*крупнейшая горно-энергетическая компания*)	***Решение:*** беспилотный грузовой состав с ИИ-диспетчеризацией для увеличения эффективности железнодорожных перевозок ***Эффекты:*** – сокращение численности персонала на 30 %; – экономия 12 млн юаней (≈ $ 1,7 млн) в год
ПАО «Северсталь» (*сталелитейная и горнодобывающая компания*)	***Решение:*** цифровые модели качества продукции для прогнозирования свойств стали и аудита процессов технического обслуживания и ремонтов ***Эффекты:*** трудоемкость оценки текущего состояния и отслеживания прогресса снизилась с 60 до 1 человекодней
АО «Русал» (*производитель первичного алюминия*)	***Решение:*** система контроля качества алюминиевых цилиндрических слитков на основе машинного зрения. Искусственный интеллект выполняет анализ микроструктуры слитков по восьми параметрам ***Эффекты:*** спустя несколько месяцев эксплуатации длительность процесса проверки сократилась в 6 раз: с 1,5–4 ч до 15 млн

Искусственный интеллект постепенно превращается из вспомогательной технологии в ключевой элемент, влияющий на стабильность и конкурентоспособность промышленного предприятия. Каждое промышленное предприятие сталкивается с определенными трудностями при внедрении искусственного интеллекта. Ключевым моментом является нахождение баланса между темпами интеграции искусственного интеллекта, мерами безопасности, экономической целесообразностью и готовностью к управленческим изменениям.

Сформируем образ промышленного предприятия в период интеграции ИИ-технологий (рис. 5). В условиях ускоряющихся изменений ощутимые результаты быстрее достигнут те промышленные предприятия, которые смогут объединить адаптивность технологических решений и высокий уровень организационной эффективности. Отрыв лидеров может стать критическим, определяющим дальнейшее направление развитие отрасли [21].

Несмотря на полученные положительные эффекты, следует помнить, что трансформация производственных цепочек на основе исключительно искусственного интеллекта в настоящий момент не оправдана [22]. Полная автоматизация всех этапов производства пока не реализована ни на одном предприятии. Современные ИИ-системы все еще не обладают достаточной зрелостью для самостоятельного решения сложных задач и эффективной работы в условиях долгосрочной непредсказуемости.



Рис. 5. Формирование образа промышленного предприятия в период интеграции ИИ-технологий

Аналитические данные показывают, что предприятия, продвинувшиеся в освоении искусственного интеллекта и прошедшие этапы выбора и внедрения решений, смогут завершить их полномасштабное развертывание в течение 2–5 лет при сохранении текущих темпов развития искусственного интеллекта. Для промышленных

предприятий, находящихся на начальной стадии внедрения, этот процесс займет более пяти лет.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что инструменты искусственного интеллекта интегрируются в устойчивое развитие промышленных предприятий. Их применение способствует результативному достижению стратегических задач предприятий, при этом не нарушаются экологические нормы и обеспечивается социальная ответственность. Для успешного серийного внедрения искусственного интеллекта в крупномасштабное производство требуется последовательное развитие в ряде ключевых направлений, к которым относятся:

1) разработка регламентирующей документации, охватывающей стандарты сертификации и процедуры валидации ИИ-систем, используемых в промышленности;
2) внедрение ИИ-технологий в действующие цифровые системы предприятий;
3) улучшение и расширение отечественной вычислительной инфраструктуры;
4) создание безопасных хранилищ, унификация и согласование форматов информации, получаемой в процессе производства;
5) обучение и поддержка специалистов, обладающих знаниями в области искусственного интеллекта, инженерии и автоматизации производственных процессов.

Применение искусственного интеллекта в ключевых отраслях экономики, включая промышленность, строительство, сельское хозяйство и логистику, способствует появлению инновационных бизнес-стратегий, направленных на создание долговременной ценности и сбалансированного взаимодействия с окружающей средой [23, 24]. В первую очередь, искусственный интеллект следует рассматривать как инструмент для повышения управленческой рациональности, а не просто как средство автоматизации рутинных задач. Потребность в структурной перестройке свидетельствует об изменении в организационной модели, методах принятия решений и распределении функционала. Успешная трансформация промышленных предприятий зависит не только от выбора оптимальных технологий, но и от взаимодействия с партнерами, обладающими широким спектром компетенций – от создания независимых моделей до практической реализации готовых решений.

Список источников

1. Иванова М. А. Цифровизация процессов управления проектами на государственном уровне с использованием искусственного интеллекта // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 11. С. 268–271. EDN: WBJPSP
2. Крюков И. А. Цифровизация процессов управления промышленным предприятием путем использования технологий искусственного интеллекта // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2025. № 1(45). С. 51–64. EDN: KWJMTW
3. Давидчук Н. Н., Мейдер Е. В., Полякова Л. П. Цифровизация сферы услуг Российской Федерации с использованием технологий искусственного интеллекта // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2023. № 2. С. 45–52. EDN: TIMSDU
4. Исследование рынка промышленной робототехники 2025. Основные показатели. URL: https://innopolis.university/filespublic/Industrial_Robotics_Market_Research_2025.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

5. Симонин П. В., Анохин С. А. Перспективы использования искусственного интеллекта и потенциал цифровизации рынка труда // Труд и социальные отношения. 2023. Т. 34, № 3. С. 39–54. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-3-39-53. EDN: DSXENP
6. Яцкин Д. В., Майбах О. С., Соколов А. В. Информационные технологии в России: сценарии развития: аналит. докл. НИУ ВШЭ / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2025. 214 с.
7. Голубицкая А. А. Аспекты использования технологий искусственного интеллекта в процессе цифровизации экономики // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. (Орехово-Зуево, 23 октября 2023 г.). Орехово-Зуево: Гос. гуманитарно-технологический ун-т, 2023. С. 30–34. EDN: PUTZFD
8. Смена бизнес-парадигмы или еще одна технология? Искусственный интеллект в нефтегазовой отрасли. URL: https://oilgasforum.ru/mail/TNF2025_web.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
9. Евсеенкова В. В. Использование искусственного интеллекта в машиностроительной отрасли на этапе цифровизации экономики // Современные тенденции развития инвестиционного потенциала в России: матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 22 марта 2022 г.). Москва: Гос. ун-т управления. 2022. С. 183–185. EDN: USWMQF
10. Ильина Е. А. Формирование стратегии устойчивого развития промышленных предприятий в условиях цифровой экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Воронеж, 2022. 209 с.: ил.
11. Ильина Е. А. Внедрение в работу промышленных предприятий технологий генеративного искусственного интеллекта для решения инженерных задач // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 11. С. 217–222. EDN: TCGEDO
12. Ильина Е. А. Цифровые решения для циркулярной экономики // Цифровые системы и модели: теория и практика проектирования, разработки и использования: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 10–11 апреля 2025 г.). Казань: Казанский гос. энергетический ун-т. 2025. С. 299–302. EDN: FPQKTE
13. Выпускники инженерных специальностей. «Сопротивление материалов» на российском рынке труда: аналит. докл. Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ / К. В. Рожкова, С. Ю. Рощин, Е. Д. Смолярчук, П. В. Травкин; науч. ред. С. Ю. Рощин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 148 с.
14. Кривякин К. С., Щеголева Т. В. Опыт цифровизации промышленного производства на основе технологий искусственного интеллекта // Экономинфо. 2024. Т. 19, № 1. С. 81–89. EDN: RULUBN
15. Расторгуев А. В. Применение искусственного интеллекта в управлении устойчивым развитием предприятий: от теории к практике // Инновационная наука. 2025. № 6-1. С. 148–152. EDN: ABLQLQ
16. Levchaev P. A. Financial scope of artificial intelligent systems // Cifra. Economics. 2023. № 2(2). DOI: 10.23670/ECNMS.2023.2.2
17. Микуленков А. С. Искусственный интеллект: драйвер цифровой трансформации и источник экономических угроз // Ученые записки Международного банковского института. 2022. № 1(39). С. 129–146. EDN: JGYIUN
18. Yang T., Lai S. Redefine manufacturing operations for modern production environments with the help of artificial intelligence enterprise information systems // The International Journal of Advanced Manufacturing Technology. 2024. DOI: 10.1007/s00170-024-14838-4
19. Нунникова М. В. Современные тенденции использования искусственного интеллекта // Цифровая экономика глазами студентов: матер. V Междунар. науч. конф. (Казань, 16 мая 2025 г.). Казань: ИП Сагиев А.Р., 2025. С. 1300–1302. EDN: CNBHEB

20. Фисюк В. В. Использование искусственного интеллекта в менеджменте: тенденции управления персоналом // Технологии менеджмента в современной экономике: тенденции и перспективы: матер. V Междунар. науч. конф. В 3 т. (Ростов-на-Дону, 13–15 марта 2025 г.). Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федерал. ун-т. 2025. С. 208–214. EDN: FBOYOL
21. Шинкевич А. И., Лубнина А. А. Исследование тенденций использования искусственного интеллекта на уровне управления проектами промышленного развития // π-Economy. 2025. Т. 18, № 5. С. 9–22. DOI: 10.18721/JE.18501. EDN: RAIBFM
22. Горбунова О. А. Омелькович А. В. Роль цифровой экономики в современном обществе: тенденции и перспективы использования искусственного интеллекта // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 6–1. С. 45–51. DOI: 10.34670/AR.2023.39.34.005
23. Искусственный интеллект в горно-металлургической индустрии: от геологоразведки до сбыта. URL: https://atkconsulting.ru/publikatcii/iskusstvennyi-intellekt-v-gorno-metallurgicheskoi-industrii-ot-geologorazvedki-do-sbyta/ (дата обращения: 12.11.2025).
24. Воронцов С. А., Мамычев А. Ю. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11, № 4. С. 9–22. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-4/009-022. EDN: RLMAYS

References

1. Ivanova M. A. Digitalization of Project Management Processes at the State Level Using Artificial Intelligence. *Actual Issues of the Modern Economy*. 2024; 11: 268–271. EDN: WBJPSP
2. Kryukov I. A. Digitalization of industrial enterprise management processes through the use of artificial intelligence technologies. *Actual problems of economics and management*. 2025; 1(45): 51–64. EDN: KWJMTW
3. Davidchuk N. N., Meider E. V., Polyakova L. P. Digitalization of the service sector of the Russian Federation using artificial intelligence technologies. *Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and law*. 2023; (2): 45–52. EDN: TIMSDU
4. Industrial Robotics Market Research 2025. Basic indicators. URL: https://innopolis.university/filespublic/Industrial_Robotics_Market_Research_2025.pdf (accessed date: 17.11.2025).
5. Simonin P. V., Anokhin S. A. Prospects of using artificial intelligence and the potential of digitalization of the labor market. *Labor and social relations*. 2023; 34(3): 39–54. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-3-39-53. EDN: DSXENP
6. Yatskin D. V., Maibach O. S., Sokolov A. V. Information Technologies in Russia: Development Scenarios: Analytical Report of the National Research University Higher School of Economics / National Research University "Higher School of Economics", 2025. 214 p.
7. Golubitskaya A. A. Aspects of the use of artificial intelligence technologies in the process of digitalization of the economy. *Innovative development of socio-economic systems: conditions, results and opportunities: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference (Orekhovo-Zuyevo, October 23, 2023)*. Orekhovo-Zuyevo: State University of Humanities and Technology; 2023: 30–34. EDN: PUTZFD
8. A business paradigm shift or another technology? Artificial intelligence in the oil and gas industry. URL: https://oilgasforum.ru/mail/TNF2025_web.pdf (accessed date: 11.14.2025).
9. Evseenkova V. V. The use of artificial intelligence in the machine-building industry at the stage of digitalization of the economy. *Current trends in the development of investment potential in Russia: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, March 22, 2022)*. Moscow: State University of Management; 2022: 183–185. EDN: USWMQF
10. Ilyina E. A. Formation of a Strategy for Sustainable Development of Industrial Enterprises in the Context of the Digital Economy: dis. ... candidate of economic sciences: 08.00.05. Voronezh; 2022. 209 p.: ill.

11. Ilyina E. A. Introduction of generative artificial intelligence technologies into the work of industrial enterprises for solving engineering problems. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2025; (11): 217–222. EDN: TCGEDO
12. Ilina E. A. Digital solutions for circular economy. *Digital systems and models: theory and practice of design, development and use: Proceedings of the international scientific and practical conference (Kazan, April 10–11, 2025)*. Kazan: Kazan State Power Engineering University; 2025: 299–302. EDN: FPQKTE
13. Graduates of Engineering Specialties. "Strength of Materials" in the Russian Labor Market: Analytical Report of the Labor Market Research Laboratory of the National Research University Higher School of Economics / K. V. Rozhkova, S. Yu. Roshchin, E. D. Smolyarchuk, P. V. Travkin; scientific editor S. Yu. Roshchin; Nat. research. University of Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2025. 148 p.
14. Krivyakin K. S., Shchegoleva T. V. The experience of digitalization of industrial production based on artificial intelligence technologies. *Economінfo*. 2024; 19(1): 81–89. EDN: RULUBN
15. Rastorguev A. V. The use of artificial intelligence in managing the sustainable development of enterprises: from theory to practice. *Innovative Science*. 2025; (6-1): 148–152. EDN: ABLQLQ
16. Levchaev P. A. Financial scope of artificial intelligent systems. *Cifra. Economics*. 2023; 2(2). DOI: 10.23670/ECNMS.2023.2.2
17. Mikulenkov A. S. Artificial intelligence: a driver of digital transformation and a source of economic threats. *Scientific Notes of the International Banking Institute*. 2022; 1(39): 129–146. EDN: JGYIUN
18. Yang T., Lai S. Redefine manufacturing operations for modern production environments with the help of artificial intelligence enterprise information systems. *The International Journal of Advanced Manufacturing Technology*. 2024. DOI: 10.1007/s00170-024-14838-4
19. Nunnykova M. V. Modern trends in the use of artificial intelligence. *Digital economy through the eyes of students: Proceedings of the V International Scientific Conference (Kazan, May 16, 2025)*. Kazan: IP Sagiev A.R.; 2025: 1300–1302. EDN: CNBHEB
20. Fisyuk V. V. The use of artificial intelligence in management: trends in personnel management. *Management technologies in modern economics: trends and prospects: Proceedings of the V International Scientific Conference. In 3 volumes (Rostov-on-Don, March 13–15, 2025)*. Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University; 2025: 208–214. EDN: FBOYOL
21. Shinkevich A. I., Lubnina A. A. Research of trends in the use of artificial intelligence at the level of industrial development project management. *pi-Economy*. 2025; 18(5): 9–22. DOI 10.18721/JE.18501. EDN: RAIBFM
22. Gorbunova O. A. Omelkovich A. V. The role of the digital economy in modern society: trends and prospects of using artificial intelligence. *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2023; 13(6-1): 45–51. DOI: 10.34670/AR.2023.39.34.005
23. Artificial intelligence in the mining and metallurgical industry: from geological exploration to sales. URL: https://atkconsulting.ru/publikatcii/iskusstvennyi-intellekt-v-gorno-metallurgicheskoi-industrii-ot-geologorazvedki-do-sbyta/ (accessed date: 12.11.2025).
24. Vorontsov S. A., Mamychev A. Yu. "Artificial intelligence" in modern political and legal life of society: problems and contradictions of digital transformation. *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2019; 11(4): 9–22. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-4/009-022. EDN: RLMAYS

Информация об авторе:

Ильина Екатерина Алексеевна, канд. экон. наук, старший преподаватель каф. управления, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Catrin.ilina@cchgeu.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/055-068
EDN: https://elibrary.ru/JKRIHM

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
16.01.2026	03.08.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 69–79
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 69–79

Научная статья
УДК 656.072
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/069-079
EDN: https://elibrary.ru/JPTOTJ

Построение модели оценки ассортимента неавиационных услуг аэропорта в контексте удовлетворенности потребителей

Шеромова Ирина Александровна
Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем, связанных с формированием и оценкой ассортимента услуг в аэропортах. Объектом исследования выступают неавиационные услуги аэропорта, предметом – оценочная модель их ассортимента с учетом сервисного компонента. Цель работы состоит в формировании и апробации модели оценки ассортимента неавиационных услуг аэропорта в аспекте удовлетворенности пассажиров. На основе анализа отчетных данных международных организаций в сфере авиации, ведущих аудиторских и консалтинговых компаний и отчетности аэропортов сделан вывод о том, что неавиационные услуги играют ключевую роль в обеспечении доходности авиапредприятия. Показано, что ассортиментная политика авиапредприятия должна определяться не только экономической целесообразностью, но и уровнем удовлетворенности пассажиров. На основе адаптационного и структурно-функционального подходов с использованием метода концептуального моделирования, основанного на вторичных данных, и адаптации методов ассортиментного анализа под сервисный контекст предложена и описана трехкритериальная модель оценки ассортимента неавиационных услуг, интегрирующая широту ассортимента, качество услуг и инновационность применяемых технологий как базовых оценочных критериев. Проведена апробация разработанной модели на базе Международного аэропорта «Владивосток» путем проведения опроса 110 респондентов. С учетом результатов апробации доказана возможность применения модели в качестве методической основы для выявления проблем в структуре ассортимента неавиационных услуг и разработки технологически обоснованных решений, направленных на повышение уровня удовлетворенности пассажиров.*

Ключевые слова**:** *аэропорт, неавиационные услуги, ассортимент услуг, ассортиментная политика, удовлетворенность пассажиров, модель оценки ассортимента, качество услуг, инновационность технологий*

Для цитирования: *Шеромова И. А. Построение модели оценки ассортимента неавиационных услуг аэропорта в контексте удовлетворенности потребителей // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 69–79. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/069-079. EDN: https://elibrary.ru/JPTOTJ*

Original article

Construction of a model for assessing the range of the airport non-aviation services in the context of consumer satisfaction

Irina A. Sheromova
Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

© Шеромова И. А., 2026

Abstract. *This article examines issues related to the development and evaluation of airport service offerings. The study focuses on non-aviation airport services, and develops an assessment model for their offering, taking into account the service component. The objective of the study is to develop and test a model for assessing the range of non-aviation airport services in terms of passenger satisfaction. Based on an analysis of reporting data from international aviation organizations, leading audit and consulting firms, and airport reports, it is concluded that non-aviation services play a key role in ensuring airline profitability. It is also shown that an airline's service offering policy should be determined not only by economic feasibility but also by passenger satisfaction. Using adaptive and structural-functional approaches, conceptual modeling based on secondary data, and the adaptation of service offering analysis methods to the service context, a three-criteria model for assessing the range of non-aviation services is proposed and described. This model integrates the breadth of service offerings, service quality, and the innovativeness of the technologies used as the basic assessment criteria. The developed model was tested at Vladivostok International Airport using a survey of 110 respondents. The results demonstrate its potential as a methodological basis for identifying gaps in the structure of non-aviation services and developing technologically sound solutions aimed at improving passenger satisfaction.*

***Keywords*:** *airport, non-aviation services, assortment of services, assortment policy, passenger satisfaction, assortment assessment model, quality of services, innovation of technologies*

For citation*: Sheromova I. A. Construction of a model for assessing the range of the airport non-aviation services in the context of consumer satisfaction // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 69–79. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/069-079. EDN: https://elibrary.ru/JPTOTJ*

Введение

В настоящее время деятельность аэропортов осуществляется в условиях влияния целого комплекса факторов, среди которых ключевую роль играют глобализация экономики, постоянный рост конкуренции на рынке пассажирских и грузовых авиаперевозок, а также все возрастающие требования пассажиров к качеству наземного обслуживания. Все это способствует тому, что аэропорты из обычных транспортных узлов превращаются в многофункциональные сервисные центры, на территории которых клиентам предоставляются самые разнообразные услуги, причем не только непосредственно связанные с наземным обеспечением воздушной перевозки, но и иные услуги, которые направлены на повышение уровня комфорта пребывания пассажиров и гостей в аэропорту и не относятся к авиационной деятельности; их принято называть неавиационными услугами. Услуги по неавиационной деятельности играют ключевую роль в коммерческой деятельности аэропорта, обеспечивая значительную долю доходов [1]. По данным Международного Совета аэропортов (ACI от англ. *Airports Council International*), на долю неавиационных услуг в настоящее время даже с учетом послепандемийного спада приходится в среднем 37 % от валового дохода с вариативностью по регионам от 26 до 47 %.

К сожалению, российские аэропорты в значительной степени отстают от зарубежных авиапредприятий по данному показателю, уровень которого не превышает 20–30 % даже в крупных аэропортах [2]. Такое положение в деятельности отечественных аэропортов обусловливается разными причинами, одной из которых является недостаточная проработанность и систематизация подходов к формированию и оценке ассортимента услуг. Подходы, реализуемые на практике, в основном базируются на экономической целесообразности и не учитывают в достаточной мере реальные потребности пассажиров и других клиентов аэропорта, вопреки тому факту, что более высокая их удовлетворенность напрямую влияет на уровень доходов от неавиационной деятельности, о чем свидетельствуют данные отчетов различных

аудиторских и консалтинговых компаний, в том числе международной сети PwC (от PricewaterhouseCoopers), которая входит в «большую четверку» в этой области.

Традиционно применяемые методы управления ассортиментом, такие как анализ рентабельности, ABC/XYZ-анализ, адаптированная матрица BCG и другие, эффективны для оптимизации товарной номенклатуры с точки зрения маржинальности, но не позволяют учесть сервисную составляющую и уровень удовлетворенности потребителей [3]. В работе [4] сделана попытка внедрения в оценку ассортимента неавиационных услуг в дополнение к традиционным методам сервисных подходов, однако конкретная система оценочных показателей в работе отсутствует. В связи с этим актуальный научный и практический интерес представляет разработка модели оценки ассортимента неавиационных услуг, интегрирующей показатели коммерческой эффективности с качественными параметрами клиентского опыта.

Объектом исследования являются неавиационные услуги, предоставляемые пассажирам в аэропорту, *предметом* – модель оценки ассортимента неавиационных услуг аэропорта в аспекте удовлетворенности потребителей.

Цель исследования состоит в разработке и апробации модели оценки ассортимента неавиационных услуг аэропорта в аспекте удовлетворенности пассажиров. Для достижения поставленной цели был решен комплекс задач аналитического, теоретического и эмпирического характера, связанных: с анализом особенностей организации и осуществления неавиационной деятельности аэропортов, в том числе в контексте удовлетворенности пассажиров; с обоснованием и построением модели оценки ассортимента неавиационных услуг в аэропорту с учетом сервисной составляющей; с практической апробацией предложенной модели оценки ассортимента неавиационных услуг на примере Международного аэропорта «Владивосток» с разработкой рекомендаций по технологическому расширению сервисного предложения.

Материал и методы исследования. Методология исследования базировалась на структурно-функциональном и адаптационном подходах. При этом применялись такие методы исследования, как структурно-функциональный анализ ассортимента услуг, оказываемых пассажирам в аэропорту, сравнительный анализ зарубежных и отечественных практик организации неавиационной деятельности аэропортов, анализ отчетности ведущих консалтинговых организаций и аэропортов, сравнительный анализ нормативных документов, концептуальное моделирование на основе вторичных данных, адаптация методов ассортиментного анализа под сервисный контекст, синтез критериев качества услуг с учетом потребительского опыта, опрос в форме анкетирования и интервьюирования, включенное наблюдение и др.

Основная часть

Ассортиментная политика авиапредприятия определяется нормативными требованиями, объемом пассажиропотока, транспортной доступностью, уровнем развития прилегающей территории, а также требованиями к безопасности, доступности, инновационности и экологичности [5, 6]. Как показывает анализ нормативной базы формирования ассортимента услуг, оказываемых пассажирам и гостям на территории аэропорта, он должен включать как услуги, непосредственно направленные на наземное обеспечение воздушной перевозки (услуги по авиационной деятельности), так и услуги, напрямую не связанные с ней, т.е. услуги по неавиационной деятельности или неавиационные услуги [7–9].

Анализ доходности аэропортов от неавиационной деятельности явно свидетельствует о все возрастающей роли неавиационных услуг в достижении коммерческих результатов аэропортов. В настоящее время неавиационные услуги из вспомогательных услуг превратились в стратегический актив и стали критичными для финансовой устойчивости аэропортов, составляя в среднем около 40 % их общей выручки. Причем в крупных аэропортах их доля может достигать 60 %. Следует отметить, что, по данным о финансовой деятельности аэропортов мира, приведенным в документах ACI и ICAO [10, 11], предшествующие годы, соответствующие послепандемийному периоду, характеризовались значительным падением доходов от реализации неавиационных услуг. Так, в 2023 г. общий объем от неавиационных доходов был на 17 % ниже уровня 2019 г. и, даже несмотря на восстановление пассажиропотока, до настоящего времени не достиг допандемийного уровня. Однако и в условиях общего падения цифры доходов аэропортов от неавиационной деятельности впечатляют. Так, в 2023 г. общий объем данной статьи доходов составил 54 млрд долл. США, а в 2025 г. – примерно 76 млрд долл. США (по предварительным данным). Предполагается, что в 2026 г. доходы аэропортов от неавиационной деятельности достигнут допандемийного уровня, а к 2033 г. их объем составит 99 млрд долл. США [12, 13].

Заметим, что на долю неавиационных доходов в общей выручке влияет региональный компонент. Те же отчеты ACI отмечают следующее распределение аэропортов по данному показателю с учетом их локации: аэропорты Ближнего Востока – 47 %; аэропорты Азиатско-Тихоокеанского региона – 43 %; европейские аэропорты – 39 %; аэропорты Северной Америки – 33 %; аэропорты Латинской Америки и Африки – 26 %. Кроме того, немаловажным фактором влияния в данном аспекте является и объем пассажиропотока. Так, крупные аэропорты с пассажиропотоком 15–25 млн пассажиров достигают пиковой доли неавиационных доходов в 39 % (в среднем), тогда как малые аэропорты с пассажиропотоком менее 1 млн пассажиров – только 23 %.

Доля доходов российских аэропортов от неавиационной деятельности значительно ниже среднемировых показателей и даже в наиболее крупных аэропортах не превышает 20–30 % [2]. Такая ситуация связана в том числе с тем, что в настоящее время в основу формирования ассортиментной политики российских авиапредприятий положен, прежде всего, нормативный подход, а оценка существующего и планируемого ассортимента услуг производится в основном на основе критериев экономической целесообразности без учета влияния на общую удовлетворенность пассажиров уровнем сервиса. В результате ассортимент неавиационных услуг, предлагаемых пассажирам на территории аэропорта, как свидетельствуют данные, приведенные на сайтах российских аэропортов [14], ограничивается чаще всего высокодоходными группами услуг (услуги питания и торговли различными товарами, на которые приходится больше половины в общей структуре ассортимента) и не включает или включает в крайне ограниченном количестве услуги других ассортиментных групп, наличие которых оказывает значительное влияние на удовлетворенность, особенно по отдельным категориям пассажиров (культурно-досуговые, в том числе ориентированные на детей разных возрастных категорий, религиозные услуги и т.п.). Это свидетельствует о том, что для адекватного формирования и оценки ассортимента неавиационных услуг аэропорта требуется адаптация экономических методов его анализа (ABC/XYZ-анализ, матрица BCG и др.) с добавлением социологического компонента. Решение данной задачи возможно за счет разработки модели оценки ассортимента неавиационных услуг в аспекте удовлетворенности потребителей.

Построение модели оценки требует установления оценочных критериев ассортимента услуг в рассматриваемом контексте. С этой целью были проанализированы результаты различных исследований потребностей пассажиров и иных пользователей услуг на территории аэропорта. Источниками первичных данных послужили, прежде всего, отчетные и иные материалы правительственных и неправительственных международных организаций в сфере авиации ACI, ICAO, IATA, результаты исследований ведущих аэропортов мира, в том числе США, Норвегии, Испании, Японии и др., отчеты SITA и ведущих консалтинговых компаний (Moodie Davitt, PwC и др.), а также нормативно-правовые документы РФ в области воздушных перевозок [10, 14, 15 и др.].

Ключевыми выводами данного этапа исследований являются следующие:

1. Существуют значимые различия в предпочтительных группах и видах услуг среди потребителей различных возрастных групп и категорий пассажиров. Универсальные подходы уступают место адресным (персонализированным) предложениям. Понимание запросов различных категорий пользователей услугами позволяет оптимизировать коммерческие стратегии. Следовательно, возникает необходимость расширения ассортиментного разнообразия неавиационных услуг по группам и видам и оценки этого разнообразия, в том числе с учетом уровня уникальности коммерческих предложений.

2. Пассажиры все больше ценят не просто покупки, а целостный опыт. Удовлетворенность коррелирует с качеством впечатлений, а не только с разнообразием ассортимента товаров и услуг. Это обусловливает включение в перечень оценочных параметров характеристик, позволяющих проводить оценку качества ассортимента в аспекте общей удовлетворенности от пользования услугой.

3. Около 90 % пассажиров ожидают бесшовного цифрового опыта. Аэропорты, инвестирующие в единые платформы (приложения, электронную коммерцию), демонстрируют более высокие показатели удовлетворенности и доходов. Таким образом, перечень оценочных характеристик должен обеспечивать оценку уровня инновационности технологий при оказании услуг.

Для решения поставленной задачи по формированию перечня оценочных критериев дополнительно был выполнен анализ различных подходов к оценке удовлетворенности потребителей качеством услуг, составной частью которого является и качество их ассортимента [16]. Известно, что качество предоставления услуг традиционно оценивается через многокритериальные системы. В мировой практике широко используются пятикритериальная модель SERVQUAL (надежность, убежденность, материальность, сочувствие, отзывчивость) и десятикритериальная модель В. Зайтамля, А. Парасурмана и Л. Бери (надежность, реактивность, оперативность, компетентность, доступность, обходительность, коммуникативность, доверие, безопасность, понимание/знание, осязаемость). Анализ сущности используемых в моделях оценочных критериев показал, что они могут быть взяты за основу, но требуют адаптации применительно к качеству ассортимента, как по количеству, так и по содержанию.

С учетом результатов проведенных исследований предлагается комплексная модель оценки ассортимента неавиационных услуг в аспекте удовлетворенности пассажиров, объединяющая три обобщенных критерия (широта ассортимента, качество, инновационность), каждый из которых раскрывается через измеримые групповые и единичные показатели и соответствующие методы оценки. В укрупненном виде на уровне оценочных критериев и соответствующих им групповых показателей сформированная модель представлена на рис. 1, а в табл. 1 через единичные показатели и методы их оценки раскрыта сущность групповых оценочных показателей.



Рис. 1. Структурная модель оценки ассортимента неавиационных услуг в аспекте потребительской удовлетворенности

Источник: сост. автором.

Таблица 1

Сущностная характеристика групповых оценочных показателей ассортимента неавиационных услуг

Критерий	Групповой показатель	Единичный показатель	Количественная характеристика	Методы оценки
Широта ассортимента	Разнообразие по количеству услуг	Количество услуг без учета их видового разнообразия	Число точек обслуживания	Анализ документов, включенное наблюдение
	Разнообразие по охвату групп услуг	Наличие различных категорий* услуг в структуре	Доля охвата категорий* услуг	Анализ документов, включенное наблюдение
	Наличие уникальных/ нетрадиционных услуг	Соответствие региональной специфике и современным трендам	Доля уникальных услуг	Опрос, включенное наблюдение
Качество услуг	Надежность	Своевременность оказания услуги, скорость обслуживания. Соответствие заявленным стандартам	Доля услуг, выполненных с соблюдением установленных сроков. Количество жалоб на качество услуги	Опрос, работа с жалобами

Окончание табл. 1

Критерий	Групповой показатель	Единичный показатель	Количественная характеристика	Методы оценки
	Доступность	Удобство локации, близость к зонам ожидания. Удобство навигации и предоставления информации	Расстояние до точки предоставления услуги. Уровень информационной поддержки	Опрос, включенное наблюдение, измерительный метод
	Отзывчивость	Готовность персонала оперативно реагировать на запросы	Время ожидания ответа на запрос	Опрос, хронометраж
	Безопасность	Соблюдение санитарных, противопожарных норм и норм транспортной безопасности	Число выявленных нарушений	Опрос, аудит документов, работа с жалобами, включенное наблюдений
Инновационность	Новизна применяемых технологий	Использование ИИ, VR/AR, автоматизация процессов, использование мобильных приложений и т.п.	Доля услуг, реализуемых с использованием цифровых технологий	Опрос, анализ внедренных решений

Примечание: * – полный перечень категорий услуг по неавиационной деятельности определен в работе [4].

Источник: сост. автором.

Данная модель позволяет перевести субъективные ожидания пассажиров в измеримые индикаторы, что формирует основу для принятия управленческих решений по корректировке ассортимента. Апробация предлагаемой модели проведена на базе Международного аэропорта «Владивосток» (МАВ), код IATA: VVO, который уже на протяжении нескольких лет занимает лидерские позиции среди аэропортов Дальневосточного региона России. Текущая структура неавиационных услуг насчитывает более 70 точек обслуживания, работающих в общей и «стерильной» зонах, при этом на торговлю приходится примерно 46 %; питание – 17 %; связь и финансовые услуги – 7 %; услуги VIP- и бизнес-залов – 6 %; прокат автомобилей и такси – 5 %; прочие услуги (парковка, комната матери и ребенка, услуги хранения и упаковки багажа, торгово-развлекательные аппараты, капсульный отель, игровые зоны и прочее) – 19 %.

Исследование проводилось методом опроса в форме анкетирования, в котором приняло участие 110 респондентов (53 % мужчин и 47 % женщин, преобладающий возраст – 18–35 лет), отобранных случайным способом. Анкета включала 15 вопросов, разбитых на три блока: оценка разнообразия ассортимента, качество услуг по групповым показателям модели, отношение к инновационным технологиям.

Ключевые выводы исследования состоят в следующем:

– по критерию «Широта ассортимента» примерно 50 % респондентов оценили существующий ассортимент услуг как «недостаточно разнообразный», при этом

в наибольшей степени из предложенного перечня услуг респондентов заинтересовали зеленые лаунж-зоны (74 % опрошенных), детский развлекательный центр (66 % опрошенных), мини-кинотеатр (59 %), спа-услуги (60 %);

– по критерию «Качество услуг»: в отношении доступности услуг 33 % респондентов не удовлетворены качеством предоставляемой информации и навигации, а 22 % ожидают улучшений в этой области; по показателю надежности респонденты не удовлетворены скоростью обслуживания в точках питания (53 % опрошенных оценили данный показатель в 3 балла из возможных 5), а также качеством Wi-Fi (57 % опрошенных поставили оценку «3»); по показателям отзывчивости и безопасности большинство респондентов выразили удовлетворение, поставив оценки «4» и «5»;

– по критерию «Инновационность»: 35 % респондентов доверяют автоматизированным системам (роботы-помощники, киоски самообслуживания), 38 % положительно относятся к внедрению виртуальной реальности (VR) для презентации услуг; опрошенные в равной доле хотели бы использовать мобильные приложения для предзаказа еды, различной продукции, услуг (примерно 50 %) и видеть электронные табло с информацией о представляемых неавиационных услугах (50 %).

Выполненная апробация подтвердила возможность точно локализовать «болевые» точки ассортимента неавиационных услуг: недостаточность культурно-досуговых услуг, в том числе для детей, низкая скорость обслуживания в точках питания, недостаточная цифровая навигация и качество связи.

Исходя из диагностических выводов разработан комплекс технологических мероприятий, направленных на расширение ассортимента неавиационных услуг в МАВ с учетом удовлетворенности пассажиров.

Предложено:

– для повышения доступности информации об услугах и улучшения навигации установить интерактивный информационно-навигационный киоск (WALT, 43″ Full HD);

– для расширения ассортимента с учетом показателя уникальности, а также повышения качества культурно-досуговых услуг для детей и взрослых по показателям отзывчивости и безопасности внедрить интерактивную стену UTS Magic Wall (3-в-1: проекционные игры, рисование, AR);

– для повышения скорости обслуживания в точках питания установить терминалы самообслуживания (TOUCHPLAT® Q-60), что будет способствовать улучшению качества ассортимента по показателям надежности, отзывчивости и доступности.

Следует отметить, что предложенные мероприятия предусматривают внедрение современных цифровых сервисных технологий; направлены, помимо указанного выше, на повышение качества ассортимента услуг по критерию «Инновационность».

Экономическая оценка предложений показывает, что суммарные инвестиции для их реализации составят примерно 2,5 млн руб. с учетом всех затрат. Основная доля затрат приходится на интерактивную стену. С учетом средней загрузки VR-зоны 30 сеансов в день и конверсии платного контента в 10 % срок окупаемости оценивается в 6–7 месяцев. Дополнительные доходы за счет стимулирования покупок через интерактивную навигацию и сокращение потерь времени в очередях усиливают коммерческую отдачу неавиационного сегмента.

Заключение

Результатом проведенного исследования является модель оценки ассортимента неавиационных услуг в аспекте удовлетворенности пассажиров, которая позволяет

сместить акценты в ассортиментной политике предприятия с исключительно экономической целесообразности в сторону клиентоориентированного сервиса. Применение трехкритериальной модели оценки, базирующейся на использовании триады – «широта ассортимента», «качество» и «инновационность» с их детализацией через групповые и единичные показатели, дает возможность аэропорту системно диагностировать фактические «болевые точки» в существующем ассортименте услуг, предоставляемых пассажирам и иным потребителям, и внедрять в практику своей деятельности обоснованные решения по его корректировке и отбору арендаторов и концессионеров с оценкой влияния на общую удовлетворенность клиентов.

Апробация предлагаемой модели подтвердила практическую возможность ее применения для решения задач совершенствования существующего ассортимента услуг с разработкой конкретных технологических предложений. Так, на основе применения рекомендованных методов оценки, в частности социологического опроса, диагностированы основные проблемы ассортимента неавиационных услуг Международного аэропорта «Владивосток» и определены их конкретные технологические решения (интерактивная навигация, цифровые игровые зоны, киоски самообслуживания), характеризующиеся четкими параметрами экономической целесообразности внедрения, а именно приемлемым сроком окупаемости и уровнем роста лояльности пользователей.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на проверку валидности модели путем апробации на базе других аэропортов, а также разработку динамических алгоритмов оценки ассортимента с учетом сезонности, демографических характеристик пассажиропотока и поведенческих паттернов потребителей с использованием технологий ИИ и Big Data.

Список источников

1. Токарева О. Г., Сливинский Д. В. Современные тенденции развития неавиационной деятельности на воздушном транспорте // Вектор экономики. 2025. № 5. URL: https://na-journal.ru/6-2024-transport/13020-sovremennye-tendencii-razvitiya-sfery-vozdushnyh-perevozok (дата обращения: 10.05.2026).
2. Степанова О. А., Сливинский Д. В., Фомина И. А. Определение понятия и уровень развития неавиационной деятельности крупнейших аэропортов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 9-2 (67). С. 78–83.
3. Нечаева Е. В. Маркетинговое управление товарным ассортиментом: системный подход // Креативная экономика. 2010. Т. 4, № 4. С. 144–151.
4. Шеромова И. А., Макиевская Ю. Ю. Формирование рациональной структуры услуг в контексте развития неавиационной деятельности аэропорта // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12, № 2. С. 145–156. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10212
5. Колбасина А. А., Сливинский Д. В. Факторы, влияющие на развитие неавиационной деятельности и уровень доходов от коммерческой деятельности предприятия воздушного транспорта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 10-1 (104). С. 178–181. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-10-1-178-181
6. Руководство по экономике аэропортов / Международная организация гражданской авиации (ИКАО). 3-е изд. Монреаль: ИКАО, 2013. (Doc 9562) // Аэростандарт: [сайт]. URL: https://аэростандарт.рф/ru/icao/book/документ-9562-руководство-по-экономике-аэропортов-ру-конс (дата обращения: 15.05.2026).
7. Долженко Я. А. Современные тенденции развития сферы воздушных перевозок // Научный аспект. 2024. Т. 53, № 6. С. 6827–6834. URL: https://na-journal.ru/6-2024-

transport/13020-sovremennye-tendencii-razvitiya-sfery-vozdushnyh-perevozok (дата обращения: 13.05.2026).
8. Аксенов А. А. Экономическая целесообразность неавиационной деятельности аэропортов // Московский экономический журнал. 2022. № 2. С. 690–700.
9. Домокурова М. О. Расширение неавиационной деятельности в аэропортах // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 143. С. 116–120.
10. IATA Global Passenger Survey. 2024 Highlights // IATA: [сайт]. URL: https://www.iata.org/contentassets/43e93463336d4fadae5c474d2874aa46/gps-2024-highlights.pdf (дата обращения: 14.05.2026).
11. ACI World: доходы аэропортов падают, несмотря на восстановление пассажиропотока // AviaStat: [сайт]. URL: https://www.aviastat.ru/news/283241-aci-world-dohody-aeroportov-padayut-nesmotrya-na-vosstanovlenie-passazhiropotoka (дата обращения: 13.05.2026).
12. Доходы аэропортов отстают от восстановления трафика // Международные инвестиции: [сайт]. URL: https://internationalinvestment.biz/news/7466-dohody-aeroportov-otstayut-ot-vosstanovleniya-trafika.html (дата обращения: 13.05.2026).
13. Мартыненко К. А., Сливинский Д. В. Анализ и пути развития неавиационной деятельности ООО ВВСС» // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5-2 (111). С. 38–41.
14. SITA: «Цифровые путешественники» определяют пассажирскую стратегию авиакомпаний и аэропортов до 2025 года // Aviation Explorer: [сайт]. 2019. URL: https://www.aex.ru/news/2019/9/3/201746/ (дата обращения: 12.05.2026).
15. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2023 г. № 3097-р. // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407851313/ (дата обращения: 12.05.2026).
16. Морозова Л. С., Земскова А. А. Влияние качества обслуживания на эффективность деятельности предприятий индустрии гостеприимства // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 2(72). С. 98–110.

References

1. Tokareva O. G., Slivinsky D. V. Current trends in the development of non-aviation activities in air transport. *Economy vector*. 2025; (5). URL: https://na-journal.ru/6-2024-transport/13020-sovremennye-tendencii-razvitiya-sfery-vozdushnyh-perevozok (accessed date: 10.05.2026)
2. Stepanova O. A., Slivinsky D. V., Fomina I. A. Definition of the concept and level of development of non-aviation activities of the largest airports in the Russian Federation. *Economics and business: theory and practice.* 2020; (9-2): 78–83.
3. Nechaeva E. V. Marketing Management of product range: a systematic approach. *Creative Economy*. 2010; 4(4): 144–151.
4. Sheromova I. A., Makievskaya Yu. Yu. Formation of a rational service structure in the context of the development of non-aviation activities of the airport. *Service in Russia and abroad*. 2018; 12(2): 145–156. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10212
5. Kolbasina A. A., Slivinsky D. V. Factors influencing the development of non-aviation activities and the level of income from commercial activities of an air transport enterprise. *Economy and business: theory and practice*. 2023; 10-1 (104): 178–181. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-10-1-178-181
6. Airport Economics Manual/ International Civil Aviation Organization (ICAO). 3-е изд. Montreal: ICAO. 2013. (Doc 9562). *Ae`rostandart.rf: [website]*. URL: https://аэростандарт.рф/ru/icao/book/документ-9562-руководство-по-экономике-аэропортов-ру-конс (accessed date: 15.05.2026).
7. Dolzhenko Ya. A. Modern trends in the development of air transportation. *Scientific aspect.* 2024; 53(6). URL: https://na-journal.ru/6-2024-transport/13020-sovremennye-tendencii-razvitiya-sfery-vozdushnyh-perevozok (accessed date: 13.05.2026).

8. Aksenov A. A. Economic feasibility of non-aviation activities of airports. *Moscow Economic Journal*. 2022; (2): 690–700.
9. Domokurova M. O. Expansion of non-aviation activities at airports. *Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation*. 2009; (143): 116–120.
10. 11. IATA Global Passenger Survey. 2024 Highlights. *IATA: [website]*. URL: https://www.iata.org/contentassets/43e93463336d4fadae5c474d2874aa46/gps-2024-highlights.pdf (accessed date: 14.05.2026).
11. ACI World: airport revenues fall despite recovery in passenger traffic. *AviaStat: [website]*. URL: https://www.aviastat.ru/news/283241-aci-world-dohody-aeroportov-padayut-nesmotrya-na-vosstanovlenie-passazhiropotoka (accessed date: 13.05.2026).
12. Airport revenues lag behind traffic recovery. *International Private Investment: [website]*. URL: https://internationalinvestment.biz/news/7466-dohody-aeroportov-otstayut-ot-vosstanovleniya-trafika.html (accessed date: 13.05.2026).
13. Martynenko K. A., Slivinsky D. V. Analysis and ways of development of non-aviation activities of VVSS LLC. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2024; (5-2): 38–41.
14. SITA: "Digital Travelers" Define Airline and Airport Passenger Strategy to 2025. *Aviation Explorer: [website]*. 2019. URL: https://www.aex.ru/news/2019/9/3/201746/ (accessed date: 12.05.2026).
15. On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the transport industry of the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of November 3, 2023. № 3097-r. *GARANT.RU*. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407851313/ (accessed date: 12.05.2026).
16. Morozova L. S., Zemskova A. A. The influence of the quality of service on the efficiency of the hospitality industry. *Service in Russia and abroad*. 2017; (2): 98–110.

Информация об авторе:

Шеромова Ирина Александровна, д-р техн. наук, профессор, профессор каф. дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, irina.sheromova@mail.ru, SPIN-код: 2433-9172, AuthorID:480687, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3854-0534

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/069-079
EDN: https://elibrary.ru/JPTOTJ

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
19.05.2026	01.06.2026	25.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 80–98
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 80–98

Научная статья
УДК 005.4 / 338
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/080-098
EDN: https://elibrary.ru/LHLTMU

Анализ программного механизма государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае

Сапфирова Мария Владимировна
Рахманова Марина Сергеевна
Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *Представлены результаты проведенного исследования, посвященные анализу программного механизма государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае. Исследуемая тема является важной и неотъемлемой частью развития как страны в целом, так и Приморского края в частности. Для повышения эффективности мер, направленных на социально-экономическое развитие, государство совершенствует законодательство, создает новые решения для достижения целей государственных программ и национальных проектов. Цель исследования: провести анализ программного механизма государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: провести SWOT-анализ Приморского края, описать направления социально-экономического развития Приморского края, проанализировать региональные программы, их эффективность и результаты, рассмотреть национальные и региональные проекты, перспективы программного механизма. Проанализированы социально-экономические процессы, реализуемые в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Приморского края до 2030 г., оценена эффективность региональных программ.*

***Ключевые слова*:** *управление, социально-экономическое развитие, Приморский край, региональная программа, оценка эффективности*

Для цитирования: *Сапфирова М. В., Рахманова М. С. Анализ программного механизма государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 80–98. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/080-098. EDN: https://elibrary.ru/LHLTMU*

Original article

Analysis of the software mechanism of state management of socio-economic processes in Primorsky Krai

Maria V. Sapfirova
Marina S. Rakhmanova
Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

Abstract. *This article presents the results of a study analyzing the programmatic mechanism of state governance of socioeconomic processes in Primorsky Krai. This topic is an important and integral part of the*

© Сапфирова М. В., 2026
© Рахманова М. С., 2026

development of both the country as a whole and Primorsky Krai in particular. To improve the effectiveness of measures aimed at socioeconomic development, the state is improving legislation and creating new solutions to achieve the goals of state programs and national projects. The objective of this study is to analyze the programmatic mechanism of state governance of socioeconomic processes in Primorsky Krai. To achieve this goal, the following objectives were defined: conduct a SWOT-analysis of Primorsky Krai, describe the socioeconomic development trends in Primorsky Krai, analyze regional programs, their effectiveness, and outcomes, and review national and regional projects. This article analyzes the socioeconomic processes implemented in accordance with the Primorsky Krai Socioeconomic Development Strategy through 2030 and assesses the effectiveness of regional programs.

***Keywords*:** *management, socio-economic development, Primorsky Krai, regional program, performance assessment*

***For citation**: Sapfirova M. V., Rakhmanova M. S. Analysis of the software mechanism of state management of socio-economic processes in Primorsky Krai // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 80–98. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/080-098. EDN: https://elibrary.ru/LHLTMU*

Введение

Актуальность темы исследования. Государственное управление социально-экономическими процессами является важной и неотъемлемой частью для развития как страны в целом, так и Приморского края в частности. Внедрение программного механизма показывает положительный результат на протяжении всего периода его реализации. Для повышения эффективности мер, направленных на социально-экономическое развитие, государство совершенствует законодательство, создает новые решения для достижения целей государственных программ.

Главная цель программного механизма – повышение эффективности расходования и управления бюджетными средствами на всех уровнях государственной власти. В исследовании представлено предположение о снижении эффективности государственных программ Приморского края из-за недостаточной гибкости механизмов финансирования; отмечена корреляция между полнотой кассового исполнения и интегральной оценкой.

Целью исследования является анализ программного механизма государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае. Для достижения поставленной цели определены следующие *задачи*:

– провести SWOT-анализ Приморского края;

– рассмотреть критерии оценки региональных программ и проанализировать их эффективность;

– проанализировать социально-экономические процессы, реализуемые в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Приморского края до 2030 г.,

– проанализировать региональные программы, их эффективность и результаты;

– рассмотреть национальные и региональные проекты, перспективы программного механизма.

Методология исследования. Теоретическая и методологическая база исследования основана на официальных нормативно-правовых документах органов исполнительной власти Приморского края, научных статьях, докладах, посвященных вопросам оценки эффективности государственных программ, данных из открытых источников на тему исследования. Для решения задач использовались методы: сравнительного анализа, абстрактно-логический, графическое представление данных.

Основная часть

Президент Российской Федерации указывает направление национальной политики, а субъекты РФ, учитывая региональную специфику, приводят региональные проекты в соответствие с национальными целями. Так, в Указе Президента от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» описаны цели следующего направления: повышение благополучия, укрепление здоровья и сохранение населения, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [1].

В настоящее время реализуются 20 государственных программ Приморского края. Например, «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Социальная поддержка населения», «Развитие здравоохранения» и т. д.

Основным стратегическим документом Приморского края по разработке и реализации социально-экономической политики является Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 г. (табл. 1) [2].

Таблица 1

Направления социально-экономического развития, описанные в Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года

Направления развития края на основе использования сильных сторон и возможностей (приоритеты развития)	Направления снижения влияния слабых сторон на реализацию возможностей для развития края (необходимые внутренние преобразования)
Согласованное развитие транспортного комплекса. Модернизация Байкало-Амурской и Транссибирской магистрали. Расширение действующих мощностей нефте- и газопроводов, а также строительство новых. Модернизация морских портов Приморского края; усиление автодорожной сети и развитие пограничных переходов, расширение объемов и географии авиационного сообщения; двукратный рост объемов перевалки грузов в морских портах края и двукратный рост погрузки/выгрузки грузов на железнодорожных станциях Приморского края; увеличение пассажиропотока через пограничные переходы Приморского края не менее чем в 2 раза; полная ликвидация изолированных энергетических районов, мазутной и дизельной электрической генерации; ликвидация дефицита электроэнергии в Южном Приморье и на отдельных территориях края, включая территории нового освоения; развитие всех видов туризма (курортного, культурно-исторического, научного, образовательного, оздоровительного); развитие в Приморского крае новых секторов промышленности на базе создаваемой промышленной инфраструктуры, технопарков, освоения наукоемкой продукции специального и двойного назначения	Расширение ареала экономической доступности территорий за счет развития железных дорог и оптимизации тарифов. Рост межрегиональной интеграции; оптимизация планов крупных компаний по развитию промышленности и увеличению экспорта грузов в соответствии с темпами модернизации железных дорог и пограничного переходов края; строительство и модернизация транспортной и энергетической инфраструктуры, жилищного комплекса и объектов жизнеобеспечения с использованием механизмов ГЧП и специальных режимов ведения хозяйственной деятельности, а в отдельных случаях – на основе специальных решений Правительства Российской Федерации; использование развития научно-исследовательской базы и новых механизмов ведения научно-технологической деятельности для создания новых технологий и загрузки машиностроительных предприятий производством гражданской инновационной продукции; привлечение в край организаций прикладной науки и конструкторских бюро в кооперации с реализацией крупных проектов для обеспечения поддержания должного уровня конкурентоспособности продукции;

Окончание табл. 1

Направления развития края на основе использования сильных сторон и возможностей (приоритеты развития)	Направления снижения влияния слабых сторон на реализацию возможностей для развития края (необходимые внутренние преобразования)
рост бюджетной обеспеченности за счет собственных доходов на краевом и муниципальном уровне; обеспечение достаточной транспортной связности населенных пунктов края; обеспечение на всей территории края широкополосного доступа к сети Интернет, доступа к электронным государственным и муниципальным услугам, оказываемым в электронном виде	реализация крупных проектов и создание площадок со специальными режимами ведения хозяйственной деятельности с учетом необходимости комплексного обустройства работников и членов их семей (работа – жилье – сфера обслуживания – мобильность), что сможет обеспечить приток населения на территорию края; распространение современных форм дистанционного образования и дистанционного оказания медицинских услуг; оптимизация схемы размещения полигонов ТКО с учетом развития транспортной сети
Направления снижения рисков за счет использования сильных сторон Приморского края (идентификация потенциальных преимуществ)	Направления минимизации последствий наложения слабых сторон и угроз (резервные стратегические инициативы)
Усиление взаимодействия стран Северо-Восточной Азии (СВА) и России в туристической, культурной, научной, образовательной, гуманитарной и других сферах; дальнейшее усиление транзитной функции территории края по экспорту угля, нефти, газа и других товаров для стран СВА. Возрастание роли каботажных перевозок; приоритетное развитие рыбохозяйственного комплекса, сельского хозяйства, активизация взаимодействия регионов Дальнего Востока и Забайкалья; наращивание производства и экспорта электроэнергии в СВА	Нарастание неравенства возможностей для самореализации жителей в трудовой, предпринимательской и культурно-досуговой сферах между городскими и сельскими поселениями, между центрами роста и остальной территорией Приморского края; отставание темпов инфраструктурного развития от потребностей экономики и социальной сферы. Переход части проектов в категорию, реализация которых теряет экономическую целесообразность; снижение конкурентоспособности системы образования Приморского края. Дисбаланс потребностей рынка труда и структуры подготовки кадров системой образования; снижение эффективности здравоохранения и системы социального обслуживания и поддержки населения; увеличение естественной убыли населения; усиление миграционного оттока населения. Рост дефицита высококвалифицированных кадров

Источник: Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 г.

Если рассматривать наихудший расклад событий, то к мерам по ликвидации потенциальных ограничений можно отнести: инициирование резкого усиления интеграционных процессов стран Северо-Восточной Азии в отраслях транспорта, науки, энергетики, в области науки, создания общего рынка рабочей силы; возрастание доли заказов со стороны Тихоокеанского флота. Создание цепочек местного производства происходит в основном в интересах структур Министерства обороны РФ.

В случае падения цен на уголь в мире и на другие товары, экспортируемые Россией для недопущения падения объемов перевалки грузов в портах Приморья, нужно готовиться к переходу железных дорог и портов на территории края на доставку: товаров, следующих по Северному морскому пути; товаров, следующих в транзите Республика Корея – КНР, Япония – КНР, США – КНР; каботажных грузов.

Таким образом, из Стратегии социально-экономического развития Приморского края можно проследить следующие тенденции, направленные на улучшение «климата» региона: создание условий для развития человеческого потенциала и прекра-

щение миграционного оттока; развитие межрегиональных и внешнеэкономических связей; усиление внутрирегиональной связности территории и сбалансированное пространственное развитие. Одной из основных статей расходов бюджета Приморского края являются расходы на государственные программы. По имеющимся данным из открытых источников рассмотрим динамику расходов Приморья (рис. 1).

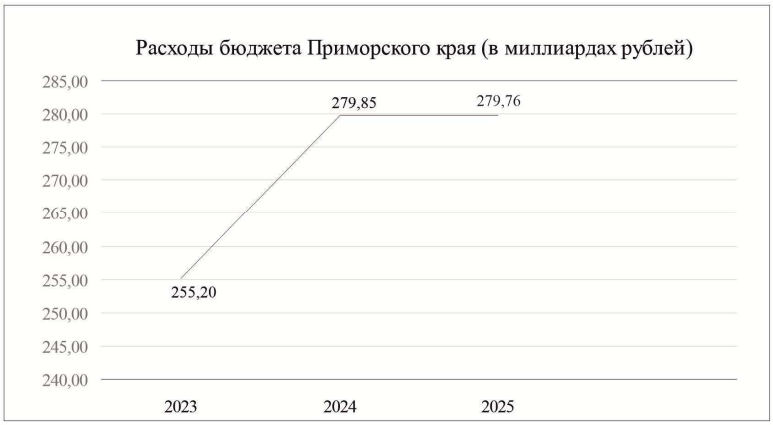


Рис. 1. Общий объем расходов краевого бюджета Приморского края

Источник: бюджет для граждан к проекту закона Приморского края «Об исполнении краевого бюджета за 2023–2025 гг.».

Важно также понимать, из чего формируется бюджет на реализацию программ (табл. 2) [3].

Таблица 2

Структура бюджета на реализацию 20 государственных программ за 2023–2025 гг., млрд руб.

Структура бюджета			
	2023	2024	2025
Предусмотрено всего	235,44	262,81	295,46
Из них:			
Федеральный бюджет	37,36	28,08	42,22
Краевой бюджет	168,87	204,48	216,28
Государственные внебюджетные фонды РФ	0,00011	0,00004	0,00007
Территориальные государственные внебюджетные фонды	27,562	30,07	36,45
Иные внебюджетные источники (Фонд развития территорий, Фонд президентских грантов и Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации)	1,65	0,16	0,49

Источник: Годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2025 год.

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о большом масштабе финансирования государственных программ в Приморье. Так как программный механизм внедрен с целью повышения эффективности расходования бюджетных средств, то возникает необходимость в анализе мероприятий и мер, направленных на реализацию региональных программ. В каждой программе определены целевые показатели, разработаны мероприятия для их достижения. Ответственность за достижение целей возложена на их руководителей совместно с командами. Перечень реализуемых программ в Приморском крае и оценка их эффективности представлены в табл. 3 [3].

Таблица 3

Оценка эффективности реализации государственных программ Приморского края за 2023–2025 гг.

Наименование государственной программы	Интегральная оценка			Степень освоения средств в 2025 г., %
	2023	2024	2025	
Государственные программы с высокой степенью эффективности (более 94,7)				
Формирование современной городской среды муниципальных образований	99,9	96,2	99,7	98,3
Развитие лесного хозяйства	99,2	97,5	99,2	98,2
Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах	92,1	94,6	96,1	99,1
Развитие культуры	96,3	99,5	95,9	95,3
Развитие рыбохозяйственного комплекса	83,1	98,4	95,8	99,5
Патриотическое воспитание граждан, реализация государственной политики и развитие институтов гражданского общества	96,9	98,2	95,1	86,2
Информационное общество	97,3	93,8	95,0	93,5
Государственные программы со степенью эффективности выше среднего уровня (91,9–94,7)				
Социальная поддержка населения	96,6	95,6	94,6	99,5
Экономическое развитие и инновационная экономика	94,5	97,1	93,8	93,8
Развитие физической культуры и спорта	92,0	94,5	93,3	91,6
Развитие туризма	93,1	97,4	92,9	87,5
Развитие образования	90,1	91,9	92,8	97,4
Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия	92,2	91,4	92,0	98,1

Окончание табл. 3

Наименование государственной программы	Интегральная оценка			Степень освоения средств в 2025 г., %
	2023	2024	2025	
Государственные программы со степенью эффективности ниже среднего уровня (81,0–91,9)				
Содействие занятости населения	89,4	90,3	91,5	93,6
Безопасный край	86,3	90,5	90,4	92,3
Развитие транспортного комплекса	89,3	81,0	90,3	87,0
Охрана окружающей среды	79,5	76,2	87,8	86,0
Развитие здравоохранения	94,8	86,9	86,4	94,8
Обеспечение доступным жильем и качественными услугами жилищно-коммунального хозяйства населения	84,4	85,3	81,2	89,0
Государственные программы с низкой степенью эффективности (менее 76,0)				
Энергоэффективность, развитие газоснабжения и энергетики	0,0	80,6	73,9	88,9

Источник: Годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2025 год.

Из таблицы 3 видно снижение эффективности некоторых программ, которое связано с невыполнением ряда мероприятий. Так, например, по программе «Развитие здравоохранения» не были выполнены целевые показатели по снижению смертности населения от всех причин и доли граждан, ежегодно проходящих профилактический медицинский осмотр. Не было выполнено мероприятие субсидирования организаций в целях реализации социально значимого проекта «Доставка лекарственных препаратов гражданам, давшим согласие на доставку лекарственных препаратов к месту их фактического проживания».

По реализации государственной программы «Обеспечение доступным жильем и качественными услугами жилищно-коммунального хозяйства населения» не выполнено 11 мероприятий. Например, работы по строительству Приморского металлургического завода в городском округе Большой Камень не выполнены в связи с поздним заключением Соглашения о реализации инфраструктурных проектов; реализация мероприятий перенесена на 2026 г.

Важно отметить то, что перечисленные государственные программы Приморского края обеспечивают реализацию Стратегии экономического развития Приморского края до 2030 г. По приоритету долгосрочного развития Приморского края выделяются: развитие транспортной инфраструктуры и морских портов, газохимия и нефтехимия, судостроение и судоремонт, рыбохозяйственный комплекс.

Эффективность государственной политики содержит: выбор верных целей, направлений и мероприятий политики, достижение поставленных целей с максимальным соотношением выгод и затрат. В структуре любой госпрограммы выделяются: проектная часть, направленная на достижение уникальных результатов в запланированные сроки, а также процессная часть, которая содержит мероприятия, реализуемые

исполнителями. В связи с этим должна быть прозрачная связь между показателями результатов и мероприятиями, что позволит увеличить гибкость в использовании бюджетных ресурсов [4].

Ежегодная оценка хода реализации каждой госпрограммы проводится ответственным исполнителем совместно с соисполнителями и участниками программы при подготовке годового отчета путем сопоставления достигнутых показателей и запланированных целевых значений. В соответствии с положениями п. 3 ст. 179 Бюджетного кодекса РФ в целях ежегодной оценки эффективности реализации госпрограммы утверждается порядок проведения указанной оценки и ее критерии [5]. На основе анализа годовых отчетов ответственных исполнителей Министерство экономического развития Приморского края составляет сводный годовой доклад о ходе реализации госпрограмм, в котором содержится и сводная оценка эффективности их реализации.

Методика оценки эффективности реализации государственных программ, используемая в целях подготовки сводного годового доклада о ходе реализации и об эффективности государственных программ и ранжирования государственных программ, предполагает проведение анализа таких сведений, как: оценка достижения показателей государственной программы; оценка эффективности реализации основных мероприятий государственной программы; оценка кассового исполнения; оценка эффективности деятельности ответственного исполнителя [6].

Одной из наиболее сбалансированных, комплексных и объективных методик можно назвать интегральную оценку эффективности реализации с использованием весовых коэффициентов целевых индикаторов. Интегральная оценка определяется как средневзвешенная сумма оценок эффективности на основе качественных и количественных критериев и целевых показателей госпрограммы. Данный метод позволяет оценить степень достижения целей, поставленных государством, и уровень бюджетных затрат на их достижение. Уровень достижения показателей государственной программы в отчетном году рассчитывается исходя из среднего значения уровней достижения всех показателей государственной программы, имеющих плановые значения на отчетный год.

Оценка кассового исполнения средств краевого бюджета (включая средства, поступившие в краевой бюджет из федерального бюджета), направленных на реализацию государственной программы, рассчитывается как отношение фактических расходов к плановым расходам. Интегральная оценка рассчитывается как уровень достижения государственной программы, умноженный на 0,8, плюс оценка кассового исполнения средств краевого бюджета, умноженная на 0,2 [7].

На основе рассчитанных интегральных оценок государственные программы делятся на следующие категории [7]: 1-я категория – «высокая степень эффективности реализации государственной программы» (более 94,7 %); 2-я категория – «степень эффективности реализации государственной программы выше среднего уровня» (91,9–94,7 %); 3-я категория – «степень эффективности реализации государственной программы ниже среднего уровня» (81,0–91,9 %); 4-я категория – «низкая степень эффективности реализации государственной программы» (менее 76,0 %).

Если рассматривать зарубежный опыт программного механизма, то стоит отметить Республику Казахстан, в которой действует схожий с Россией механизм разработки, утверждения, реализации и оценки эффективности программ [8]. Опыт модернизации в Китае, учитывая масштаб территории и сильной пространственной дифференциации, показывает необходимость особого внимания и более тщательной

оценки отдаленных и малоразвитых районов [9]. Для эффективной работы бюджетирования, ориентированного на результат, крайне важно разработать информацию о результатах, имеющую значение для принятия решений. Это означает гарантию того, что показатели эффективности будут отражать прогресс в достижении целей и представлять информацию о результатах в доступной и понятной форме [10].

Благодаря комплексному подходу при оценке программ, учитывая промежуточные результаты, удается продуктивно анализировать показатели. Данный метод является эффективным для социально-экономического развития Приморского края. Для более детального исследования реализуемых программ в Приморском крае подробнее рассмотрим программы с высокой, средней и низкой степенью эффективности (табл. 4).

1. Формирование современной городской среды и муниципальных образований Приморского края. Ответственный исполнитель программы – Министерство жилищно-коммунального хозяйства Приморского края. Цели программы [3]: благоустройство не менее чем 417 общественных территорий, реализация в малых городах и исторических поселениях не менее чем 11 проектов победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды к 2030 г.

В ходе реализации государственной программы в 2025 г. проведены работы по благоустройству 51 дворовой территории, 74 общественных территорий, реализовано 5 проектов победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, 7 проектов победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды. Наиболее значимые показатели, которые влияют на достижение целей программы и степень достижения некоторых показателей, представлены в табл. 4 [3].

Таблица 4

Значимые показатели выполнения программы «Формирование современной городской среды и муниципальных образований Приморского края»

Наименование показателей	Значения показателей		Степень достижения планового значения на 2025 г., %
	План	Факт	
Достигнуты			
Прирост среднего индекса качества городской среды по Приморскому краю по отношению к 2019 г., %	26,0	31,0	100,0
Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов (индекс качества городской среды – выше 50 %), %	58,0	75,0	100,0
Количество благоустроенных общественных территорий с нарастающим итогом с 2025 г., ед.	7	9	100,0
Количество благоустроенных общественных территорий с нарастающим итогом с 2025 г., ед.	74	74	100,0
Количество благоустроенных территорий, детских и спортивных площадок, ед.	9	9	100,0

Источник: Годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2025 год.

Вследствие высокой эффективности данной программы можно сделать вывод о грамотном управлении ответственного исполнителя и слаженной работе с подведомственными организациями и муниципалитетами. Следует отметить действенность таких механизмов, как: инициативное бюджетирование, голосование за благоустройство общественных пространств, налаженность диалога с гражданами. По Национальному проекту «Инфраструктура для жизни» ключевые достижения и основные мероприятия за 2025 г. представлены в табл. 5 [11].

Таблица 5

Результаты Национального проекта «Инфраструктура для жизни»

Достижения и мероприятия	Значения показателей	
	План	Факт
Количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 10 тыс. транспортных средств, чел.	1,95	1,94
Улучшено качество среды для жизни в опорных населенных пунктах, %	11,97	11,97
Доля автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения, соответствующих нормативным требованиям, %	55,47	58,45
Доля автомобильных дорог, входящих в опорную сеть, соответствующих нормативным требованиям, %	46,39	48,97
Количество благоустроенных общественных территорий, ед.	74	74
Количество граждан, переселенных из непригодного для проживания жилищного фонда (с нарастающим итогом с 2019 г.), тыс. чел.	5,84	6,65
Объем жилищного строительства, млн $м^2$ в год	1,304	1,308
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, $м^2$ на чел.	27,30	27,30
Количество построенных и реконструированных (модернизированных) объектов питьевого водоснабжения и водоподготовки с нарастающим итогом с 2019 г., ед.	21	21
Численность населения, для которого улучшилось качество предоставления коммунальных услуг (в сфере тепло-, водоснабжения и водоотведения), тыс. чел.	16,9	27,0
Приведены в нормативное состояние автомобильные дороги регионального или межмуниципального, местного значения и искусственные дорожные сооружения на них, а также дорожная сеть городских агломераций, ед.	16	32
Обеспечено техническое обслуживание системы видеонаблюдения и автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, а также оборудования центра обработки данных (включая аренду каналов связи и оплату электроэнергии), ед.	1	1

Окончание табл. 5

Достижения и мероприятия	Значения показателей	
	План	Факт
Реализованы проекты победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, ед.	7	7
Установлены стационарные камеры фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения на автомобильных дорогах федерального, регионального или межмуниципального, местного значения, ед.	273	273
Расселен непригодный для проживания жилищный фонд, тыс. м^2	108,54	108,54

Источник: Отчет о результатах деятельности Правительства Приморского края за 2025 год.

2. Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края. Ответственный исполнитель программы – Министерство экономического развития Приморского края. Цели программы [3]: обеспечение устойчивой позитивной динамики показателей экономического роста, рост индекса физического объема ВРП на уровне не ниже среднероссийского, обеспечение в 2024–2030 гг. реального роста дохода на одного работника субъекта малого и среднего предпринимательства в 1,2 раза выше, чем рост валового внутреннего продукта, создание оптимальных условий для обеспечения долгосрочной сбалансированности и устойчивости краевого бюджета и бюджетов муниципальных образований Приморского края, формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности Приморского края, обеспечивающей переход экономики к инновационному типу развития;

Результаты программы за 2025 г. [3]: в рамках регионального проекта «Производительность труда» на предприятиях-участниках под региональным управлением реализовано 18 проектов бережливого производства; привлечено более 20,5 млрд руб. инвестиций по проектам, сопровождаемым Инвестиционным агентством Приморского края; субъектам малого и среднего предпринимательства выдано 402 микрозайма на общую сумму 1,2 млрд руб.; выдано 387 поручительств на общую сумму 1,56 млрд руб., что позволило привлечь кредитные ресурсы на развитие бизнеса в объеме 6,8 млрд руб.

Не выполнено мероприятие «Поощрение муниципальных образований за внедрение Стандарта деятельности органов местного самоуправления Приморского края по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в Приморском крае» (перенесено на 2026 г.). Наиболее значимые показатели, которые влияют на достижение целей программы и степень достижения некоторых показателей, представлены в табл. 6 [3].

Таблица 6

Значимые показатели выполнения программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края»

Наименование показателей	Значения показателей		Степень достижения планового значения на 2025 г., %
	План	Факт	
Достигнуты			
Доля предприятий, достигших ежегодного 5-процентного прироста производительности труда на предприятиях-участниках, внедряющих мероприятия по повышению производительности труда под федеральным и региональным управлением, %	50,0	59,2	100,0
Количество населенных пунктов – центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, в которых улучшена социальная инфраструктура с нарастающим итогом, ед.	10	12	100,0
Доля субъектов МСП, превысивших предельные значения для определения категорий субъектов МСП (микро-, малые, средние), %	0,6	2,2	100,0
Доля населения Приморского края, вовлеченного в бюджетный процесс, %	5,0	12,3	100,0
Выполнение плана по доходам от использования имущества, находящегося в собственности Приморского края, %	100,0	101,9	100,0
Количество объектов недвижимости, по которым внесены сведения в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) в результате проведения комплексных кадастровых работ, ед.	1500	2698	100,0
Индекс промышленного производства по полному кругу производителей к предыдущему году	107,4	108,6	100,0
Доля беспилотных авиационных систем регионального производства в общем объеме государственных закупок беспилотных авиационных систем, %	25,0	100,0	94,5
Достигнуты не в полном объеме			
Количество подготовленных управленческих кадров в рамках реализации Государственного плана подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства по всем типам образовательных программ, чел.	20	19	95,0
Не достигнуты			
Доля субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих розничную и (или) оптовую продажу товаров, получивших субсидию на возмещение затрат (транспортных расходов) в связи с доставкой продовольственных товаров первой необходимости в местности Приморского края, приравненные к районам Крайнего Севера, и подписавших декларацию о намерениях по проектам «Доступное Приморье» и (или) «Держим цены» в общем количестве субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих розничную и (или) оптовую продажу товаров, получивших субсидию на возмещение затрат (транспортных расходов) в связи с доставкой продовольственных товаров первой необходимости в местности Приморского края, приравненные к районам Крайнего Севера, %	100,0	0,0	0,0

Источник: Годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2025 год.

Снижение эффективности программы связано с невыполнением мероприятий по предоставлению государственной поддержки субъектам малого и среднего бизнеса, занимающимся розничной и оптовой торговлей в местностях Приморского края, приравненных к районам Крайнего Севера (Кавалеровский, Красноармейский, Дальнегорский, Ольгинский и Тернейский округа). Невыполнение мероприятий связано с введением данной меры поддержки и изменением нормативно-правовой базы в конце 2025 г. [12]. Объективно оценивать данную меру поддержки станет возможным по итогам 2026 г.

Для наглядности экономического состояния региона в целом рассмотрим показатель физического объема валового регионального продукта Приморского края, который представлен в табл. 7 [11].

Таблица 7

Физический объем ВРП Приморья, млрд руб.

Физический объем ВРП		
2023	2024	2025
1860,00	1900,00	2300,00

Источник: Отчет о результатах деятельности Правительства Приморского края за 2025 год.

В Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 г. в направлении развития предпринимательства, малого и среднего бизнеса поставлена цель повышения доли занятых в малом и среднем бизнесе при приросте оборота и росте удельного веса инновационных товаров, услуг и работ. Эффективность мер по усилению предпринимательской деятельности, очевидно, дает свои результаты в виде выполненных целевых показателей. Результативность краевой программы также отражена и в динамике роста объема валового регионального продукта. В то же время следует развивать экономику районов Приморского края. Одним из таких инструментов, например, является ТОР, показывающий положительный результат, но также нуждающийся в усовершенствовании отбора проектов с целью увеличения доли резидентов, выполнивших свои обязательства. По Национальному проекту «Эффективная и конкурентная экономика» ключевые достижения и основные мероприятия за 2025 г. представлены в табл. 8 [11].

Таблица 8

Результаты Национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика»

Достижения и мероприятия	Значения показателей	
	План	Факт
Уровень удовлетворенности потенциальных и действующих субъектов МСП, осуществляющих деятельность в промышленных (индустриальных) парках, техно-парках, бизнес-парках, а также получивших услуги иных организаций инфраструктуры поддержки субъектов МСП, %	60	99,97

Окончание табл. 8

Достижения и мероприятия	Значения показателей	
	План	Факт
Доля предприятий, достигших ежегодного пятипроцентного прироста производительности труда на предприятиях-участниках, внедряющих мероприятия по повышению производительности труда под федеральным и региональным управлением, %	50	59,15
Субъектам малого и среднего предпринимательства обеспечен льготный доступ к заемным средствам государственных микрофинансовых организаций, млн руб.	410,1	1226,86
Субъектам малого и среднего предпринимательства обеспечено привлечение финансирования за счет поручительств (независимых гарантий) фондов содействия кредитованию (гарантийных фондов, фондов поручительств), млрд руб.	4,89	6,96
Субъектам малого и среднего предпринимательства и гражданам, желающим вести бизнес, обеспечено оказание услуг и мер поддержки организациями инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, тыс. ед.	2,06	4,616
Вовлечены предприятия базовых несырьевых отраслей экономики для реализации проектов по повышению производительности труда, ед.	126	128
Реализованы проекты по повышению производительности труда по направлению «Бережливое производство» с помощью созданной региональной инфраструктуры обеспечения повышения производительности труда на предприятиях-участниках федерального проекта, ед.	18	18

Источник: Отчет о результатах деятельности Правительства Приморского края за 2025 год.

3. Энергоэффективность, развитие газоснабжения и энергетики в Приморском крае. Ответственный исполнитель программы – Министерство жилищно-коммунального хозяйства Приморского края. Цели программы [3]: газификация Приморского края, направленная на рост потребления природного газа в объеме до 5 970 000,00 тыс. $м^3$/год к 2027 г., развитие сетевой инфраструктуры и генерирующих мощностей для обеспечения надежного и бесперебойного энергоснабжения потребителей Приморского края в объеме 19 642 млн кВт•ч к 2030 г., реализация программы модернизации коммунальной инфраструктуры и улучшения качества предоставления коммунальных услуг населению к 2030 г.

По итогам реализации государственной программы в 2025 г. можно выделить наиболее значимые результаты [3]: в рамках федерального проекта «Модернизация коммунальной инфраструктуры» выполнен капитальный ремонт одного сооружения галереи котельной, 8 участков сетей теплоснабжения протяженностью 1,8 и 3,2 км канализационных сетей, введена в эксплуатацию котельная в с. Новопокровка Красноармейского муниципального округа, работающая на биотопливе, завершено техническое присоединение котельной в с. Воздвиженка Уссурийского городского округа к сетям газоснабжения, разработана схема газоснабжения Дальнереченского

городского округа, разработана схема электроснабжения круглогодичного курорта «Пять морей и озеро Байкал» Хасанского муниципального округа.

По результатам реализации государственной программы не выполнены два мероприятия по строительству центров питания в г. Находке по ул. Советской и в районе ул. Пляжной. Срок завершения работ перенесен на 2026 г. Наиболее значимые показатели, которые влияют на достижение целей программы и степень достижения некоторых показателей, представлены в табл. 9 [3].

Таблица 9

Значимые показатели выполнения программы «Энергоэффективность, развитие газоснабжения и энергетики в Приморском крае»

Наименование показателей	Значения показателей		Степень достижения планового значения на 2025 г., %
	План	Факт	
Достигнуты			
Увеличение численности населения, для которого улучшится качество коммунальных услуг, тыс. чел.	16,9	19,7	100,0
Снижение аварийности коммунальной инфраструктуры, %	7,5	7,7	100,0
Среднее время подключения потребителей (до 150 кВт) к сетям электроснабжения, сут	44,0	41,9	100,0
Достигнуты не в полном объеме			
Потребление электрической энергии в энергосистеме Приморского края; в млн кВт ч	15 889	15 491	97,5
Объем потребления природного газа в год, млрд $м^3$	5,9	1,7	28,0

Источник: Годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2025 год.

В соответствии со Стратегией в 2025 г. была достигнута цель: максимизация экономически оправданной эффективности использования ТЭР при существующем уровне развития техники и технологии и соблюдении требований к охране окружающей среды. Достигнуты также плановые показатели по реализации цели по обеспечению потребителей региона доступной энергетической и коммунальной инфраструктурой, в том числе проектов, направленных на повышение конкурентных преимуществ региона и опережающее развитие. Результаты табл. 9 показывают несовершенство некоторых мер, направленных на выполнение программы. Так, потребление электрической энергии в энергосистеме Приморского края и объем потребления природного газа в год не соответствуют плановым значениям. Недостаточно развитая инфраструктура в крае однозначно влияет на эти показатели. Решением может стать планируемое строительство АЭС в Приморье, а также дальнейшая газификация.

Важной проблемой остается слабая развитость отдаленных районов Приморского края, которым явно нужно уделять больше внимания при оценке эффективности программ. В аспекте исследуемой темы нельзя не отметить национальные проекты, которые направлены на улучшение качества жизни граждан, укрепление страны и технологического суверенитета. С 2025 г. были запущены новые Национальные

проекты: «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры», «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [13].

Всего действует 20 проектов, а в соответствии с ними реализуются 43 региональных проекта в Приморском крае (по состоянию на май 2026 г.) [14]. Данный механизм также является неотъемлемой частью развития Приморского края и России.

Если рассматривать стратегические приоритеты усиления исследуемого региона, то следует выделить некоторые сферы: развитие рыбоперерабатывающей отрасли, судостроительного и судоремонтного комплекса, модернизация инфраструктуры, развитие портов и терминалов, развитие проектов через территории опережающего развития и свободный порт Владивосток, развитие въездного и внутреннего туризма, поддержка коренных малочисленных народов, повышение качества жизни, международное экономическое сотрудничество со странами АТР.

Повышение уровня и качества жизни приморцев будет достигаться последовательным выполнением мер по реализации целей и задач Стратегии по следующим направлениям деятельности: развитие систем здравоохранения, образования, совершенствование работы с молодежью, развитие жилищной сферы и повышение обеспеченности качественным жильем, повышение доходов населения, развитие рынка труда, обеспечение занятости, развитие мер социальной защиты и развитие культурной сферы [2].

Таким образом, основной задачей Стратегии выступает создание благоприятных условий для жизни, работы, обучения и предпринимательства в Приморском крае, обеспечивающих стабильную привлекательность Приморского края для населения всей нашей страны. Это означает, что приоритетами долгосрочного развития социально-экономической сферы Приморья являются: создание условий для развития трудового потенциала и прекращения миграционного оттока, обеспечение расширения профиля деятельности и конкурентной специализации экономики, усиление взаимодействия с остальными регионами Дальнего Востока и стабильное развитие пространства и инфраструктуры.

В исследовании предоставлены данные, отражающие и подтверждающие эффективность и актуальность программного механизма. Все мероприятия и достижения показывают результативность действий, выполняемых ответственными исполнителями программ и проектов, а также Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 г. В перспективе программный механизм будет совершенствоваться в соответствии с нуждами граждан и социально-экономическим состоянием Приморского края и РФ. Вследствие этого можно сделать вывод о неизменной актуальности данного механизма.

Заключение

Программный механизм государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае является незаменимым инструментом для улучшения исследуемой сферы. Проведен анализ эффективности региональных программ, который отражает действенность мер, направленных на достижение целевых показателей. Согласно принципам программно-целевого бюджетирования анализ эффективности является ключевой целью в оценке реализации государственных программ, поскольку позволяет судить о результативности реализации государственной программы и предоставляет более полную и взвешенную информацию относительно целесообразности ее реализации [15].

Анализ проведенного исследования основан на отчетных данных, которые могут не в полной мере отражать реальную эффективность. Социально-экономическое развитие края зависит от реализации проанализированных программ. В статье пред-

ставлен анализ эффективно и неэффективно реализуемых программ. Несмотря на обилие выделяемых средств на реализацию программ, некоторые мероприятия частично или полностью не выполнены. Это говорит о недостаточно грамотно выстроенной работе по достижению целевых показателей. Стоит обратить внимание на проблематичность определенных сфер в целом. Например, отрасли жилищно-коммунального хозяйства и строительства для быстрого развития нуждаются в больших вложениях ресурсов в виде квалифицированных кадров, в налаженных поставках качественных строительных материалов, инфраструктуре.

В результате исследования достигнута цель: проанализирован программный механизм государственного управления социально-экономическими процессами в Приморском крае. Достигнуты задачи: проведен SWOT-анализ Приморского края, описаны направления социально-экономического развития Приморского края, проанализированы региональные программы, их эффективность и результаты, рассмотрены национальные и региональные проекты. Стоит отметить результативность программного механизма, несмотря на непостоянство выполнения плановых мероприятий, а также реализацию программ в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Приморского края до 2030 г. Комплексность взаимодействия данных инструментов показывает положительную динамику развития. Действенность заключается в доступности и понятности для населения, что является, безусловно, важным фактором, так как граждане – это основные получатели благ и результатов программ и проектов. Таким образом, комплексность программного механизма в динамике показывает положительные результаты; данный инструмент является эффективным, его актуальность и продолжение можно прогнозировать по окончании действующих Стратегии, программ и проектов.

Список источников

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18458 (дата обращения: 03.07.2026).
2. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года: Постановление Администрации Приморского края от 28.12.2018 № 668-па (с изменениями на 2 декабря 2025 года) // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/550322279 (дата обращения: 03.07.2026).
3. Годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Приморского края за 2025 год // Правительство Приморского края. URL: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/godovye-otchety-ob-ispolnenii-gosudarstvennykh-programm-primorskogo-kraya/2020-2027-god/ (дата обращения: 03.07.2026).
4. Кириенко О. Э., Возняк Л. Н. Подходы к оценке эффективности государственных программ // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 4. С. 3–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-otsenke-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm/viewer (дата обращения: 03.07.2026).
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 03.07.2026).
6. Методика оценки эффективности реализации государственных программ РФ. URL: http://static.government.ru/media/files/1s8CTNUwA3ZkAeIv9NBcrh0DHw6SSfnw.pdf (дата обращения: 03.07.2026).
7. О порядке разработки, реализации и проведения оценки эффективности реализации государственных программ Приморского края: Постановление Правительства Приморского

края от 20.04.2022 № 256-пп (ред. от 23.07.2025) // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/406017360?marker=64U0IK (дата обращения: 03.07.2026).
8. Рымбеков С. Е., Логинов М. П. Методы оценки эффективности региональных программ // Central Asian Economic Review. 2021. № 2(137). P. 141–148. URL: https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-2-141-148 (дата обращения: 03.07.2026).
9. Reassessing China's Regional Modernization Based on a Grey-Based Evaluation Framework and Spatial Disparity Analysis / W. Zhou, H. Lin, Z. Zhang, S. Lin // Entropy. 2026. Vol. 28, Iss. 1. URL: https://www.mdpi.com/1099-4300/28/1/117 (дата обращения: 03.07.2026).
10. Performance budgeting // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/topics/performance-budgeting.html (дата обращения: 03.07.2026).
11. Отчет о результатах деятельности Правительства Приморского края за 2025 год: [сайт]. URL: https://monitoring.zspk.gov.ru (дата обращения: 01.07.2026).
12. Более 800 торговых объектов в Приморье участвуют в социальных программах // Законодательное Собрание Приморского края. URL: https://www.zspk.gov.ru/press-service/press-relizy/613579/ (дата обращения: 03.07.2026).
13. Движение вперед: какие национальные проекты запускаются в 2025 году // Национальные проекты России. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/dvizhenie-vpered-kakie-natsionalnye-proekty-zapuskayutsya-v-2025-godu/#:~:text=%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%8C%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80,%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%82%20%D1%83%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%B6%D0%B0%D0%B9%D1%88%D0%B5%D0%B5%20%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F (дата обращения: 03.07.2026).
14. Национальные проекты // Правительство Приморского края. URL: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/departament-proektov/novye-natsionalnye-proekty/index.php (дата обращения: 03.07.2026).
15. Колоколова А. О. Анализ методов оценки государственных целевых программ РФ // Administrative Consulting. 2021. Vol. 4, Iss. 2. С. 15–21.

References

1. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309. *President of Russia*. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18458 (accessed date: 03.07.2026).
2. On approval of the strategy for the socio-economic development of Primorsky Krai until 2030: Resolution of the Primorsky Krai Administration of December 28, 2018 № 668-pa (as amended on December 2, 2025). *Kodeks.* URL: https://docs.cntd.ru/document/550322279 (accessed date: 03.07.2026).
3. Annual report on the implementation of and assessment of the effectiveness of state programs of Primorsky Krai for 2025. *Government of Primorsky Krai*. URL: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/godovye-otchety-ob-ispolnenii-gosudarstvennykh-programm-primorskogo-kraya/2020-2027-god/ (accessed date: 03.07.2026).
4. Kiriyenko O. E., Voznyak L. N. Approaches to assessing the effectiveness of government programs. *Natural-Humanitarian Studies*. 2024; (4): 3–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-otsenke-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm/viewer (accessed date: 03.07.2026).
5. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law No. 145-FZ dated July 31, 1998 (as amended on June 26, 2026) (with amendments and additions entering into force on July 1, 2026). *ConsultantPlus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/71-ca40dc63d9a84157b4afc7189f705a813d8a56/ (accessed date: 03.07.2026).

6. Methodology for Assessing the Effectiveness of Implementing State Programs of the Russian Federation. *Government of the Russian Federation*. URL: http://static.government.ru/-media/files/1s8CTNUwA3ZkAeIv9NBcrh0DHw6SSfnw.pdf (accessed date: 03.07.2026).
7. On the procedure for developing, implementing and assessing the effectiveness of implementing state programs of Primorsky Krai: Resolution of the Government of Primorsky Krai of 20.04.2022 № 256-pp (as amended on 23.07.2025). *Kodeks*. URL: https://docs.cntd.ru/document/406017360?marker=64U0IK (accessed date: 03.07.2026).
8. Rymbekov S. E., Loginov M. P. Methods for assessing the effectiveness of regional programs. *Central Asian Economic Review*. 2021; 2(137): 141–148. URL: https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-2-141-148 (accessed date: 03.07.2026).
9. Reassessing China's Regional Modernization Based on a Grey-Based Evaluation Framework and Spatial Disparity Analysis / W. Zhou, H. Lin, Z. Zhang, S. Lin. *Entropy*. 2026; 28(1). URL: https://www.mdpi.com/1099-4300/28/1/117 (accessed date: 03.07.2026).
10. Performance-based budgeting. *OECD*. URL: https://www.oecd.org/en/topics/Performance-budgeting.html (accessed date: 03.07.2026).
11. Report on the results of the activities of the Government of the Primorsky Territory for 2025: [website]. URL: https://monitoring.zspk.gov.ru (accessed: 01.07.2026).
12. More than 800 retail facilities in Primorye participate in social programs. *Legislative Assembly of Primorsky Krai*. URL: https://www.zspk.gov.ru/press-service/press-relizy/613579/ (accessed date: 03.07.2026).
13. New national projects that will determine Russia's development in the coming years will begin in 2025. *National Projects of Russia*. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/dvizhenie-vpered-kakie-natsionalnye-proekty-zapuskayutsya-v-2025-godu/#:~:text=%D0%9F%D0%B5%D1%-80%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%8C%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80,%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%82%20%D1%83%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%B6%D0%B0%D0%B9%D1%88%D0%B5%D0%B5%20%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F (accessed date: 03.07.2026).
14. National projects. *Government of Primorsky Krai*. URL: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/departament-proektov/novye-natsionalnye-proekty/index.php (accessed date: 03.07.2026).
15. Kolokolova A. O. Analysis of methods for assessing state target programs of the Russian Federation. *Administrative Consulting*. 2021; 4(2): 15–21.

Информация об авторах:

Сапфирова Мария Владимировна, выпускница ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, msapphire79@gmail.com

Рахманова Марина Сергеевна, канд. экон. наук, доцент Института международного бизнеса, экономики и управления, руководитель центра научных исследований, проектов и программ, Marina.Rakhmanova@vvsu.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/080-098
EDN: https://elibrary.ru/LHLTMU

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
27.04.2026	28.05.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 99–109
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 99–109

Научная статья
УДК 378.4
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/099-109
EDN: https://elibrary.ru/LIUMPH

STEAM-образование как механизм преодоления рисков влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс

Шурыгина Ольга Алексеевна

Бадеева Елена Яковлевна

Российская таможенная академия, Владивостокский филиал
Владивосток. Россия

Аннотация. *Рассматривается инновационный подход, объединяющий науку (Science), технологии (Technology), инженерию (Engineering), математику (Mathematics) и художественный компонент (Art) в единую систему обучения – STEAM-образование, целью которого является формирование и развитие у обучающихся аналитических и творческих качеств, которые в будущем будут определять конкурентоспособность личности на рынке труда. Необходимость преодоления рисков внедрения ИИ в образование посредством STEAM-методов обусловливает актуальность изучения данной темы. Цель статьи заключается в расширении научного знания о методах STEAM-образования, которые могут компенсировать возможные негативные последствия воздействия ИИ на образовательный процесс на примере обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Научная новизна исследования заключается в актуализации применения методов STEAM-образования к обучению иностранным языкам в условиях внедрения ИИ. Использованы такие методы исследования, как анализ научных трудов отечественных и зарубежных ученых, систематизация полученных данных. Структурирование информации осуществлено методами сравнительного анализа и классификации. Анализ фактологического материала показал, что STEAM-образование способно эффективно минимизировать риски, связанные с влиянием ИИ на учебный процесс, а также может выступить в виде универсального инструмента, позволяющего организовать подготовку высококвалифицированных специалистов, способных качественно выполнять поставленные перед ними задачи. Были определены ключевые риски использования ИИ и методы STEAM-образования, способные компенсировать возможные негативные последствия воздействия ИИ на образовательный процесс на примере обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Отмечено, что в перспективе развития ИИ роль преподавателя будет оставаться ключевой. Прогнозируется дальнейший рост использования ИИ в образовательном процессе.*

Ключевые слова**:** *STEAM-образование, искусственный интеллект, обучение иностранному языку, проектное обучение, обучение через исследование, инженерное проектирование, проблемно-ориентированное обучение, контекстное обучение, командная работа*

© Шурыгина О. А., 2026
© Бадеева Е. Я., 2026

Для цитирования: *Шурыгина О. А., Бадеева Е. Я. STEAM-образование как механизм преодоления рисков влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 99–109. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/099-109. EDN: https://elibrary.ru/LIUMPH*

Pedagogy

Original article

STEAM-education as a mechanism for overcoming risks of artificial intelligence influence on the educational process

Olga A. Shurygina
Elena Ya. Badeeva

Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy
Vladivostok. Russia

Abstract. *The article considers an innovative approach that combines science, technology, engineering, mathematics, and art into a single learning system – STEAM-education, which aims to form and develop students' mental, cognitive, and creative qualities that will be used in the future. to determine the competitiveness of an individual in the labor market. The need to overcome the risks of introducing AI into education through STEAM-methods in the process of teaching foreign languages determines the relevance of studying this topic. The purpose of the article is to expand scientific knowledge about STEAM-education methods that can compensate for the possible negative effects of AI on the educational process using the example of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. The scientific innovation lies in the actualization of the application of STEAM-education methods to teaching foreign languages in the context of the introduction of AI. Such research methods as the analysis of scientific works of domestic and foreign scientists, as well as the systematization of the data obtained were used. Information structuring is carried out by methods of comparative analysis and classification. The analysis of the factual material has shown that STEAM-education is able to minimize the risks associated with the influence of AI on the educational process effectively, and can also act as a universal tool that allows to organize the training of highly qualified specialists who are able to perform their tasks efficiently. The key risks of using AI have been identified, each of which corresponds to a specific method of STEAM-education. In the future of AI development, a teacher will have a key role. Further growth of AI in the educational process is predicted.*

Keywords**:** *STEAM-education, artificial intelligence, foreign language teaching, Project-Based Learning, Inquiry-Based Learning, Engineering Design Process, Problem-Based Learning, Contextual Learning, Collaborative Learning*

For citation*: Shurygina O. A., Badeeva E. Ya. STEAM-education as a mechanism for overcoming risks of artificial intelligence influence on the educational process // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 99–109. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/099-109. EDN: https://elibrary.ru/LIUMPH*

Введение

Интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образование является важным направлением педагогических трансформаций XXI в. С одной стороны, ИИ может персонализировать обучение, предоставляя адаптивные рекомендации и роль виртуального наставника, но с другой – порождает много серьезных угроз и вызовов в обучении. Поэтому так важно начать поиск сбалансированных подходов, которые позволили бы использовать преимущества ИИ, сохраняя при этом гуманистическую направленность обучения и развитие уникальных способностей личности.

Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что на современном этапе информатизации образования в первую очередь внимание уделяется именно общетеоретическим дисциплинам, поскольку без фундаментального образования, овладения системным знанием и формирования целостной естественнонаучной и информационной картины мира подготовка современного, способного к обучению в течение всей жизни, специалиста невозможна.

Инновационный подход, объединяющий науку (Science), технологии (Technology), инженерию (Engineering) и математику (Mathematics) в единую систему обучения, называется STEM-образованием. Трансформация образовательной модели STEM в STEAM, предполагающая интеграцию художественного компонента (Art), исторически связана с деятельностью Джона Маэды, президента Школы дизайна Род-Айленда [1]. Занимая данную должность с 2008 г., Маэда обосновывал стратегическую значимость искусства в контексте формирования «креативной экономики» XXI в. [2]. Согласно его концепции, творческая составляющая выступает ключевым фактором конкурентоспособности инновационных продуктов, что иллюстрируется успешной практикой компании Apple, демонстрирующей синергию передовых технологий и дизайнерских решений. Введение аббревиатуры STEAM отражает эволюцию запросов рынка труда: в инженерно-технических отраслях наблюдается устойчивая тенденция роста потребности в специалистах, обладающих развитым креативным мышлением и междисциплинарными компетенциями (в области дизайна, гуманитарных наук). Концептуальное различие подходов заключается в следующем: если парадигма STEM акцентирует внимание на фундаментальном научном познании, то модель STEAM предполагает интеграцию естественнонаучных, инженерных и математических дисциплин в контексте творческого проектного процесса, направленного на создание инновационных продуктов.

Целью STEAM-образования является формирование и развитие у обучающихся аналитических и творческих качеств, которые в будущем будут определять конкурентоспособность личности на рынке труда. Известно, что STEAM-образование ориентировано на изучение перспективных прикладных исследований, среди которых важнейшими являются: экономическая безопасность, экологические и инженерные технологии, генерирование технологических решений в области оборонно-промышленного комплекса и др. Необходимость преодоления рисков внедрения ИИ в образование посредством STEAM-методов в процессе обучения иностранным языкам студентов неязыковых специальностей обусловливает *актуальность* изучения данной темы.

Основная *цель исследования* заключается в расширении научного знания о методах STEAM-образования, которые могут компенсировать возможные негативные последствия воздействия ИИ на образовательный процесс на примере обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей.

Научная новизна исследования заключается в актуализации применения методов STEAM-образования к обучению иностранным языкам в условиях внедрения ИИ.

Материалы и методы. В работе использованы такие методы исследования, как анализ научных трудов отечественных и зарубежных ученых, а также систематизация полученных данных. Несмотря на популярность STEAM-образования в развитых странах, единого определения данного понятия на сегодняшний день не существует. Структурирование информации осуществлено методами сравнительного анализа и классификации.

Основная часть

В Российской Федерации нормативно-правовое и методическое обеспечение осуществляется на основе национального проекта «Наука и университеты» (до 2030 г.) и Распоряжения Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития РФ до 2030 года», определяющего образование как ключевой фактор достижения технологического суверенитета, рекомендующего использование интегрированных подходов, включая STEAM. Следует отметить, что термин «STEAM-образование» не закреплен на федеральном уровне, тем не менее содержание профессиональных стандартов, принципы и подходы полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к специалистам, владеющим STEAM-компетенциями.

Проблема воздействия ИИ на образование приобретает актуальность в связи с вызовами современного информационного общества. Различные аспекты внедрения STEM- и STEAM-технологий в учебных заведениях и проблема подготовки будущих специалистов в определенной степени уже рассматривались в отечественной и зарубежной научной литературе, например в работах В.Н. Чемекова [3], Т.В. Сибгатуллиной [4], А.А. Щеглова [5, 6], Ф.М. Сабировой [7], И.С. Лисицына [8], А.О. Репина [9], М.Г. Корецкого [10], Е.Е. Абросимовой [11], W.C. Choi [12], A. Portillo-Blanco [13] и др.

Отечественные и зарубежные исследователи (Н.В. Акимова [14], Р.Р. Гасанова [15], Г.И. Давыдова [16], В.Г. Мазур [17], W. Holmes [18], O. Zawacki-Richter [19] и др.) системно анализируют применение ИИ в образовании, выделяют как положительные (персонализированное обучение, эффективная автоматизация рутинных задач, адаптивные образовательные системы), так и негативные факторы / критические риски, среди которых:

Дегуманизация. Ученые подчеркивают, что внедрение ИИ тесно связано со снижением качества образования из-за стандартизации знаний, с потерей живого контакта между участниками образовательного процесса, невозможностью получить эмоциональную поддержку и развивать коммуникативные навыки, со снижением мотивации к обучению, а также с социальной изоляцией обучающихся. Несмотря на все потенциальные возможности, ИИ следует использовать как помощника педагога, а основная роль в процессе обучения должна оставаться за преподавателем-ментором.

Плагиат. Использование генеративных моделей для выполнения заданий и тестов способствует воспроизведению ответов без глубокого анализа и осмысления содержания, созданию работ без авторского вклада. Обучающиеся используют ИИ, не понимая самой сути изучаемого материала. Это осложняет процесс контроля и оценивания студенческих работ. Таким образом, возникает проблема соблюдения этических норм и мониторинга учебных результатов.

Отсутствие креативности и критического мышления. Использование готовых ответов, генерируемых ИИ, снижает мотивацию обучающихся к самостоятельному анализу и поиску решений. Студенты, привыкшие полагаться на ИИ, демонстрируют снижение познавательной активности: они реже ставят под сомнение полученную информацию, менее охотно формулируют проблемные вопросы или предлагают нестандартные подходы. Со временем это негативно скажется на способности к глубокому анализу, самоанализу и критической оценке изучаемого материала.

Недостоверная информация, ошибки. Образовательные инструменты на базе ИИ не гарантируют достоверности предоставляемой информации. Эксперты отмечают, что алгоритмы могут допускать фактические ошибки, некорректно интерпре-

тировать запросы пользователей или формировать учебные материалы на основе устаревших данных. Это создает риск распространения неточных знаний и требует от обучающихся и педагогов дополнительной проверки источников.

Смещение акцента на результат, а не на сам процесс обучения, что ведет к проблеме усвоения знаний, формирования компетенций, развития исследовательских навыков у обучающихся. В то же время отечественные и зарубежные ученые считают STEAM-образование прогрессивным подходом в современной педагогике. Исследователи акцентируют свое внимание на интегрированности STEAM-образования, сочетающей естественнонаучные, технологические, инженерные и математические дисциплины через междисциплинарные проекты, которые обеспечивают контекстуализированное обучение. Ключевыми методами STEAM-образования, стимулирующими развитие критического мышления, творческих навыков и практических умений, называют:

Проектное обучение (Project-Based Learning, PBL) – метод, при котором обучающиеся приобретают знания и навыки, работая в течение длительного времени над реальной, значимой проблемой, создают конечный продукт. Центром обучения становится студент, который учится самостоятельно, проявляет инициативу, развивает креативность, командную работу и критическое мышление.

Обучение через исследование (Inquiry-Based Learning, IBL) – метод, при котором студенты самостоятельно формулируют вопросы, проводят эксперименты, анализируют данные и делают выводы. В контексте STEAM-подхода исследовательская деятельность реализуется через лабораторные эксперименты, полевые изыскания, анализ открытых данных и иные практические формы. Данный метод способствует формированию навыков критического мышления и анализа, поскольку предполагает самостоятельную верификацию информации обучающимися путем сопоставления теоретических сведений с эмпирическими результатами.

Инженерное проектирование (Engineering Design Process). Специфика инженерного компонента STEAM-методики заключается в итеративном процессе решения задач (проблема → исследование → идея → прототип → тест → улучшение), что формирует системное и практическое мышление. Параллельно реализуется социальный аспект обучения: групповая разработка прототипов и конструкций служит эффективным инструментом коммуникации, снижая уровень изоляции и способствуя развитию «мягких навыков» (soft skills).

Проблемно-ориентированное обучение (Problem-Based Learning) – метод, при котором перед тем, как обучающиеся приступят к изучению теории, получают для ознакомления реальную проблему / кейс для решения. Ключевой характеристикой метода является трансформация роли преподавателя: из транслятора знаний он превращается в фасилитатора (наставника). Проблемно-ориентированное обучение стимулирует генерацию новых идей и способов их реализации.

Контекстное (практико-ориентированное) обучение (Contextual learning). Концептуальная основа контекстного обучения предполагает интеграцию теоретического освоения материала и его практической реализации. Реализация данного метода осуществляется через поэтапное моделирование профессиональной деятельности в различных форматах учебной работы. В ходе этого процесса учебная активность обучающегося трансформируется в профессиональную, что сопровождается замещением исходных параметров (потребностей, мотивов, целей, действий, средств и результатов) на профессионально-ориентированные [20, с. 37, 38]. Приоритетной задачей выступает формирование готовности студентов к компетентному выполнению профессиональных функций.

Командная работа (Collaborative Learning), предусматривающая групповую деятельность. Обучающиеся работают в командах, совместно обсуждают проблемы, распределяют роли. Такая форма организации восстанавливает социальное взаимодействие, совершенствует коммуникативные навыки и формирует умение работать в коллективе.

В таблице 1 представлены ключевые риски влияния ИИ на образовательный процесс и определены компенсирующие их методы STEAM-образования с указанием механизмов преодоления и специфики применения в курсе обучения иностранным языкам студентов неязыковых специальностей.

Таблица 1

Риски влияния ИИ на образовательный процесс и способы их минимизации с помощью STEAM-методов

Риски влияния ИИ на образовательный процесс	Метод STEAM-образования	Механизм преодоления рисков влияния ИИ на образовательный процесс	Специфика применения STEAM-методов в языковом обучении
Дегуманизация	Командная работа (Collaborative Learning). Контекстное (практико-ориентированное) обучение (Contextual learning)	Групповые проекты и живое обсуждение стимулируют социальное взаимодействие и развитие навыков коммуникации	В рамках командной работы обучающиеся совместно обсуждают, создают и оценивают учебные задания на иностранном языке, развивая коммуникативные навыки и социальное взаимодействие. Контекстное обучение моделирует профессиональные ситуации, в которых язык используется как инструмент решения прикладных задач – от анализа документации до апробации решений. Интеграция этих подходов формирует иноязычную коммуникативную компетенцию, релевантную будущей профессии, и компенсирует риски дегуманизации и отрыва обучения от практики
Плагиат	Проектное обучение (Project-Based learning, PBL)	Проектное обучение не исключает возможности копирования или генерации текста при помощи ИИ. Однако реализация авторских проектов формирует у обучающихся ответственность и делает использование плагиата бессмысленным и неэффективным, поскольку преподавателем оценивается не только итоговый вариант, но и промежуточные версии (черновики, примеры, пошаговый план и т.п.).	Работа над проектом осуществляется в несколько этапов и обычно выходит за рамки учебной деятельности. В самом начале выбирается тема и проблема проекта, далее формируются группы исполнителей, занимающихся разработкой плана работы, распределением задач между членами группы и определением сроков выполнения планируемого. Кроме того, в группе обсуждается выполнение задач, оформление результатов, отчет по проекту, а также оценка его выполнения. Работа по этой методике требует высокой степени самостоятельности студентов, координации действий, поисковой деятельности, активного исследовательского, исполнительного и коммуникативного взаимодействия.

Продолжение табл. 1

Риски влияния ИИ на образовательный процесс	Метод STEAM-образования	Механизм преодоления рисков влияния ИИ на образовательный процесс	Специфика применения STEAM-методов в языковом обучении
		Объясняя логику выбора методов, того или иного решения, студент работает с различными источниками, отвечает на вопросы преподавателя. В случае использования готовых материалов или плагиата у обучающегося не формируется глубинное понимание темы, что закономерно выявляется в ходе устной защиты, когда студент не способен аргументированно обосновать принятые решения	В процессе работы над проектом студенты овладевают разными навыками и умениями коммуникативной деятельности, учатся работать с текстами, определять основную идею, искать нужную информацию в иноязычном тексте, а также обобщать и анализировать. Кроме того, в ходе такой работы происходит творческий процесс генерации идей, непосредственное общение студентов друг с другом и с преподавателем на иностранном языке [21]. Обучающиеся работают над конкретным проектом, например создают рекламный видеоролик или мультимедийную презентацию на иностранном языке
Отсутствие креативности и критического мышления	Проблемно-ориентированное обучение (Problem-Based Learning)	Обучающиеся решают задачи или кейсы, у которых нет одного верного ответа. Они учатся самостоятельно анализировать информацию, предлагать свои решения и аргументировать выбор. ИИ при этом выступает не как источник готовых ответов, а как помощник для проверки гипотез – такой подход развивает критическое мышление и креативность	Обучающиеся совместно анализируют реальные профессиональные кейсы на иностранном языке, самостоятельно выделяют вопросы, требующие изучения, и ищут информацию в аутентичных источниках для обоснования оптимального решения. Процесс завершается презентацией, что развивает не только языковую компетенцию, но и критическое мышление, креативность и навыки коллаборации. Иностранный язык становится инструментом профессиональной коммуникации и решения практических задач, а не просто объектом изучения
Недостоверная информация, ошибки	Обучение через исследование (Inquiry-Based Learning, IBL)	Вовлечение обучающихся в экспериментальную верификацию данных снижает риски, связанные с недостоверными данными ИИ	Обучающиеся активно исследуют проблемные вопросы, работая с аутентичными источниками на иностранном языке: формулируют гипотезы, верифицируют данные и аргументированно обсуждают результаты. Процесс завершается созданием презентаций, написанием эссе, отчетов, что развивает не только языковую компетенцию, но и критическое мышление, цифровую грамотность, исследовательские навыки. Иностранный язык становится не целью, а инструментом познания

Окончание табл. 1

Риски влияния ИИ на образовательный процесс	Метод STEAM-образования	Механизм преодоления рисков влияния ИИ на образовательный процесс	Специфика применения STEAM-методов в языковом обучении
Смещение акцента на результат, а не на сам процесс обучения	Инженерное проектирование (Engineering Design Process)	Поэтапное оценивание проекта акцентирует внимание на процессе решения задачи, а не только на финальном результате	Обучающиеся проходят полный цикл решения профессиональной задачи на иностранном языке – от формулировки проблемы и исследования до прототипирования, тестирования и итеративного улучшения решения. Процесс сопровождается ведением документации, групповой дискуссией и презентацией результатов, что развивает не только техническую и языковую компетенции, но и системное мышление, устойчивость к неудачам и навыки аргументированной коммуникации. Иностранный язык становится инструментом инженерной деятельности, а не изолированной учебной дисциплиной

Анализ фактологического материала дает основание для утверждения, что, с одной стороны, существуют значительные риски в случае использования ИИ в образовании, а с другой – преимущества: STEAM-методы формируют компетентности, необходимые в современной наукоемкой среде. Их сочетание может обеспечить более широкую основу для инновационного обучения, сохраняя при этом гуманистическую направленность и предотвращая негативные последствия цифровизации образования. Методы STEAM-образования взаимодополняемы.

Интеграция методов STEAM-образования на занятиях по иностранному языку для студентов вузов неязыковых специальностей создает двойной образовательный эффект: с одной стороны, развивается иноязычная коммуникативная компетенция через аутентичный профессиональный контент, с другой – формируются когнитивные и социальные навыки, компенсирующие риски дегуманизации и цифровой изоляции. Проектные, исследовательские и командные форматы проведения занятий превращают изучение языка из инструментальной задачи в пространство для развития компетенций, критического мышления, устойчивого к вызовам ИИ.

Заключение

Таким образом, STEAM-образование выполняет компенсирующую роль, активизируя те когнитивные навыки и ценностные установки обучающихся, которые невозможно заменить технологиями. Это, прежде всего, критическое и творческое мышление, лидерские качества. Анализ фактологического материала показал, что STEAM-образование способно эффективно минимизировать риски, связанные с влиянием ИИ на учебный процесс, а также может выступить в виде универсального инструмента, позволяющего организовать подготовку высококвалифицированных специалистов, способных качественно выполнять поставленные перед ними задачи.

В данной работе были определены ключевые риски использования ИИ, а также методы STEAM-образования, способные минимизировать возможные негативные последствия воздействия ИИ на образовательный процесс на примере обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. ИИ и STEAM-методы создают образовательную модель, где ИИ выступает в качестве инструмента расширения возможностей, а STEAM – базисом развития человека. Отмечено, что даже в перспективе развития ИИ роль преподавателя будет оставаться ключевой.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением и поиском эффективных педагогических методик STEAM-образования и их апробацией в высших учебных заведениях. Прогнозируется дальнейший рост использования ИИ в образовательном процессе.

Список источников

1. Maeda J. STEM + Art = STEAM // The Transdisciplinary STEAM+ Journal. 2013. Vol. 1, Iss. 1. Art. 34. DOI: 10.5642/steam.201301.34. URL: https://scholarship.claremont.-edu/steam/vol1/iss1/34/ (дата обращения: 21.03.2026).
2. Maeda J. STEM to STEAM: Art in K-12 Is Key to Building a Strong Economy // Edutopia: [website]. 2012. URL: https://www.edutopia.org/blog/stem-to-steam-strengthens-economy-john-maeda (дата обращения: 21.03.2026).
3. Чемеков В. Н., Крылов Д. А. Stem – новый подход к инженерному образованию // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 5(20). С. 59–64.
4. Age Heterogeneity of STEM Educators / T. V. Sibgatullina, V. V. Utemov, A. A. Galushkin, N. A. Zaitseva // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2019. Vol. 15, № 7. URL: https://doi.org/10.29333/ejmste/108429 (дата обращения: 21.03.2026).
5. Щеглов А. А., Кролевецкая Е. Н., Томащук Я. Ю. Оппозиция смыслов в образовательной коммуникации: какова роль STEM-лаборатории // Глобальный научный потенциал. 2024. № 3(156). С. 80–85.
6. Щеглов А. А., Кролевецкая Е. Н. Особенности становления STEM-образования в России и постсоветском пространстве: анализ развития, проблем и перспектив // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2025. № 4(76). С. 202–215.
7. Сабирова Ф. М., Анисимова Т. И. Теория и практика реализации STEAM-образования: учеб. пособие. Казань: Редакционно-изд. центр «Школа», 2022. 108 с.
8. Лисицын И. С., Свинаренко В. А. STEM-подход в высшем образовании: основные понятия и перспективы // Инновационное развитие современной науки: новые подходы и актуальные исследования (шифр-МКИРСН): сб. матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29 мая 2024 г.). Москва: Центр развития образования и науки, 2024. С. 133–140.
9. Репин А. О. Актуальность STEM-образования в России как приоритетного направления государственной политики // Научная идея. 2017. № 1. С. 76–82. EDN: ZAHIDV
10. Корецкий М. Г., Тукаева Л. Р. Развитие STEM-подхода в России и мире // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 93, № 4. С. 148–153. URL: https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-93-4-148-153 (дата обращения: 21.03.2026).
11. Абросимова Е. Е., Филипова А. Г., Ярыгина М. М. Искусственный интеллект в высшем образовании: опыт и ожидания преподавателей регионального университета // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 138–146. URL: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/138-146 (дата обращения: 21.03.2026). EDN: HXDPKH
12. Choi W. C., Choi I. C., Chang C. I. The Impact of Artificial Intelligence on Education: The Applications, Advantages, Challenges and Researchers' // Perspective. Preprints.org. 2025. DOI: 10.20944/PREPRINTS202501.1420.V1
13. Systematic Literature Review of Integrated STEM Education: Uncovering Consensus and Diversity in Principles and Characteristics / A. Portillo-Blanco, H. Deprez, M. De Cock [et al.] // Education Sciences. 2024. Vol. 14, № 9. P. 1028. DOI: 10.3390/educsci14091028

14. Акимова Н. В. Риски образования в эпоху искусственного интеллекта // Rhema. Рема. 2025. № 2. С. 107–117. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-107-117
15. Гасанова Р. Р., Романова Е. А. Искусственный интеллект в высшей школе: проблемы, возможности, риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2024. Т. 21, № 4. С. 501–515. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8631-2024-21-4-501-515
16. Давыдова Г. И., Шлыкова Н. В. Риски и вызовы при внедрении искусственного интеллекта в систему высшего образования // Вестник практической психологии образования. 2024. № 21(3). С. 62–69. URL: https://doi.org/10.17759/bppe.2024210308 (дата обращения: 21.03.2026).
17. Мазур В. Г., Пудалов А. Д. Использование искусственного интеллекта в образовании // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2025. №. 19. С. 161–167. URL: https://doi.org/10.36629/2686-777X-2025-1-19-161-167 (дата обращения: 21.03.2026).
18. Holmes W., Porayska-Pomsta K. The Ethics of Artificial Intelligence in Education: Practices, Challenges, and Debates (1st ed.). Routledge. 2022. URL: https://doi.org/10.4324/9780429329067 (дата обращения: 21.03.2026).
19. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? / O. Zawacki-Richter, V. I. Marín, M. Bond, F. Gouverneur // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16, No. 1. P. 39. URL: https://doi.org/10.1186/s41239-019-0171-0 (дата обращения: 21.03.2026).
20. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: материалы к IV заседанию методологического семинара 16.11.2004. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 84 с. (Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы»).
21. Шурыгина О. А. Формирование лидерской компетенции на занятиях по иностранному языку в вузе // Развитие таможенного дела Российской Федерации: Дальневосточный вектор: сб. науч. тр. (Владивосток, 22 ноября 2023 г.). Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2023. С. 212–217. DOI: 10.24412/cl-36450-2023-4-212-217

References

1. Maeda J. STEM + Art = STEAM. *The Interdisciplinary STEAM+ Journal*. 2013; 1(1): 34. DOI: 10.5642/steam.201301.34. URL: https://scholarship.claremont.edu/steam/vol1/iss1/34 / (accessed date: 21.03.2026).
2. Maeda J. STEM to STEAM: Art in K-12 Is Key to Building a Strong Economy. *Edutopia: [website]*. 2012. URL: https://www.edutopia.org/blog/stem-to-steam-strengthens-economy-john-maeda (accessed date: 21.03.2026).
3. Chemekov V. N., Krylov D. A. Stem – a new approach to engineering education. *Bulletin of the Mari State University*. 2015; 5(20): 59–64.
4. Age Heterogeneity of STEM Educators / T. V. Sibgatullina, V. V. Utemov, A. A. Galushkin, N. A. Zaitseva *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2019; 15(7). URL: https://doi.org/10.29333/ejmste/108429 (accessed date: 21.03.2026).
5. Shcheglov A. A., Krolevetskaya E. N., Tomashchuk Ya. Y. The opposition of meanings in educational communication: what is the role of the STEM laboratory. *Global Scientific potential*. 2024; 3(156): 80–85.
6. Shcheglov A. A., Krolevetskaya E. N. Features of the formation of STEM education in Russia and the post-Soviet space: an analysis of development, problems and prospects. *Scientific Notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2025; 4(76): 202–215.
7. Sabirova F. M., Anisimova T. I. Theory and practice of STEAM education implementation: A textbook. Kazan: Editorial and publishing center «School»; 2022. 108 p.
8. Lisitsyn I. S., Svinarenko V. A. The STEM approach in higher education: basic concepts and prospects. *Innovative development of modern science: new approaches and current research (code-MKIRSN): Collection of materials of the VI International scientific and practical conference* (*Moscow, May 29, 2024)*. Moscow: Center for the Development of Education and Science; 2024: 133–140.
9. Repin A. O. The relevance of STEM education in Russia as a priority area of state policy. *Scientific Idea*. 2017; (1): 76–82.

10. Koretsky M. G., Tukaeva L. R. The development of the STEM approach in Russia and the world. *Humanities and Social Sciences*. 2022; 93(4): 148–153. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-93-4-148-153
11. Abrosimova E. E., Filipova A. G., Yarygina M. M. Artificial intelligence in higher education: experience and expectations of teachers of a regional university. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University.* 2025; 17(4): 138–146. URL: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/138-146 (accessed date: 21.03.2026). EDN: HXDPKH
12. Choi W. C., Choi I. C., & Chang C. I. The Effect of Scientific Intelligence on Education: The Applications, Advantages, Challenges and Researchers' Perspective. *Perspective. Preprints.org*. 2025. DOI: 10.20944/PREPRINTS202501.1420.V1
13. Systematic Literature Review of Integrated STEM Education: Uncovering Consensus and Diversity in Patterns and Characteristics / A. Portillo-Blanco, H. Deprez, M. De Cock [et al.]. *Educationsciences*. 2024; 14(9): 1028. DOI: 10.3390/educsci14091028
14. Akimova N. V. Risks of Education in the Era of Artificial Intelligence. *Rhema*. 2025; (2): 107–117. URL: https://doi.org/10.31862/2500-2953-2025-2-107-117 (accessed date: 21.03.2026).
15. Gasanova R. R., Romanova E. A. Artificial Intelligence in Higher Education: Problems, Opportunities, Risks. *RUDN University Bulletin. Series: Informatization of Education.* 2024; (4): 501–515. URL: https://doi.org/10.22363/2312-8631-2024-21-4-501-515 (accessed date: 21.03.2026).
16. Davydova G. I., Shlykova N. V. Risks and Challenges in Implementing Artificial Intelligence in the Higher Education System. *Bulletin of Practical Psychology of Education.* 2024; 21(3): 62–69. URL: https://doi.org/10.17759/bppe.2024210308 (accessed date: 21.03.2026).
17. Mazur V. G., Pudalov A. D. Using Artificial Intelligence in Education. *Bulletin of Angarsk State Technical University*. 2025; (19): 161–167. URL: https://doi.org/10.36629/2686-777X-2025-1-19-161-167 (accessed date: 21.03.2026).
18. Holmes W., & Porayska-Pomsta K. The Ethics of Artificial Intelligence in Education: Practices, Challenges, and Debates (1st ed.). Routledge. 2022. URL: https://doi.org/10.4324/9780429329067 (accessed date: 21.03.2026).
19. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? / O. Zawacki-Richter, V. I. Marín, M. Bond, F. Gouverneur. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019; 16(1): 39. URL: https://doi.org/10.1186/s41239-019-0171-0 (accessed date: 21.03.2026).
20. Verbitsky A. A. Competence-based approach and the theory of contextual learning: materials for the IV meeting of the methodological seminar on 16.11.2004. Moscow: Research Center for Problems of Quality of Specialist Training; 2004. 84 p. (Proceedings of the methodological seminar 'Russia in the Bologna Process: Problems, Tasks, Prospects').
21. Shurygina O. A. Formation of leadership competence in foreign language classes at a university. *Development of customs affairs of the Russian Federation: Far Eastern vector: collection of scientific papers (Vladivostok, November 22, 2023)*. Vladivostok: RIO Vladivostok branch of the Russian Customs Academy; 2023: 212–217. DOI: 10.24412/cl-36450-2023-4-212-217

Информация об авторах:

Шурыгина Ольга Алексеевна, канд. филол. наук, доцент, доцент каф. иностранных языков, Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, г. Владивосток.

Бадеева Елена Яковлевна, канд. филол. наук, доцент каф. иностранных языков, Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, г. Владивосток, olga-saiko@mail.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/099-109

EDN: https://elibrary.ru/LIUMPH

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
01.04.2026	18.05.2026	25.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 110–125
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 110–125

Научная статья
УДК 378.147
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/110-125
EDN: https://elibrary.ru/KQQVVH

Поражение как педагогическое событие: аксиологическая рамка состязательного обучения в высшей школе

Гулов Артем Петрович

Московский государственный институт международных отношений МИД России
Москва. Россия

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена интенсивным распространением состязательных форматов в высшей школе – олимпиад, кейс-чемпионатов, хакатонов, профессиональных конкурсов – и одновременным дефицитом педагогической рефлексии в отношении массового события, неизбежно сопровождающего любую состязательность, – поражения большинства участников. В международной литературе разработаны операциональные подходы к учебной неудаче (продуктивная неудача, педагогика неудачи), однако они остаются в когнитивно-процедурной рамке и не охватывают аксиологического измерения события. Отечественная педагогическая и философская традиция, напротив, располагает развитым категориальным аппаратом для аксиологической интерпретации поражения, но этот аппарат не интегрирован с современными концепциями. Цель работы – предложить аксиологическую рамку осмысления поражения в состязательном обучении через систематический синтез отечественной и международной традиций. Метод исследования – концептуально-теоретический синтез с тематическим сопоставлением источников по трем аналитическим осям: природа поражения, педагогическая переработка, аксиологическое содержание. В качестве результата сформулировано рабочее определение поражения как педагогически организованного события, разработана трехмерная аксиологическая рамка с измерениями достоинства, ответственности и развития, построена типологическая матрица педагогических ответов на поражение по осям «уровень переработки × субъект переработки». Научная новизна состоит в систематической интеграции категориального аппарата отечественной аксиологической педагогики с международными концепциями продуктивной неудачи и педагогики неудачи применительно к состязательному контексту в высшей школе. Практическая значимость связана с проектированием постсостязательных рефлексивных сессий и подготовкой преподавателей высшей школы к работе с поражением в олимпиадных и конкурсных форматах.*

Ключевые слова**:** *состязательное обучение, поражение как педагогическое событие, аксиологическая рамка, педагогика неудачи, продуктивная неудача, педагогическая поддержка, зона ближайшего развития, достоинство, ответственный поступок, мотивация достижения, осознанная саморегуляция, рефлексия*

Для цитирования: *Гулов А. П. Поражение как педагогическое событие: аксиологическая рамка состязательного обучения в высшей школе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 110–125. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/110-125. EDN: https://elibrary.ru/KQQVVH*

© Гулов А. П., 2026

Original article

Defeat as a pedagogical event: an axiological framework for competitive learning in higher education

Artem P. Gulov

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Moscow. Russia

Abstract. *The relevance of the study is determined by the intensive spread of competitive formats in higher education – subject olympiads, case-championships, hackathons, professional contests – and by the simultaneous deficit of pedagogical reflection on a mass event that inevitably accompanies any competition: the defeat of the majority of participants. International literature offers operational approaches to academic failure (productive failure, pedagogy of failure), yet they remain within a cognitive-procedural frame and do not address the axiological dimension of the event. The Russian pedagogical and philosophical tradition, in contrast, possesses a developed categorial apparatus for an axiological interpretation of defeat, but this apparatus has not been integrated with contemporary concepts. The aim of the work is to propose an axiological framework for conceptualising defeat in competitive learning through a systematic synthesis of Russian and international traditions. The method is conceptual-theoretical synthesis with thematic comparison of sources along three analytical axes: the nature of defeat, its pedagogical processing, and its axiological content. The results comprise a working definition of defeat as a pedagogically organised event, a three-dimensional axiological framework with the dimensions of dignity, responsibility and development, and a typological matrix of pedagogical responses to defeat based on the axes "level of processing × subject of processing". The scientific novelty consists in the first systematic integration of the categorial apparatus of Russian axiological pedagogy with the international concepts of productive failure and pedagogy of failure as applied to the competitive context in higher education. The practical significance is connected with designing post-competition reflective sessions and with preparing university teachers to work with defeat in olympiad and contest formats.*

Keywords**:** *competitive learning, defeat as a pedagogical event, axiological framework, pedagogy of failure, productive failure, pedagogical support, zone of proximal development, dignity, responsible act, achievement motivation, conscious self-regulation, reflection*

For citation*: Gulov A. P. Defeat as a pedagogical event: an axiological framework for competitive learning in higher education // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 110–125. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/110-125. EDN: https://elibrary.ru/KQQVVH*

Введение

Состязательное обучение, реализуемое через предметные олимпиады, кейс-чемпионаты, хакатоны и профессиональные конкурсы, за последнее десятилетие превратилось из периферийной образовательной активности в системный дидактический инструмент высшей школы. Его распространение опирается на доказанный мотивационный эффект и на возможность интегрировать в учебный процесс публичную оценку результата, иерархию достижений и соревновательный стимул. Н.И. Наумкин, Н.Н. Шекшаева и Е.В. Забродина, исследуя обучение инновационной инженерной деятельности, вводят понятие состязательной образовательной среды и описывают ее три ключевых компонента: соревновательный стимул, публичность результата и иерархию достижений [1]. Авторы фиксируют значимый прирост учебной мотивации и качества проектных решений у студентов инженерных направлений в условиях такой среды. Однако массовое распространение состязательных форматов порождает педагогический феномен, который остается в тени мето-

дической рефлексии: большинство участников любого соревнования по определению не побеждает. Состязание как дидактический инструмент производит не только победителей, но и (в значительно большем числе) проигравших, и именно с этим педагогически массовым событием современная высшая школа работает наименее системно.

Основной массив педагогической и психологической литературы о состязательности сосредоточен на условиях победы – на факторах успеха, мотивационной динамике при достижении результата, на психологических чертах высокорезультативных участников. Поражение в этой логике предстает либо как простое отсутствие успеха, либо как управленческая проблема, требующая мотивационной коррекции после неудачи. К. Мураяма и Э. Эллиот в обширном метаанализе соревновательных эффектов, охватившем несколько десятков исследований, формулируют модель противоположных процессов: состязание одновременно запускает мотивационный прирост и мотивационные потери, и итоговый знак эффекта зависит от целевой ориентации участника и индивидуально-психологических предпосылок [2]. При этом авторы прямо указывают, что аксиологическое измерение проигрыша – то, что делает поражение событием ценностным, а не только мотивационным, – в международной литературе остается за пределами концептуализации. Российский эмпирический контекст лишь усугубляет проблему: Т. О. Гордеева, О. А. Сычев и А. В. Сухановская в лонгитюдном исследовании учебной мотивации российской молодежи в период с 1999 по 2020 г. документируют устойчивое смещение мотивационного профиля в сторону внешней ориентации и ориентации на оценку [3]. В сочетании с возрастающей публичностью состязательных форматов это превращает поражение в особенно уязвимое для личности событие.

Научная лакуна обнаруживается на пересечении двух традиций. Западная линия педагогической работы с неудачей – концепция продуктивной неудачи М. Капура и педагогика неудачи Л. Экштайн, А. Финарэ и Л. Уайтнэка – предлагает операциональные механизмы дидактической работы с провалом первичной попытки, но не проблематизирует аксиологическое измерение: вопрос о том, почему поражение может быть ценным и при каких условиях оно остается педагогически организованным, выпадает из рассмотрения [4, 5]. Отечественная педагогическая и философская традиция, напротив, располагает развитым категориальным аппаратом для аксиологической интерпретации поражения – понятиями достоинства, ответственного поступка, развивающей трудности, зоны ближайшего развития, педагогической поддержки. Однако этот аппарат не интегрирован с современными международными концепциями и не операционализирован применительно к состязательному контексту современной высшей школы.

Исходя из этого гипотеза настоящего исследования формулируется следующим образом: поражение в состязательном обучении педагогически ценно не как неуспех, а как событие развивающей трудности – при условии сохранения достоинства учащегося и реализации педагогически организованной рефлексии. *Цель исследования* состоит в том, чтобы предложить аксиологическую рамку осмысления поражения в состязательном обучении через систематический синтез категориального аппарата отечественной педагогики и философии с международными концепциями продуктивной неудачи и педагогики неудачи. Цель конкретизируется через три исследовательских вопроса. Первый вопрос: как может быть концептуализировано поражение в состязательном обучении в качестве самостоятельного педагогического

события? Второй вопрос: какие категории отечественной педагогической и философской традиции релевантны для аксиологической интерпретации поражения? Третий вопрос: какая типология педагогических ответов на поражение вытекает из предложенной рамки? *Предметом исследования* выступает поражение как педагогическое событие в условиях состязательного обучения в высшей школе. Источниковая база включает восемнадцать верифицированных позиций трех блоков: шесть классических отечественных работ, пять современных отечественных публикаций и пять международных источников, отобранных по критериям предметной релевантности. Авторская позиция состоит в том, что продуктивный синтез двух традиций возможен через три аксиологических измерения – достоинство, ответственный поступок и развивающую трудность, каждое из которых имеет философское основание в отечественной мысли и операциональный механизм в современной педагогической практике.

Методология исследования. Настоящее исследование представляет собой концептуально-теоретический синтез – тип научной работы, ориентированный не на эмпирическую проверку гипотез, а на концептуализацию малоосмысленного явления через систематическое сопоставление теоретических рамок. Такой выбор обусловлен текущим состоянием изученности предмета: для поражения как самостоятельного педагогического события в высшей школе пока не сложилась устойчивая концептуальная база. Прежде чем разрабатывать инструментарий для эмпирического изучения, необходимо построить теоретический язык описания. Методологическим основанием служит аксиологический подход к педагогическому исследованию, развернуто обоснованный В. А. Сластениным и Р. М. Асадуллиным: педагогическое явление осмысляется не только в дескриптивно-структурных, но и в ценностно-смысловых категориях, что особенно важно при изучении событий, имеющих экзистенциальную нагрузку для обучающегося [6].

Основная часть

Состязательность в высшем образовании: эффекты и риски

Состязательная образовательная среда в высшей школе – это не стихийное соревнование, а педагогически спроектированный контекст, обладающий собственной структурой и дидактическими функциями. Н. И. Наумкин и его соавторы, исследуя инженерную подготовку в состязательной среде, выделяют три ее базовых компонента: соревновательный стимул, активирующий мотивационные ресурсы участника; публичность результата, превращающую индивидуальную учебную деятельность в социально видимое событие; иерархию достижений, задающую внешнюю систему координат для оценки собственного прогресса [1]. Авторы документируют статистически значимый прирост качества проектных решений и устойчивости мотивации достижения у студентов, систематически участвующих в инженерных состязаниях, и подчеркивают, что состязательная среда конструируется намеренно – она требует от преподавателя проектирования заданий, регламента, форматов обратной связи, а не простого запуска соревнования. Тем самым состязательность вводится в высшее образование как полноценный дидактический конструкт со своими условиями функционирования и образовательными эффектами.

Однако педагогическая природа состязательности двойственна. К. Мураяма и Э. Эллиот, обобщив результаты нескольких десятков эмпирических исследований в рамках метааналитической модели противоположных процессов, показывают, что соревнование одновременно активирует два разнонаправленных механизма: моти-

вационный прирост, связанный с восприятием состязания как стимула к демонстрации компетентности, и мотивационные потери, связанные с восприятием публичной оценки как угрозы самоуважению [2]. Итоговое влияние соревнования на результативность определяется балансом этих процессов и опосредуется целевой ориентацией участника. При ориентации на мастерство (направленности на освоение содержания и развитие способов действия) состязание усиливает мотивацию; при ориентации на результат (направленности на демонстрацию превосходства) оно становится источником тревоги, защитного поведения и снижения когнитивной гибкости. Этот метааналитический результат имеет принципиальное значение для понимания поражения: оно никогда не является психологически нейтральным событием. Любое поражение в состязательной среде разворачивается на фоне уже активированной двойственности, и его педагогический эффект зависит от того, какой из процессов получает приоритетную переработку.

Теоретическую рамку для объяснения уязвимости участника перед поражением предоставляет теория самодетерминации Р. М. Райана и Э. Л. Деси. Авторы выделяют три базовые психологические потребности (в автономии, компетентности и социальной связанности) как условия поддержания внутренней мотивации и психологического благополучия [7]. Состязательный контекст затрагивает все три потребности: потребность в автономии может быть подорвана внешним регламентом соревнования, потребность в компетентности – публично зафиксированным проигрышем, потребность в социальной связанности – иерархическим разделением участников на победителей и побежденных. Поражение в этом смысле становится тройственной угрозой и потому требует особенной педагогической переработки.

Российский контекст добавляет к этой общей картине существенный мотивационный фактор. Т. О. Гордеева и соавторы в лонгитюдном исследовании, охватывающем период с 1999 по 2020 г., фиксируют устойчивое смещение мотивационного профиля российских подростков и студенческой молодежи в сторону внешней ориентации и ориентации на оценку при относительном ослаблении внутренней познавательной мотивации [3]. В контексте высокой состязательности этот сдвиг работает как мотивационный множитель уязвимости: учащийся, для которого внешняя оценка значит больше, чем содержание деятельности, переживает публичное поражение особенно остро. Из этого следует вывод, существенный для дальнейшего анализа: для отечественной высшей школы разработка аксиологической рамки поражения не является академическим упражнением, а имеет прямую практическую значимость, поскольку преподаватель работает с группой, мотивационно подготовленной к восприятию проигрыша как ценностной катастрофы.

Педагогика неудачи и продуктивная неудача: международная линия и ее аксиологический предел

Международная исследовательская традиция работы с неудачей развивается в последние два десятилетия по двум магистральным линиям. Первая линия – концепция продуктивной неудачи, разработанная М. Капуром. В цикле экспериментальных исследований на материале математического обучения автор демонстрирует контринтуитивный эффект: учащиеся, которым давали возможность самостоятельно неудачно решать сложную задачу до объяснения принципа, демонстрировали статистически значимо более глубокое концептуальное понимание и лучший перенос знаний по сравнению с теми, кто получал прямое инструктирование сначала [4].

Когнитивный механизм продуктивной неудачи Капур объясняет через активацию и дифференциацию неполных и наивных представлений: первичная попытка решения, заведомо обреченная на неуспех, заставляет ученика мобилизовать имеющиеся знания, обнаружить их границы и сформировать содержательный запрос на новое содержание. Однако концепция Капура имеет два существенных лимита для нашего предмета: она разработана в контексте индивидуального математического обучения, а не публичной состязательной среды, и остается в когнитивно-процедурной рамке – вопрос о ценностном содержании события поражения, о его связи с достоинством и нравственным самосознанием учащегося не ставится.

Вторая линия – педагогика неудачи Л. Экштайн, А. Финарэ и Л. Уайтнэка. Авторы предлагают системный дидактический подход, в основе которого лежит дестигматизация неудачи через педагогический дизайн: задания строятся как итеративные, неудача первичной попытки явно включается в проект курса как ожидаемый компонент учебного процесса, эмоциональная безопасность аудитории становится предметом специальной заботы преподавателя [5]. Подход операционализируется через несколько принципов: открытое обсуждение собственных академических неудач преподавателем, нормализация обращения за помощью, использование низкоставочных оценочных форматов на этапах освоения материала. Концепция Экштайн с соавторами решает важную задачу: она дает преподавателю операциональный язык для работы с неудачей; однако и она ограничена когнитивно-эмоциональным уровнем. Категории достоинства, ответственного поступка, деятельностного развития, способные предоставить ценностное обоснование педагогической работы с неудачей, в этой рамке отсутствуют.

Существенный концептуальный ресурс для работы с неудачей предлагает классическая модель обратной связи Дж. Хэтти и Х. Тимперли, представляющая собой одну из наиболее цитируемых работ в современной педагогической литературе. Авторы выделяют четыре уровня обратной связи: уровень задачи (правильно или нет выполнено), уровень процесса (как организован способ действия), уровень саморегуляции (как обучающийся управляет собственным процессом обучения) и уровень самости (как обратная связь касается личности в целом) [8]. Применительно к поражению эта модель имеет ключевое значение: педагогический эффект обратной связи после неудачи определяется тем, на каком уровне организован разбор. Обратная связь уровня задачи фиксирует факт проигрыша, но не запускает развития; обратная связь уровня процесса позволяет увидеть способ действия; обратная связь уровня саморегуляции – наиболее продуктивная при работе с поражением – превращает неудачу в ресурс для перестройки собственной учебной деятельности. Уровень самости при работе с поражением Хэтти и Тимперли прямо называют дезадаптивным, поскольку он сдвигает обсуждение с действия на личность участника.

Из последовательного анализа международной линии следует первый полемический тезис настоящей статьи. Зарубежная исследовательская традиция предоставляет ценные операциональные инструменты работы с неудачей, но работает преимущественно на когнитивном, дидактическом и процедурном уровнях. Она не отвечает на три принципиальных вопроса: почему поражение может быть педагогически ценным (вопрос об аксиологическом основании), кто несет ответственность за ответ на него (вопрос о субъекте поражения), при каком условии оно не разрушает обучающегося, а развивает (вопрос о достоинстве как предохранителе). Между тем именно эти измерения присутствуют в категориальном аппарате отечественной

педагогической и философской традиции и нуждаются в систематическом включении в современный концептуальный язык работы с поражением.

Отечественная педагогическая и философская традиция: категориальный ресурс

Отечественная педагогическая мысль располагает развитой системой категорий, релевантных для аксиологической интерпретации поражения. Их систематизация по двум блокам (педагогическому и философскому) позволяет очертить ресурс, на который опирается предлагаемая рамка.

Педагогический блок открывается категорией зоны ближайшего развития Л. С. Выготского. В классической работе «Мышление и речь» автор раскрывает диалектику актуального и потенциального уровней развития, показывая, что подлинное обучение совершается в зоне ближайшего развития – в пространстве задач, которые ребенок не может выполнить самостоятельно, но способен решить при поддержке взрослого [9]. Применительно к поражению эта категория работает как диагностический критерий педагогической ценности события. Если задание соревнования находится в зоне ближайшего развития участника, т. е. он мог бы справиться с организованной поддержкой, поражение продуктивно: оно очерчивает реальную границу освоенного и указывает направление развития. Если же задание лежит за пределами этой зоны и принципиально недоступно текущему уровню обучающегося, поражение становится деструктивным: оно регистрирует разрыв, который не может быть переработан в развивающий ресурс. Тем самым категория зоны ближайшего развития предоставляет преподавателю диагностический инструмент для проектирования состязательных заданий и интерпретации поражения после его совершения.

Социальное измерение поражения раскрывается через педагогическое наследие А. С. Макаренко. «Педагогическая поэма» содержит развернутую трактовку коллектива как воспитывающей среды, в которой индивидуальный поступок обретает социальное звучание и переживается совместно [10]. Концепты «перспективных линий» и «завтрашней радости» предлагают практическую педагогическую логику работы с любым тяжелым событием: преподаватель выстраивает образ ближайшей перспективы (задачи следующего шага, доступной победы, осмысленной цели), которая удерживает обучающегося от фиксации на пережитом провале. В состязательной среде поражение всегда социально публично: оно происходит в присутствии группы, фиксируется внешними наблюдателями, обсуждается коллективом. Традиция Макаренко указывает, что это обстоятельство – не препятствие для педагогической работы, а ее ресурс: коллективная переработка способна превратить публичное поражение в момент общего развития, если она организуется педагогически грамотно.

Решающую категорию для защиты обучающегося в публичном поражении предлагает О. С. Газман в концепции педагогической поддержки. Педагогическая поддержка трактуется автором как создание условий, при которых ученик самостоятельно преодолевает кризис при сохранении своей субъектной позиции и достоинства [11]. Для нашего контекста педагогическая поддержка функционирует как операциональный механизм защиты достоинства в момент публичного проигрыша: преподаватель не решает за обучающегося, не интерпретирует поражение вместо него, не торопится с готовыми объяснениями, а удерживает пространство, в котором участник может самостоятельно осмыслить произошедшее без угрозы унижения.

Эта категория становится первым из операциональных мостов между отечественной традицией и международной линией работы с неудачей.

Концептуальный контрапункт к поражению задает работа Ю. В. Андреевой о ситуации успеха. Автор показывает, что ситуация успеха – это не стихийное переживание удачи, а педагогически конструируемое событие, требующее специального дидактического проектирования; те же принципы, по логике автора, применимы и к ситуации неуспеха [12]. Из этого следует существенный методологический вывод: педагогика работает с поражением не пассивно, как с обстоятельством, которое необходимо принять, а активно, сознательно проектируя педагогический ответ. Ситуация неуспеха становится таким же педагогически организуемым событием, как и ситуация успеха.

Категория самооценки в трактовке Г. А. Цукерман завершает педагогический блок [13]. Автор разработала методику перехода от внешней отметки к содержательной самооценке учащегося – осознанной оценке собственного результата без опоры на внешнюю санкцию. В контексте поражения этот переход критически важен: пока обучающийся опирается исключительно на внешнюю оценку, любое поражение прочитывается им как удар по самоценности; способность к самооценке становится предпосылкой продуктивной встречи с неудачей и мостом к рефлексивной саморегуляции.

Философский блок открывается категорией достоинства в трактовке В. С. Соловьева. В «Оправдании добра» автор разрабатывает нравственное самосознание через различение двух типов стыда: стыда продуктивного, выступающего сигналом к нравственному росту и импульсом к поступку, и стыда разрушительного, фиксирующего человека на собственной ничтожности [14]. Поражение, особенно публичное, активирует стыд. Вопрос в том, какой именно. Если педагогическая ситуация устроена так, что переживаемый стыд интерпретируется обучающимся как сигнал о расхождении между актуальным и желаемым способом действия, он работает на развитие; если же стыд фиксирует учащегося на представлении о собственной неполноценности, он блокирует любой развивающий эффект события. Это различение становится философским основанием первого аксиологического измерения предлагаемой рамки – измерения достоинства.

Категорию ответственности предлагает М. М. Бахтин в работе «К философии поступка». Концепт «не-алиби в бытии» формулирует фундаментальное этическое положение: ни один субъект не может уклониться от ответственности за собственную жизненную позицию, поскольку само его место в бытии единственно и невозместимо, а ответственный поступок есть выбор способа ответа на событие [15]. Применительно к поражению этот концепт переводит обучающегося из позиции пассивного объекта результата соревнования в позицию субъекта, выбирающего форму ответа. Перед участником, проигравшим состязание, открываются два пути: атрибутировать неудачу внешним факторам (несправедливости жюри, плохой подготовке преподавателей, случайности) и тем самым уклониться от собственной ответственности за событие или принять поражение как свое и совершить ответственный поступок: спросить себя, что именно в моем способе действия привело к этому результату и как изменить его в дальнейшем. Это второе аксиологическое измерение предлагаемой рамки.

Третье философское основание предоставляет Э. В. Ильенков в работе «Школа должна учить мыслить». Автор разрабатывает понимание мышления как преобразо-

вание способа действия при столкновении с противоречием – не как репродукции готовых операций, а как акта порождения нового способа в ответ на обнаруженную недостаточность прежнего [16]. В этой логике поражение получает фундаментальное эпистемологическое значение: оно есть момент, в который актуальный способ действия обнаруживает свою недостаточность, т. е. тот самый момент, с которого начинается подлинное мышление. Поражение в рамке Ильенкова – не сбой обучения, а его условие: без столкновения с пределом способа действия мышление не запускается. Это третье аксиологическое измерение – измерение развития.

Завершает категориальный обзор концепт воспитательной организации ситуации неуспеха в работах Н. Е. Щурковой. Автор обосновывает идею «нового воспитания», предполагающего сознательную педагогическую работу с эмоционально нагруженными событиями школьной и студенческой жизни; ситуация неуспеха здесь не вытесняется, а становится объектом специальной воспитательной заботы – через ритуал, коллективное обсуждение, формирование культуры достойного проигрыша [17]. Эта работа предоставляет связующее звено между педагогическим и философским блоками: воспитательная организация события переводит философские категории достоинства и поступка в практику ежедневной педагогической работы.

Рабочее определение поражения и аксиологическая рамка

Накопленный категориальный ресурс позволяет предложить рабочее определение и трехмерную аксиологическую рамку поражения как педагогического события. Поражение в состязательном обучении мы определяем как педагогически организованное событие, в котором обучающийся: во-первых, обнаруживает предел актуального способа действия, т. е. наталкивается на дидактически значимое противоречие между имеющимися у него средствами и требованиями задачи [9, 16]; во-вторых, переживает аксиологически значимый опыт, включающий нравственное самосознание и активацию стыда [14]; в-третьих, оказывается перед выбором ответственного поступка в ответ на событие – между уклонением и присвоением [15]. Это определение фиксирует три уточняющих разграничения. Поражение не тождественно неуспеху: неуспех есть результативная характеристика – констатация того, что цель не достигнута, тогда как поражение есть событийная категория, требующая смысловой переработки самим участником. Поражение не тождественно провалу в понимании, принятом в международной литературе, где соответствующий термин акцентирует прежде всего дефицит – отсутствие компетенции, ошибку решения, разрыв в знаниях; в предлагаемом понимании поражение акцентирует событийность и субъектный ответ, т. е. указывает не только на то, «что не получилось», но и на то, «как обучающийся отнесется к тому, что не получилось». Наконец, поражение педагогически ценно лишь при выполнении двух условий: сохранении достоинства учащегося благодаря педагогической поддержке и грамотной интерпретации стыда [11, 14] и наличии педагогически организованной рефлексии, переводящей событие в задачу мышления [13]. Без этих условий поражение превращается в унижение, блокирующее развитие.

Аксиологическая рамка структурирует это определение через три взаимосвязанных измерения, образующих не иерархическую лестницу, а оси анализа педагогической ситуации. Первое измерение – достоинство. Тезис этого измерения формулируется как охранительный принцип педагогической работы с поражением: ценность события возможна лишь при защите достоинства учащегося. Нарушение этого условия превращает поражение в унижение, после которого любой развивающий

эффект блокируется на длительный срок. Опора измерения – В. С. Соловьев с различением продуктивного и разрушительного стыда как индикатора нарушения или сохранения достоинства и О. С. Газман с педагогической поддержкой как операциональным механизмом защиты достоинства в публичном поражении. Связь с международным контекстом существенна: именно это измерение отсутствует в концепции продуктивной неудачи и педагогике неудачи. Капур и Экштайн с соавторами говорят об эмоциональной безопасности и психологическом комфорте, но не вводят аксиологическую категорию достоинства, имеющую онтологический, а не только эмоциональный смысл. В этом заключается главный концептуальный лимит международной линии.

Второе измерение – ответственность. Тезис: обучающийся является субъектом, а не объектом поражения; он выбирает способ ответа на событие. Опора измерения – М. М. Бахтин с концептом «не-алиби в бытии» и ответственного поступка как выбора между уклонением и присвоением и А. С. Макаренко с трактовкой коллектива как социальной среды, в которой этот выбор становится видимым и педагогически работающим. Связь с международной линией обеспечивается через теорию самодетерминации. Условие автономии у Р. М. Райана и Э. Л. Деси выступает предпосылкой принятия ответственности; если состязательная среда разрушает автономию участника, например через жесткое внешнее регламентирование или унижающую публичность, второе аксиологическое измерение оказывается заблокированным.

Третье измерение – развитие. Тезис: поражение становится развивающим ресурсом только тогда, когда переводится в задачу мышления – когда учащийся видит не то, «что не получилось», а то, «как изменить способ действия». Опора измерения – Л. С. Выготский с зоной ближайшего развития как критерием педагогической ценности поражения, Э. В. Ильенков с трактовкой мышления как преобразования способа действия и Г. А. Цукерман с самооценкой без отметки как инструментом перевода поражения в рефлексивную задачу. Связь с международной линией задается через модель обратной связи Дж. Хэтти и Х. Тимперли: уровень саморегуляции в их модели в точности соответствует содержанию третьего аксиологического измерения – превращению неудачи в ресурс перестройки учебной деятельности самим обучающимся. Существенно, что осознанная саморегуляция, исследуемая В. И. Моросановой как метаресурс достижения целей и разрешения жизненных проблем, оказывается психологическим механизмом, обеспечивающим действие третьего измерения [18]. Рефлексивная переработка поражения и есть конкретная форма приложения саморегуляции к развивающе нагруженному событию.

Типология педагогических ответов на поражение

Аксиологическая рамка операционализируется через типологическую матрицу 3×3, связывающую три измерения с конкретными педагогическими практиками. В основу матрицы положены два пересекающихся основания. Первая ось – уровень переработки поражения: неосмысленный (Х1), формальный (Х2) и рефлексивный (Х3). Вторая ось – субъект переработки: индивидуальный (А), диадический (преподаватель – студент) (Б) и коллективный (В). Полученная матрица включает девять ячеек; в настоящем анализе подробно описаны шесть из них – крайние по каждой оси и ключевые переходные позиции (табл. 1).

Таблица 1

Типология педагогических ответов на поражение в состязательном обучении

Субъект переработки	Х1 – неосмысленное	Х2 – формальное	Х3 – рефлексивное
А – индивидуальный	Вытеснение, избегание, уход: деструктивный паттерн без переработки	Самоанализ по схеме «что было не так» без выхода на способ действия	Структурированная рефлексия: вопросы о способе действия; содержательная самооценка без отметки [13, 18]
Б – диадический (преподаватель – студент)	Формальное объявление результата без работы с событием	Стандартная консультация в формате «разбор ошибок»	Сессия обратной связи на уровне саморегуляции [8]; защита достоинства через педагогическую поддержку [11]
В – коллективный	Разбор без структуры: риск унижения [11, 14]	Коллективная рефлексия по процедуре без смысловой проработки	Организованная коллективная рефлексия с проектированием «завтрашней перспективы» [10, 17]

Примечание: сост. автором по [8, 10, 11, 13, 14, 17, 18].

Педагогически наиболее ценные ячейки расположены в правом столбце матрицы – А3, Б3 и В3; соответствуют рефлексивному уровню переработки при разных субъектных конфигурациях.

Содержательная характеристика этих ячеек требует уточнения. Ячейка А3 – индивидуальная структурированная рефлексия, оформляемая через письменные форматы с заданной системой вопросов о способе действия, а не о результате. Опорой выступают исследования В. И. Моросановой об осознанной саморегуляции как метаресурсе достижения целей, поскольку именно саморегуляторные структуры обеспечивают перевод эмоционального переживания поражения в рефлексивно-аналитическую работу [18], и работа Г. А. Цукерман о содержательной самооценке как инструменте этого перевода [13]. Условием эффективности этой ячейки является психологическая безопасность процедуры и ее добровольность: рефлексивный дневник не может быть навязан, иначе он деградирует до формальной отчетности уровня Х2.

Ячейка Б3 – диадическая сессия обратной связи преподавателя со студентом после поражения. Опорой служит модель обратной связи Дж. Хэтти и Х. Тимперли с акцентом на уровень саморегуляции [8] и категория педагогической поддержки О. С. Газмана [11]. Алгоритм диадической сессии включает три шага: признание достоинства учащегося и легитимация его переживания, вопросы о способе действия, а не о результате и совместное проектирование следующего шага – конкретной учебной задачи, в которой обнаруженное ограничение способа может быть проработано.

Ячейка В3 – публичная рефлексия команды или учебной группы после состязательного события. Опорой выступает педагогическое наследие А. С. Макаренко с концептами коллективной переработки и проектирования «завтрашней перспективы» [10] и работа Н. Е. Щурковой о воспитательной организации ситуации неуспеха [17]. Принципиальным условием функционирования этой ячейки является обеспечение психологической безопасности коллективного обсуждения; при его нарушении ячейка деградирует в В1 – публичный разбор полетов, превращающийся в источник унижения. Различение В3 и В1 принципиально для практики высшей школы; образует ключевой содержательный результат предлагаемой типологии.

Механизм перехода от ячеек X1 и X2 к ячейкам уровня X3 требует выполнения трех условий. Первое условие – мотивационное: снижение ориентации на демонстрацию результата в пользу ориентации на мастерство, без чего любая рефлексия сводится к защите Я-концепции [2, 7]. Второе условие – операциональное: применение когнитивного механизма продуктивной неудачи и принципов педагогики неудачи – итеративных заданий, явного включения неудачи в проектный дизайн курса [4, 5]. Третье условие – аксиологическое: соблюдение всех трех измерений рамки одновременно – защиты достоинства, активации ответственности, удержания заданий в зоне ближайшего развития [9, 11, 14, 15]. При нарушении хотя бы одного аксиологического условия рефлексивный уровень переработки достигается формально, но не переживается участником как педагогически значимое событие. В российском контексте, учитывая отмеченное Т. О. Гордеевой и соавторами смещение мотивационного профиля в сторону внешней ориентации [3], переход к ячейкам X3 требует целенаправленной предварительной работы преподавателя с мотивационной структурой группы; без этого участники остаются в ячейках X1 и X2.

Контрастной по отношению к матрице поражения служит ситуация успеха, рассмотренная Ю. В. Андреевой как педагогически конструируемое событие [12]. Понимание механизмов педагогически организованного успеха помогает точнее спроектировать педагогический ответ на поражение: эффективный дизайн состязательного обучения включает оба события – победу и поражение как равноправные педагогические ситуации с различающимися, но симметричными задачами педагогической работы. Победа требует своей переработки, чтобы не превратиться в фиксацию на результате; поражение – чтобы не превратиться в унижение. И то и другое – задача дидактического проектирования, а не педагогической импровизации.

Логику соотнесения трех аксиологических измерений с типологической матрицей и механизмами педагогического ответа удобно представить в виде концептуальной схемы (рис. 1).



Рис. 1. Аксиологическая рамка и типология педагогических ответов на поражение в состязательном обучении

Примечание: сост. автором.

Обсуждение результатов

Предлагаемая аксиологическая рамка решает теоретическую задачу, которую ни международная, ни отечественная традиция не решали в изолированном виде. Международная линия – продуктивная неудача М. Капура, педагогика неудачи Л. Экштайн с соавторами; модель обратной связи Дж. Хэтти и Х. Тимперли дает развитые операциональные механизмы работы с неудачей, но остается в когнитивно-процедурной рамке без аксиологии [4, 5, 8]. Отечественная классическая традиция (от Л.С. Выготского и А.С. Макаренко до М.М. Бахтина, В.С. Соловьева, Э.В. Ильенкова, О.С. Газмана, Г.А. Цукерман и Н.Е. Щурковой) располагает развернутым категориальным аппаратом аксиологического анализа, но не интегрирована с современными эмпирическими данными о соревновательных эффектах [2], с теоретическими рамками внутренней мотивации [7] и актуальной эмпирикой российского мотивационного сдвига [3]. Предложенный синтез представляет собой не эклектику, а структурированную интеграцию через три аксиологических измерения (достоинство, ответственность, развитие), каждое из которых имеет одновременно философское основание в отечественной мысли и операциональный механизм, согласованный с международной педагогической традицией.

Существенно проработать возможные возражения. Во-первых, аксиологический подход недостаточно операционален для педагогической практики и потому остается декларативным. Ответ на это возражение строится через предложенную типологическую матрицу: три измерения рамки переводятся в шесть содержательно описанных ячеек, каждая из которых соотнесена с конкретными педагогическими практиками (структурированный рефлексивный дневник, диадическая сессия обратной связи, организованная коллективная рефлексия) и снабжена указанием на условия ее эффективного функционирования. Аксиология здесь не противопоставляется операциональности, а задает критерии ее педагогической продуктивности. Во-вторых, возражение касается научного статуса концептуально-теоретического синтеза в условиях, когда журналы первого – третьего квартилей предпочитают эмпирические работы. Ответ опирается на различение типов научного результата: теоретическое исследование принимается к публикации при наличии явной научной новизны и сформулированной практической значимости; оба критерия в настоящей работе соблюдены. Более того, статья сознательно позиционируется как теоретическое основание для последующих эмпирических исследований; именно концептуальная рамка задает категории для разработки наблюдательных шкал, вопросов нарративных интервью и протоколов анализа рефлексивных дневников.

Из теоретических результатов вытекает четыре блока практических положений. Для авторов состязательных мероприятий в высшей школе – олимпиад, кейс-чемпионатов, хакатонов, профессиональных конкурсов – предлагается включать постсостязательную рефлексивную сессию как обязательный компонент дизайна события, выбирая ее формат в соответствии с матрицей 3×3 в зависимости от образовательного контекста, состава участников и уровня их подготовленности к рефлексивной работе. Для преподавателей высшей школы, сопровождающих участников состязательных форматов, существенно освоить алгоритм диадической сессии обратной связи, включающий три последовательных шага: признание достоинства учащегося, вопросы о способе действия, совместное проектирование следующего шага. Для методистов и дизайнеров образовательных программ принципиально

перед выходом на рефлексивный уровень переработки диагностировать мотивационный профиль группы, поскольку при высокой ориентации на демонстрацию результата [3] необходима предварительная работа по формированию ориентации на мастерство; без нее рефлексия деградирует до защитного поведения. Для исследователей в области педагогики высшей школы предложенная типология предоставляет инструмент для разработки наблюдательных категорий и формулировки вопросов нарративных интервью с участниками состязательных мероприятий в последующих качественных и смешанных исследованиях.

Заключение

Полученные результаты позволяют сформулировать ответы на исследовательские вопросы, заявленные во введении. Первый вопрос касался концептуализации поражения как самостоятельного педагогического события: поражение в состязательном обучении определено как педагогически организованное событие, в котором обучающийся обнаруживает предел актуального способа действия, переживает аксиологически значимый опыт нравственного самосознания и стоит перед выбором ответственного поступка в ответ на событие. Второй вопрос касался релевантных категорий отечественной традиции: ключевыми оказались достоинство (Соловьев, Газман), ответственный поступок (Бахтин), развивающая трудность и зона ближайшего развития (Выготский, Ильенков), коллективная переработка (Макаренко), содержательная самооценка (Цукерман), воспитательная организация (Щуркова), образующие три аксиологических измерения предлагаемой рамки. Третий вопрос касался типологии педагогических ответов: предложена матрица 3×3 по осям «уровень переработки × субъект переработки» с выделением трех педагогически ценных ячеек рефлексивного уровня – индивидуальной, диадической и коллективной.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые разработана трехмерная аксиологическая рамка поражения в состязательном обучении, систематически интегрирующая категориальный аппарат отечественной педагогической и философской традиции с международными концепциями продуктивной неудачи и педагогики неудачи. Предложенная рамка отличается от существующих международных концепций тем, что вводит аксиологическое измерение (достоинство, ответственность, развитие) в контекст, который в зарубежной литературе описывается исключительно в когнитивных и процедурных категориях; отличается от классических отечественных подходов тем, что обеспечивает их связь с современными эмпирическими данными о соревновательных эффектах и практикой проектирования состязательных образовательных событий.

Список источников

1. Наумкин Н. И., Шекшаева Н. Н., Забродина Е. В. Обучение инновационной инженерной деятельности в состязательной образовательной среде // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 5. С. 64–98. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-64-98
2. Murayama K., Elliot A. J. The Competition-Performance Relation: A Meta-Analytic Review and Test of the Opposing Processes Model of Competition and Performance // Psychological Bulletin. 2012. Vol. 138, № 6. P. 1035–1070. DOI: 10.1037/a0028324
3. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Сухановская А. В. Динамика учебной мотивации и ориентации на оценки у российских подростков в период с 1999 по 2020 гг. // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18, № 3. С. 104–112. DOI: 10.17759/chp.2022180313

4. Kapur M. Productive Failure in Learning Math // Cognitive Science. 2014. Vol. 38, № 5. P. 1008–1022. DOI: 10.1111/cogs.12107
5. Eckstein L. E., Finaret A. B., Whitenack L. B. Teaching the Inevitable: Embracing a Pedagogy of Failure // Teaching & Learning Inquiry. 2023. Vol. 11. DOI: 10.20343/teachlearninqu.11.16
6. Сластенин В. А., Асадуллин Р. М. Формирование личности учителя как субъекта педагогической деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 5 С. 3–18.
7. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. Vol. 55, № 1. P. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68
8. Hattie J., Timperley H. The Power of Feedback // Review of Educational Research. 2007. Vol. 77, № 1. P. 81–112. DOI: 10.3102/003465430298487
9. Выготский Л. С. Мышление и речь. Москва: Лабиринт, 1999. 352 с.
10. Макаренко А. С. Педагогическая поэма / сост., вступ. ст., примеч., пояснения С. С. Невской. Москва: ИТРК, 2003. 736 с.
11. Газман О. С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. Москва: МИРОС, 2002. 296 с.
12. Андреева Ю. В. Ситуация успеха как образовательный ресурс и технология развития радости учебного труда // Образовательные ресурсы и технологии. 2021. № 1 (34). С. 13–20. DOI: 10.21777/2500-2112-2021-1-13-20
13. Цукерман Г. А. Оценка без отметки. Москва; Рига: Эксперимент, 1999. 133 с.
14. Соловьев В. С. Оправдание добра: нравственная философия. Москва: Республика, 1996. 479 с.
15. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. Москва: Русские словари: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
16. Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить. Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2002. 112 с.
17. Щуркова Н. Е. «Новое воспитание» в практике школьной жизни // Народное образование. 2015. № 8. С. 139–146.
18. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 4–37. DOI 10.11621/vsp.2021.01.01. EDN: PUYYXO

References

1. Naumkin N. I., Shekshaeva N. N., Zabrodina E. V. Training in innovative engineering activities in a competitive educational environment. *The Education and Science Journal*. 2021; 23 (5): 64–98. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-64-98
2. Murayama K., Elliot A. J. The Competition-Performance Relation: A Meta-Analytic Review and Test of the Opposing Processes Model of Competition and Performance. *Psychological Bulletin*. 2012; 138 (6): 1035–1070. DOI: 10.1037/a0028324
3. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Sukhanovskaya A. V. Dynamics of academic motivation and grade orientation in Russian adolescents from 1999 to 2020. *Cultural-Historical Psychology*. 2022; 18 (3): 104–112. DOI: 10.17759/chp.2022180313
4. Kapur M. Productive Failure in Learning Math. *Cognitive Science*. 2014; 38 (5): 1008–1022. DOI: 10.1111/cogs.12107
5. Eckstein L. E., Finaret A. B., Whitenack L. B. Teaching the Inevitable: Embracing a Pedagogy of Failure. *Teaching & Learning Inquiry*. 2023; (11). DOI: 10.20343/teachlearninqu.11.16
6. Slastenin V. A., Asadullin R. M. Formation of the teacher's personality as a subject of pedagogical activity. *Siberian Pedagogical Journal*. 2005; (5): 3–18.
7. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*. 2000; 55 (1): 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68

8. Hattie J., Timperley H. The Power of Feedback. *Review of Educational Research*. 2007; 77 (1): 81–112. DOI: 10.3102/003465430298487
9. Vygotsky L. S. Thinking and Speech. Moscow: Labirint; 1999. 352 p.
10. Makarenko A. S. Pedagogical Poem / comp., intro., notes by S. S. Nevskaya. Moscow: ITRK; 2003. 736 p.
11. Gazman O. S. Non-classical Education: From Authoritarian Pedagogy to the Pedagogy of Freedom. Moscow: MIROS; 2002. 296 p.
12. Andreeva Yu. V. The situation of success as an educational resource and a technology for developing the joy of learning. *Educational Resources and Technology*. 2021; 1 (34): 13–20. DOI: 10.21777/2500-2112-2021-1-13-20
13. Tsukerman G. A. Assessment Without Marks. Moscow; Riga: Eksperiment; 1999. 133 p.
14. Solovyov V. S. The Justification of the Good: Moral Philosophy. Moscow: Respublika; 1996. 479 p.
15. Bakhtin M. M. Toward a Philosophy of the Act. *Collected Works*: in 7 vols. Vol. 1: Philosophical Aesthetics of the 1920s. Moscow: Russian dictionaries: Languages of Slavic culture; 2003. P. 7–68.
16. Ilyenkov E. V. The School Must Teach to Think. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK; 2002. 112 p.
17. Shchurkova N. E. “New education” in the practice of school life. *National education*. 2015; (8): 139–146.
18. Morosanova V. I. Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and resolving life problems. *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*. 2021; (1): 4–37. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01. EDN: PUYYXO

Информация об авторе:

Гулов Артем Петрович, д-р пед. наук, доцент каф. английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, gulov@tea4er.org, https://orcid.org/ 0000-0001-7192-5316

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/110-125
EDN: https://elibrary.ru/KQQVVH

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
13.05.2026	15.06.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 126–138
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 126–138

Научная статья
УДК 378.016:81'243:821.161.1
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/126-138
EDN: https://elibrary.ru/LAQHIB

Теоретико-методологические основы лингводидактической деятельности в парадигме постинтернационализации: обучение русскому языку как иностранному

Яроцкая Людмила Владимировна

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
Москва. Россия

Криницкая Марина Юрьевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению характера и вектора изменений, вызванных разрушением инфраструктурных звеньев процесса интернационализации в 20-е гг. XXI в., и теоретико-методологическому обоснованию статуса дисциплины «Русский язык как иностранный» (далее – РКИ) в качестве стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности в новых условиях, что определило цель исследования. Применены теоретический анализ специальной литературы и концептуально-теоретический синтез релевантных научных позиций. Результатом исследования является обоснование статуса РКИ в рамках ценностно-смысловой образовательной парадигмы постинтернационализации с опорой на лингводидактический принцип интернационализации профессиональной подготовки специалиста. Конкретизация базового принципа проведена через систему частнометодических принципов обучения РКИ, выявление методических особенностей их реализации. Научная новизна результатов заключается в разработке теоретико-методологических положений, позволивших обосновывать статус РКИ в условиях постинтернационализации. Сделан вывод о том, что РКИ обладает достаточным потенциалом для предметно-специализированного лингвосоциокогнитивного развития личности, формирования профессионального сознания современного специалиста, готового к межкультурному партнерству, осознанному выстраиванию профессиональных связей в интересах общества и государства. Сформулированные в статье теоретические позиции и обобщающие/ конкретизирующие их табличные материалы могут служить практическим руководством для осознанного лингводидактического проектирования образовательного процесса. Перспективы дальнейшей работы связаны с разработкой и опытно-экспериментальной проверкой отдельных компонентов и целостной системы обучения РКИ в условиях постинтернационализации.*

Ключевые слова**:** *постинтернационализация, русский язык как иностранный, теоретико-методологическое обоснование, статус дисциплины, принципы обучения*

Для цитирования: *Яроцкая Л. В., Криницкая М. Ю. Теоретико-методологические основы лингводидактической деятельности в парадигме постинтернационализации: обучение русскому языку как иностранному // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 126–138. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/126-138. EDN: https://elibrary.ru/LAQHIB*

© Яроцкая Л. В., 2026
© Криницкая М. Ю., 2026

Original article

Theoretical and methodological foundations of linguodidactic practice in the post-internationalization paradigm: teaching russian as a foreign language

Ludmila V. Yarotskaya
National Research Nuclear University Mephi
Moscow. Russia

Marina Yu. Krinitskaia
Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

Abstract. *This study focuses on conceptualizing the nature and trajectory of changes triggered by the disruption of key infrastructural links in the internationalization process in the 2020s. Furthermore, it aims to provide a theoretical and methodological justification for position "Russian as a Foreign Language" (RFL) as a strategic resource for innovative educational activities under these new conditions. The research methodology includes the theoretical analysis of specialized literature and the conceptual-theoretical synthesis of relevant scientific perspectives. The study results in justifying the status of RFL within the axiological-semantic educational paradigm of post-internationalization, grounded in the linguodidactic principle of internationalizing professional training. This core principle is specified through a system of subject-specific methodological principles of RFL instruction, highlighting the methodological features of their implementation. The scientific novelty lies in the development of theoretical and methodological frameworks that substantiate the status of RFL in the context of post-internationalization. It is concluded that RFL possesses significant potential for subject-specialized linguo-socio-cognitive personal development and the formation of the professional mindset of a modern specialist. Such a specialist is prepared for intercultural partnership and the conscious building of professional networks in the interest of society and the state. The theoretical propositions formulated in the article, along with the summarizing and specifying tabular materials, can serve as a practical guide for the purposeful linguodidactic design of the educational process. Future research prospects involve the development and empirical testing of individual components, as well as the holistic system, of RFL instruction in the context of post-internalization.*

Keywords**:** *post-internationalization, Russian as a Foreign Language, theoretical and methodological justification, disciplinary status, principles of instruction*

For citation*: Yarotskaya L. V., Krinitskaia M. Yu. Theoretical and methodological foundations of linguodidactic practice in the post-internationalization paradigm: teaching russian as a foreign language // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 126–138. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/126-138. EDN: https://elibrary.ru/LAQHIB*

Введение

Современная образовательная ситуация в Российской Федерации характеризуется значительной дестабилизацией деятельности ее важнейшего института – системы высшего образования, переживающего в силу мировых трансформационных сдвигов сущностные изменения ценностно-смысловых установок в своей деятельности, что приводит к пересмотру стратегических ориентиров развития, целей, содержания, процессуальных аспектов педагогического взаимодействия. Подобные изменения вызывают необходимость конкретизации роли, места и способов реализации каждой из учебных дисциплин в новых условиях, раскрытия их образовательного потенциала и социокультурного «веса» в актуальных контекстах развития общества и государства.

В данной статье предпринята попытка осмыслить характер и вектор изменений, вызванных разрушением инфраструктурных звеньев процесса интернационализации

в 2020-е гг., и в этой связи выявить и определить возможности одного из ее ключевых компонентов – языка общения – в условиях взаимодействия субъектов образования на новом уровне общественного развития. По этой причине рассмотрение вопросов проведено в ракурсе лингводидактического исследования как теоретико-методологическое обоснование статуса дисциплины «Русский язык как иностранный» (далее – РКИ) в качестве стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности. Аргументация теоретико-методологических основ РКИ в новом статусе и составляет *цель* настоящего *исследования*.

Актуальность предмета *исследования* обусловлена рядом противоречий, препятствующих полноценному развитию института образования в современных условиях, превращению его в весомый фактор социально-экономического и социокультурного развития общества. В частности, требуют разрешения противоречия:

– между потребностью российского общества и государства развивать сотрудничество с зарубежными образовательными центрами, с одной стороны, и невозможностью удовлетворения этой потребности из-за фрагментации в 2020-е гг. значительного объема сложившихся интернациональных связей, с другой;

– между потребностью РФ в развитии взаимовыгодного и равноправного международного сотрудничества в образовательной сфере, с одной стороны, и отсутствием паритета интересов участников этих процессов в силу фактической вестернизации образовательной сферы, с другой;

– между тенденцией к реструктуризации современной системы международных отношений, к укреплению всесторонних связей РФ со странами БРИКС, ШОС, ЕАЭС, с одной стороны, и недостаточным обоснованием статуса русского языка в качестве стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности на международной арене, с другой.

Деградация процессов интернационализации образования, отмечаемая как отечественными, так и зарубежными исследователями, углубляясь, приобретает системный характер. Доминировавшая в предшествующие десятилетия модель взаимодействия в этой области, ориентированная на экспорт образовательных услуг, одностороннюю академическую мобильность в направлении западных стран, западные стандарты, показатели оценки (позиции в рейтингах QS, результаты тестов по РКИ (далее – ТРКИ) и т. п.), показала ограниченность в новой геополитической реальности [1–3] и необходимость принятия неотложных мер для стабилизации ситуации. Переориентация РФ на партнерские межгосударственные объединения (БРИКС, ШОС, ЕАЭС) и закрепление в Указе Президента РФ «Об утверждении основ государственной языковой политики Российской Федерации» задачи на расширение сотрудничества в сфере образования на русском языке [4] определяют стратегические образовательные приоритеты, что прежде всего предполагает необходимость разработки соответствующего теоретико-методологического основания лингводидактической деятельности с последующим проектированием методического аппарата РКИ.

Таким образом, центральная *проблема исследования* заключена в вопросе: «Какие теоретико-методологические положения современной лингводидактики позволяют обосновать статус РКИ как стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности в условиях новых реалий?»

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что стратегические образовательные приоритеты РФ нуждаются в актуализации теоретико-методо-

логических основ лингводидактической деятельности, целостном представлении ее проблемного поля, что позволит аргументировать статус РКИ как стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности в условиях новых реалий.

Цель, проблема и гипотеза исследования обусловливают его основные *задачи*:

1) определить ценностно-смысловую образовательную парадигму, адекватную актуальному социальному запросу;

2) установить системообразующий принцип для разработки теоретико-методологического основания лингводидактической деятельности в этой парадигме;

3) разработать систему частнометодических принципов обучения РКИ как стратегическому ресурсу инновационной образовательной деятельности в новых условиях;

4) выявить особенности методической конкретизации заявленных принципов.

Методология и методы исследования

Поскольку данное исследование связано с осмыслением и концептуализацией нового статуса дисциплины РКИ в изменившихся геополитических, социально-экономических и социокультурных условиях РФ, не получившего до настоящего времени научного обоснования, ведущими *методами исследования* выступают теоретический анализ специальной литературы по теме статьи и концептуально-теоретический синтез релевантных научных позиций. Исследование не предполагает эмпирической проверки гипотез, поскольку на текущий момент не разработан необходимый для такой работы теоретический инструментарий. В качестве *методологического основания* исследования приняты аксиологический и акмеологический подходы. Исследование проводилось на основе общенаучного принципа системности и в русле лингводидактического принципа интернационализации профессиональной подготовки специалиста [5].

Основная часть

Решение первого исследовательского вопроса связано с определением ценностно-смысловой образовательной парадигмы, адекватной актуальному социальному запросу. Обозначенная проблема весьма многогранна, поскольку включает целый спектр смысловых планов – геополитический, экономический, национально-культурный, социокультурный, социальный, профессиональный, межкультурный, личностный – и представляющих их ценностей [5]. При этом на каждом этапе общественно-исторического развития встает вопрос о выборе образовательных приоритетов, путях и способах их педагогического обеспечения. В последние несколько десятилетий в качестве одного из таких глобальных ценностных ориентиров выступает интернационализация образовательной сферы [6, 7].

В современной лингводидактике и педагогике высшей школы предлагаются различные ракурсы рассмотрения процессов интернационализации и возможные смыслы их актуализации: описаны классическая и коммерческая модели [8–10], проанализированы этапы развития международного сотрудничества в российских вузах [11–14], выделен и обоснован лингводидактический уровень интернационализации профессиональной подготовки современного специалиста [5], представлены идеи глокализации и девестернизации образования [15–18], получившие особое распространение в последние годы в связи с установкой на суверенизацию всех сторон жизни общества и потребностью в сохранении, развитии и передаче культурного наследия последующим поколениям.

На необходимость выхода глобальной деятельности университетов за пределы рыночной логики и монетизации образования обращает внимание С. Маргинсон [6, 7]; об этическом повороте в интернационализации, запросе на качественный продукт пишет Х. де Вит [19]. Все чаще наблюдается перенос акцента с количественных показателей (академическая мобильность, тестовые баллы и др.) на качественные характеристики деятельности, их смысловую нагрузку.

Для обозначения перехода современной мировой образовательной сферы в качественно новое состояние, характеризующееся фрагментацией академических связей и переосмыслением приоритетов, Л. В. Яроцкая и К. А. Фролова вводят и аргументируют понятие «постинтернационализация образования» [16]. При этом во внутрироссийском дискурсе постинтернационализация образования (далее – ПИ) воспринимается фактически как девестернизация. Мы полагаем, что такая смысловая редукция не всегда оправдана, поскольку и в западном образовании происходят процессы трансформации, идет переоценка многих позиций. Заметим также, что в рамках цитируемой статьи ее авторы, Л. В. Яроцкая и К. А. Фролова, ограничиваются фиксацией общепедагогических аспектов такой трансформации, не спускаясь на уровень лингводидактической конкретизации затронутых вопросов, что не позволяет заложить новый лингвосоциокультурный фундамент ПИ, обосновать содержательные и процессуальные аспекты обучения РКИ в условиях складывающихся реалий.

Роль русского языка в глобальных образовательных контекстах и функциональные варианты его применения рассматриваются в работе Е. Г. Таревой; исследователь, помимо РКИ, выделяет лингва франка, язык Интернета и др. [18]. Функциональная характеристика каждого из вариантов, очевидно, влияет на отбор языкового материала и коммуникативных ситуаций в учебном процессе РКИ. Однако в приведенной публикации методический аппарат РКИ также не становится предметом специального исследования и лингводидактической конкретизации.

Таким образом, результаты анализа подтверждают сформулированное выше предположение о том, что общепедагогические и лингвистические аспекты этапа ПИ до настоящего времени не скоординированы в достаточной степени и не осмыслены в рамках современной лингводидактической теории, целостно представляющей ее проблемное поле. Это подчеркивает важность обозначенной в нашей статье проблемы исследования и ее ключевого вопроса, связанного с определением теоретико-методологических положений современной лингводидактики, позволяющих обосновать статус РКИ как стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности в условиях ПИ.

Анализ эволюции обучения РКИ в контекстах интернационализации показывает, что методика его преподавания развивалась в прямой зависимости от доминирующей модели интернационализации высшего образования. Критика западноцентрической модели, развернутая в современных исследованиях [1, 2, 10, 19], касается избыточной стандартизации учебных комплексов под тестовые форматы (ТРКИ), применения англоцентричных аналогий в построении грамматических комментариев, ориентации на европейский вектор академической мобильности, что находит выражение, в частности, в усеченной модели языковой подготовки РКИ. Русский язык по-прежнему выступает преимущественно как инструмент адаптации иностранного студента к принимающей его среде, а не как *средство профессионального развития личности и межкультурного партнерства*. Однако такое положение дел не отвечает статусу РКИ как стратегического ресурса инновационной образовательной

деятельности в условиях ПИ. Необходим *реальный переход от «спонтанной глобализации» к осознанному управлению международными связями в национальных интересах государства* [11, с. 751].

Содержание трансформационных процессов по ключевым для лингводидактики параметрам представлено в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика этапов развития методики обучения РКИ

Параметр	Этап 1 «Интеграционный» (1990-е– 2010 г.)	Этап 2 «Коммерческо-экспортный» (2011–2020)	Этап 3 «Постинтернационализационный» (с 2022 г.)
1. Цель обучения	Языковая адаптация иностранных студентов, интеграция в европейское образовательное пространство	Экспорт образовательных услуг, подготовка к стандартизированному тестированию (ТРКИ)	Формирование межкультурной проф. компетенции для совместной деятельности в суверенных партнерских организациях
2. Содержание курса	Базовая грамматика, бытовая коммуникация, страноведение РФ	Стандартизированные модули для сдачи ТРКИ, унифицированные учебные комплексы	Глокализованные проф. ориентированные кейсы, диалог культур, многоязычный контекст БРИКС, ШОС и др.
3. Методы и формы	Аудиторные занятия, фронтальный контроль, индивидуальные консультации	Потоковое обучение, тест-ориентированный контроль, франчазинг курсов	Проектная деятельность, гибридные межуниверситетские коллаборации, формативное оценивание
5. Роль преподавателя	Транслятор языковой нормы, корректор ошибок	Администратор учебного процесса, эксперт по тестовым стандартам	Модератор межкультурного диалога, разработчик контекстных задач, соисследователь
6. Оценка учебных результатов	Результат ТРКИ, количество сдавших экзамен студентов, посещаемость	Количество обученных студентов, финансовая доходность курса	Портфолио совместных проектов, параметры межкультурной проф. коммуникации, рефлексивная самооценка

Источник: сост. авторами на основе дидактического анализа эволюции методик обучения РКИ.

Решение второго исследовательского вопроса, связанного с установлением системообразующего начала для разработки теоретико-методологического основания лингводидактической деятельности в парадигме ПИ, считаем целесообразным связать с лингводидактическим принципом интернационализации профессиональной подготовки специалиста, который ориентирован на «целенаправленное создание условий предметно-специализированного развития личности, в которых иностранный язык (далее – ИЯ) выступает в качестве необходимого средства формирования профессионального сознания специалиста» [5, с. 26, 27]. По своему ценностно-смысловому наполнению и содержательной конкретизации данный принцип, с нашей точки зрения, не противоречит

условиям ПИ, отражая логику и «движущие силы» профессионального развития личности в условиях высокой динамики и неоднозначности профессиональных контекстов, их опосредованности социокультурными и межкультурными факторами влияния.

В частности, в соответствии с принципом интернационализации профессиональной подготовки специалиста, в современном мире иностранный язык рассматривается в качестве важнейшего инструмента профессионального развития личности, обеспечивающего не только возможность приобщения к актуальному профессиональному знанию мирового уровня, но и – при должной организации образовательного процесса – формирование осознанного, ценностно-смыслового отношения личности к осваиваемой деятельности и ее ключевым задачам в свете глобальных и региональных вызовов, мировых тенденций научно-технологического, социально-экономического и культурного развития [5]. С нашей точки зрения, РКИ, выступающий в роли ИЯ для иностранных граждан, обладает необходимым для этого потенциалом, однако принципиальным моментом становится разработка адекватного и специфического для РКИ методического инструментария, способного реализовать предполагаемые образовательные и профессиональные возможности.

Решение третьего исследовательского вопроса направлено на конкретизацию принципа интернационализации профессиональной подготовки специалиста через систему частнометодических принципов обучения РКИ как стратегическому ресурсу инновационной образовательной деятельности в парадигме ПИ.

Теоретический анализ и концептуально-теоретический синтез релевантных научных позиций позволили предложить следующие частнометодические принципы:

– принцип ценностно-смысловой ориентации;
– принцип глокализации языкового содержания;
– принцип профессионально-контекстной интеграции;
– принцип гибридной академической коллаборации.

Принцип ценностно-смысловой ориентации предполагает, что русский язык в учебном модуле выступает не как объект формального освоения, а как проводник культурно-ценностной картины мира и инструмент равноправного диалога. Реализация принципа может достигаться через включение в содержание курса аутентичных текстов, отражающих многоконфессиональную и многокультурную специфику российского общества, а также через проблемные задания, моделирующие ситуации межкультурного согласования позиций. Принцип ценностно-смысловой ориентации согласуется с выводом С. Маргинсона о том, что глобальная деятельность университетов должна способствовать общему благу (‘Common Good’) и строиться на признании культурного разнообразия и многоязычия [6].

Принцип глокализации языкового содержания обеспечивает компромисс между глобальной коммуникативной функцией русского языка и локальной спецификой обучающихся. Д. И. Кузнецов и Н. В. Симанова определяют глокализацию как выражение компромисса между сохранением самобытных культурных особенностей и развитием в соответствии с требованиями глобального сообщества [17, с. 3]. В методике преподавания РКИ принцип может быть реализован через дифференциацию языкового материала по региональному и профессиональному профилю обучающихся (инженерный, медицинский, гуманитарный кластеры), а также через включение в курс сравнительно-сопоставительных заданий, выявляющих специфику национальной картины мира студента и русской языковой картины мира.

Принцип профессионально-контекстной интеграции ориентирует обучение РКИ на решение студентами реальных профессиональных задач на изучаемом языке. Этот принцип согласуется с аргументацией В. А. Садовничим образовательного процесса в формате подготовки кадров для обеспечения технологического суверенитета страны [20, с. 9] и кластерным подходом в построении суверенной образовательной системы, описание которой представлено исследовании Х. Чэнь и Е. В. Андрюшиной [12, с. 162]. Единицей отбора содержания обучения выступает не грамматический или лексический минимум, а профессионально-коммуникативная ситуация, например научная дискуссия, проектное совещание, техническое описание, клинический анамнез; при этом языковой материал подается как средство ее решения.

Принцип гибридной академической коллаборации предусматривает организацию учебного процесса как совместной деятельности российских и иностранных студентов, в том числе и в виртуальной среде. А. Е. Тябаев отмечает, что современные процессы интернационализации требуют развития виртуальной мобильности и сетевого межвузовского взаимодействия [13, с. 166]. Принцип может быть реализован через форматы совместных исследовательских проектов, во взаимном обучении, при выполнении парных и групповых заданий с участием студентов вузов-партнеров из стран БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Решение четвертого исследовательского вопроса связано с выявлением особенностей методической конкретизации заявленных принципов. Такая конкретизация, очевидно, требует пересмотра структурно-содержательных компонентов учебного модуля, изменения приемов, форм обучения и контроля с внедрением критериального аппарата, оценивающего не только и не столько языковую грамотность, сколько способность к совместному производству знания в межкультурной профессиональной среде. Результаты аналитико-синтетической работы представлены в табл. 2, отражающей трансформацию структурно-содержательных компонентов модуля.

Таблица 2

Трансформация структурно-содержательных компонентов учебного модуля РКИ в парадигме ПИ

Структурный компонент модуля	Традиционный подход	Подход на основе парадигмы ПИ	Методический инструмент реализации
1. Целевой	Владение лексико-грамматическим минимумом, успешная сдача ТРКИ	Способность решать профессиональные задачи в межкультурной среде на русском языке	SMART-цели для коммуникативных действий в контексте партнерства
2. Содержательный	Учебные пособия общего РКИ, стандартизованные тесты	Аутентичные материалы вузов-партнеров, профессионально-ориентированные кейсы	Банк кейсов по отраслевым направлениям (инженерия, медицина, IT, право, экономика и др.)
3. Процессуальный	Лекция → практика → контроль	Совместное проектирование продукта → языковое сопровождение → рефлексия	Формат «язык + профессия»: проектные сессии, гибридные коллаборации, кейс-стади

Окончание табл. 2

Структурный компонент модуля	Традиционный подход	Подход на основе парадигмы ПИ	Методический инструмент реализации
4. Оценочный	Тест, устный экзамен	Параметр межкультурной профессиональной компетенции + портфолио	Чек-листы, аналитические рубрики, экспертные панели, самооценка

Источник: сост. авторами.

Для оценки образовательных результатов предлагаются три взаимосвязанных критерия, каждый их которых снабжен набором измеримых индикаторов и соответствующих инструментов оценки.

1. *Когнитивно-языковой критерий* отражает точность и адекватность использования средств русского языка в профессиональном контексте. Критерий имеет следующие индикаторы:

1) корректность употребления отраслевой терминологии в письменных и устных высказываниях;

2) владение жанровыми моделями профессиональной коммуникации (аннотация, реферат, техническое описание, протокол совещания);

3) грамматическая и стилистическая адекватность текста целевому коммуникативному жанру.

Инструментами оценки когнитивно-языкового критерия являются шкалы оценивания письменных работ, устных презентаций; лингвистический анализ текстов студентов.

2. *Коммуникативно-стратегический критерий* характеризует способность обучающегося инициировать, поддерживать и завершать профессионально-ориентированное взаимодействие с учетом культурных норм партнера по коммуникации. К индикаторам этого критерия относятся следующие:

1) умение выбирать коммуникативные стратегии в ситуациях межкультурного культурного диссонанса (преодоление межкультурных барьеров);

2) способность к активному слушанию и перефразированию;

3) использование компенсаторных и корректирующих стратегий при языковых затруднениях;

4) учет прагматических особенностей профессиональной коммуникации на русском языке.

Инструментами оценивания являются шкалы оценки командного взаимодействия, проектной деятельности в смешанных группах; анализ записей учебных дискуссий.

3. *Ценностно-рефлексивный критерий* фиксирует способность обучающегося к равноправному диалогу культур и осознание роли русского языка как инструмента партнерства, а не доминирования (в отличие от англоцентричной образовательной парадигмы).

Индикаторами критерия являются:

1) способность к рефлексии собственной культурной позиции в сопоставлении с русской языковой картиной мира;

2) проявление уважения к культурному многообразию в совместной деятельности;

3) ориентация на совместное (кооперативное), а не конкурентное производство знания;

4) понимание социальной миссии специалиста в партнерской организации.

При оценивании критерия используются следующие инструменты: рефлексивное эссе (в аудитории, без гаджетов), портфолио совместных проектов, структурированные интервью, самооценочные шкалы (листы самодиагностики).

Соотношение выделенных нами принципов и критериев представлено в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение дидактических принципов и критериев

Принцип	Критерий	Эмпирический индикатор для подтверждения
1. Ценностно-смысловая ориентация обучения	Ценностно-рефлексивный	Динамика рефлексивных эссе, портфолио совместных проектов
2. Глокализация языкового содержания	Когнитивно-языковой	Корректность использования терминологии в конкретных задачах
3. Профессионально-контекстная интеграция	Когнитивно-языковой + коммуникативно-стратегический	Качество решения профессиональных кейсов в смешанных группах
4. Гибридная академическая коллаборация	коммуникативно-стратегический + ценностно-рефлексивный	Результаты виртуальных межуниверситетских проектов

Источник: сост. авторами.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило обоснованность предположения авторов о том, что стратегические образовательные приоритеты РФ нуждаются в актуализации теоретико-методологических основ лингводидактической деятельности, целостном представлении ее проблемного поля. Аргументация статуса РКИ как стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности в условиях новых реалий осуществлена в рамках адекватной актуальному социальному запросу ценностно-смысловой образовательной парадигмы ПИ (задача 1), с опорой на лингводидактический принцип интернационализации профессиональной подготовки специалиста (задача 2), посредством его конкретизации через систему частнометодических принципов обучения РКИ в парадигме ПИ (принципы ценностно-смысловой ориентации, глокализации языкового содержания, профессионально-контекстной интеграции, гибридной академической коллаборации) (задача 3), выявления особенностей методической конкретизации заявленных принципов (задача 4).

Научная новизна полученных результатов заключается в разработке теоретико-методологических положений, обосновывающих статус РКИ как стратегического ресурса инновационной образовательной деятельности в условиях ПИ. Сделан вывод о том, что РКИ обладает достаточным потенциалом для предметно-специализированного лингвосоциокогнитивного развития личности, формирования профессионального сознания современного специалиста, готового к межкультурному партнерству, осознанному выстраиванию профессиональных связей в интересах общества и государства.

Сформулированные в статье теоретические позиции и обобщающие и / или конкретизирующие их табличные материалы могут служить руководством для осознанного лингводидактического проектирования образовательного процесса преподавателем РКИ в условиях ПИ, что определяет *практическую значимость* результатов исследования.

Перспективы дальнейшей работы связаны с разработкой и опытно-экспериментальной проверкой отдельных компонентов и целостной системы обучения РКИ как стратегическому ресурсу инновационной образовательной деятельности в условиях ПИ, исследованием потенциала современных цифровых инструментов РКИ в контекстах ПИ, выявлением новых факторов влияния на возможности развития образовательной сферы.

Список источников

1. Healey N. M. Reinventing international higher education for a socially just, sustainable world // Perspectives: Policy and Practice in Higher Education. 2023. Vol. 27, № 4. P. 169–178. DOI: 10.1080/13603108.2023.2217780
2. Alpenidze O., Baguant P. Reimagining Internationalization in Higher Education: Leveraging Crisis-Driven Strategic Opportunities // International Journal of Management, Knowledge and Learning. 2025. Vol. 14. P. 43–54. DOI: 10.53615/2232-5697.14.43-54
3. Андрюшина Е. В. Перспективы формирования россиецентристской модели высшего образования // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 7–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-7-17
4. Об утверждении основ государственной языковой политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 // Президент России: [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/77431 (дата обращения: 17.03.2026).
5. Яроцкая Л. В. Лингводидактические основы интернационализации профессиональной подготовки специалиста: иностранный язык, неязыковой вуз: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва, 2013. 454 с.: ил.
6. Marginson S. Higher Education and Public and Common Good. Working paper no. 114 April 2024. Oxford: The Centre for Global Higher Education, Department of Education, University of Oxford. 44 p. URL: https://www.researchcghe.org/wp-content/uploads/migrate/wp114-1.pdf (дата обращения: 09.07.2026).
7. Marginson S. Problems of the public good in higher education: building the common amid sovereign individualism, capital and the state // Higher Education. 2025. Vol. 89. P. 29–52. DOI: 10.1007/s10734-024-01341-8
8. Knight J. Internationalisation of Higher Education. Quality and Internationalisation in Higher Education. Programme on Institutional Management in Higher Education (IMHE) of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Paris: OECD Publishing, 1999. P. 13–28. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/-reports/1999/08/quality-and-internationalisation-in-higher-education_g1gh227a/9789264173361-en.pdf (дата обращения: 09.07.2026).
9. Knight J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales // Journal of Studies in International Education. 2004. Vol. 8, № 1. P. 5–31. DOI: 10.1177/1028315303260832
10. Knight J., Wit de H. Internationalization of Higher Education: Past and Future // International Higher Education. 2018. № 95. P. 2–4. DOI: 10.6017/ihe.2018.95.10715
11. Певзнер М. Н., Ширин А. Г., Смертин И. В. Интернационализация высшего образования в период кризиса: от глобалистских тенденций к поиску национальных приоритетов // Перспективы науки и образования. 2024. № 1(67). С. 743–762. DOI: 10.32744/pse.2024.1.42

12. Чэнь Х., Андрюшина Е. В. Основные направления развития моделей интернационализации российских и китайских вузов // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 109. С. 157–166. DOI: 10.55959/MSU20701381-109-2025-157-166
13. Тябаев А. Е. Процессы интернационализации высшего образования в России: опыт тридцати лет (1992–2022) // Проблемы современного образования. 2024. № 5. С. 161–173. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-5-161-173
14. Зиневич О. В., Никитенко Е. В. Интернационализация высшего образования в России: глобализация или суверенизация? // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 11. С. 125–144. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-11-125-144
15. Beck K. Beyond Internationalization: Lessons from Post-Development // Journal of International Students. 2021. Vol. 11, Is. S1. P. 133–151.
16. Яроцкая Л. В., Фролова К. А. От интернационализации к постинтернационализации образования: диалектика смыслов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 2(847). С. 94–99. DOI: 10.52070/2500-3488_2023_2_847_94
17. Кузнецов Д. И., Симанова Н. В. Проблема развития глокальных цивилизаций в рамках глобального образовательного мира // Философия образования. 2016. № 3(66). С. 3–14. DOI: 10.15372/PHE20160301
18. Tareva E. G. Russian language in the global educational context // Lingua Multica. 2024. № 1(1). P. 29–38. URL: https://dlt.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/16/2024/05/-tareva_final.pdf (дата обращения: 06.07.2026).
19. Wit de H. Internationalization of Higher Education: The Need for a More Ethical and Qualitative Approach // Journal of International Students. 2020. Vol. 10, Is. 1. P. I–IV. URL: https://doi.org/10.32674/jis.v10i1.1893 (дата обращения: 24.03.2026).
20. Садовничий В. А. Университеты как ключевой фактор в системе подготовки кадров для обеспечения технологического суверенитета России // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2024. № 22(1). С. 9–25. DOI: 10.55959/LPEJ-24-01

References

1. Healey N. M. Reinventing International Higher Education for a Socially Just, Sustainable World. *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education.* 2023; 27(4): 169–178. DOI: 10.1080/13603108.2023.2217780
2. Alpenidze O., Baguant P. Reimagining Internationalization in Higher Education: Leveraging Crisis-Driven Strategic Opportunities. *International Journal of Management, Knowledge and Learning.* 2025; (14): 43–54. DOI: 10.53615/2232-5697.14.43-54
3. Andryushina E. V. Prospects for Forming a Russia-Centric Model of Higher Education. *Public Administration. Electronic Bulletin.* 2024; (104): 7–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-7-17
4. On Approval of the Fundamentals of the State Language Policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 11.07.2025 № 474. *President of Russia: official website.* URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/77431 (accessed date: 17.03.2026).
5. Yarotskaya L. V. Lingvodidactic foundations of internationalization of professional training of a specialist: foreign language, non-linguistic university: dis. ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow; 2013. 454 p.: ill.
6. Marginson S. Higher Education and Public and Common Good. Working paper no. 114 April 2024. Oxford: The Centre for Global Higher Education, Department of Education, University of Oxford. 44 p. URL: https://www.researchcghe.org/wp-content/uploads/migrate/wp114-1.pdf (accessed date: 09.07.2026).
7. Marginson S. Problems of the Public Good in Higher Education: Building the Common amid Sovereign Individualism, Capital and the State. *Higher Education.* 2025; (89). P. 29–52. DOI: 10.1007/s10734-024-01341-8

8. Knight J. Internationalisation of Higher Education. Quality and Internationalisation in Higher Education. Programme on Institutional Management in Higher Education (IMHE) of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Paris: OECD Publishing, 1999. P. 13–28. URL:https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/-1999/08/quality-and-internationalisation-in-higher-education_g1gh227a/9789264173361-en.pdf (accessed date: 09.07.2026).
9. Knight J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales. *Journal of Studies in International Education.* 2004; 8(1): 5–31. DOI: 10.1177/1028315303260832
10. Knight J., Wit de H. Internationalization of Higher Education: Past and Future. *International Higher Education.* 2018; (95): 2–4. DOI: 10.6017/ihe.2018.95.10715
11. Pevzner M. N., Shirin A. G., Smertin I. V. Internationalization of Higher Education in a Period of Crisis: From Globalist Trends to the Search for National Priorities. *Perspectives of Science and Education.* 2024; 1(67): 743–762. DOI: 10.32744/pse.2024.1.57
12. Chen H., Andryushina E. V. Main Directions for the Development of Internationalization Models of Russian and Chinese Universities. *Public Administration. Electronic Bulletin.* 2025; (109): 157–166. DOI: 10.55959/MSU20701381-109-2025-157-166
13. Tyabaev A. E. Processes of Internationalization of Higher Education in Russia: Thirty Years of Experience (1992–2022). *Problems of Modern Education.* 2024; (5): 161–173. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-5-161-173
14. Zinevich O. V., Nikitenko E. V. Internationalization of Higher Education in Russia: Globalization or Sovereignization? *Higher Education in Russia.* 2025; 34(11): 125–144. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-11-125-144
15. Beck K. Beyond Internationalization: Lessons from Post-Development. *Journal of International Students.* 2021; 11(S1): 133–151. DOI: 10.32674/jis.v11iS1.3278
16. Yarotskaya L. V., Frolova K. A. From Internationalization to Post-Internationalization of Education: Dialectics of Meanings. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences.* 2023; 2(847): 94–99. DOI: 10.52070/2500-3488_2023_2_847_94
17. Kuznetsov D. I., Simanova N. V. The Problem of Developing Glocal Civilizations within the Global Educational World. *Philosophy of Education.* 2016; 3(66): 3–14. DOI: 10.15372/PHE20160301
18. Tareva E. G. Russian Language in the Global Educational Context. *Lingua Multica.* 2024; 1(1): 29–38. URL: https://dlt.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/16/2024/05/tareva_final.pdf (accessed date: 06.07.2026).
19. Wit de H. Internationalization of Higher Education: The Need for a More Ethical and Qualitative Approach. *Journal of International Students.* 2020; 10(1): i–iv. URL: https://doi.org/10.32674/jis.v10i1.1893 (accessed date: 24.03.2026).
20. Sadovnichiy V. A. Universities as a Key Factor in the System of Personnel Training for Ensuring Russia's Technological Sovereignty. *Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education.* 2024; 22(1): 9–25. DOI: 10.55959/LPEJ-24-01

Информация об авторах:

Яроцкая Людмила Владимировна, д-р пед. наук, профессор каф. специальной лингвистической подготовки (№ 62), ФГАОУ ВО «НИЯУ “МИФИ”», г. Москва, lvyar@yandex.ru

Криницкая Марина Юрьевна, канд. филол. наук, доцент каф. русского языка Института педагогики и лингвистики, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Marina.Krinitskaya@vvsu.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/126-138
EDN: https://elibrary.ru/LAQHIB

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
31.03.2026	05.06.2026	03.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 139–151
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 139–151

Научная статья
УДК 378.147
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/139-151
EDN: https://elibrary.ru/GVWQZZ

Развивающий потенциал peer-наставничества магистрантов и эффект протеже в сопровождении проектной деятельности бакалавров

Бернавская Майя Владимировна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург. Россия

Аннотация. *Актуальность исследования определяется широким привлечением магистрантов к сопровождению проектной деятельности бакалавров при недостаточной теоретической проработанности развивающего действия этой роли для самого магистранта. Предметом исследования выступает развивающий потенциал peer-наставничества магистрантов как обучающей стороны равноправного взаимодействия в фасилитированном проектном обучении. Цель работы состоит в теоретическом обосновании эффекта протеже и peer-наставничества в качестве механизма профессионально-педагогического развития магистранта. Методология носит теоретический характер и опирается на концептуальный синтез традиций равноправного обучения, социального научения, культурно-исторической психологии и теории самодетерминации, а также на сравнительно-сопоставительный анализ и метод восхождения от абстрактного к конкретному. Результаты показывают, что peer-наставничество обладает двунаправленным образовательным эффектом, при котором магистрант, сопровождая бакалавров, углубляет собственное предметное и методологическое понимание, осваивает педагогическую компетентность, формирует профессиональную идентичность исследователя и укрепляет автономную профессиональную мотивацию. Ведущим механизмом развития выступает эффект протеже, дополняемый порождением объяснений, когнитивной и социальной конгруэнтностью участников и точной калибровкой поддержки в зоне ближайшего развития. Направления развития магистранта и специфика их реализации в подготовке студентов направления «Биотехнология» систематизированы и раскрыты в таблицах. Обоснованы организационно-педагогические условия устойчивой реализации двунаправленного эффекта, включающие нормативное закрепление роли, специальную подготовку, супервизию и рефлексивное сопровождение. Область применения результатов охватывает проектирование систем сопровождения проектной деятельности и разработку магистерских программ с педагогической практикой наставничества. Новизна исследования состоит в обосновании peer-наставничества как самостоятельного механизма профессионально-педагогического развития магистранта, а не только средства поддержки бакалавров.*

Ключевые слова**:** *peer-наставничество, равноправное обучение, эффект протеже, магистрант-модератор, проектное обучение, профессионально-педагогическое развитие, зона ближайшего развития, когнитивная конгруэнтность, биотехнология, высшее образование*

Для цитирования: *Бернавская М. В. Развивающий потенциал peer-наставничества магистрантов и эффект протеже в сопровождении проектной деятельности бакалавров // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 139–151. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/139-151. EDN: https://elibrary.ru/GVWQZZ*

© Бернавская М. В., 2026

Original article

The developmental potential of peer mentoring of master-degree students and the protege effect in supporting the project activity of bachelors

Maya V. Bernavskaya
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg. Russia

Abstract. *The relevance of the research is determined by the wide involvement of master-degree students in supporting the project activity of bachelors while the developmental effect of this role for the master-degree student remains theoretically underexplored. The subject is the developmental potential of peer mentoring provided by master-degree students as the teaching side of a reciprocal interaction in facilitated project-based learning. The aim is a theoretical substantiation of the protege effect and of peer mentoring as a mechanism of the professional and pedagogical development of a master-degree student. The methodology is theoretical and relies on a conceptual synthesis of peer learning, social learning, cultural-historical psychology and self-determination theory. The results show that peer mentoring has a bidirectional effect in which a master-degree student, supporting bachelors, deepens their own subject and methodological understanding, masters pedagogical competence, forms the professional identity of a researcher and strengthens autonomous motivation. The leading mechanism is the protege effect, complemented by the generation of explanations, the cognitive and social congruence of the participants and the calibration of support within the zone of proximal development. The novelty lies in substantiating peer mentoring as an independent mechanism of professional and pedagogical development rather than only a means of supporting bachelors.*

Keywords**:** *peer mentoring, peer learning, the protege effect, master-degree moderator, project-based learning, professional and pedagogical development, zone of proximal development, cognitive congruence, biotechnology, higher education*

For citation: *Bernavskaya M. V. The developmental potential of peer mentoring of master-degree students and the protege effect in supporting the project activity of bachelors // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 139–151. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/139-151. EDN: https://elibrary.ru/GVWQZZ*

Введение

Цифровая трансформация высшего образования и внедрение генеративных систем в подготовку специалистов повысили требования к качеству сопровождения проектной деятельности, в том числе в области биотехнологии [1]. Проектное обучение выступает ведущим средством формирования профессиональных компетенций, а метааналитические данные подтверждают его положительное влияние на учебную мотивацию [2] и на становление профессионально значимых умений в инженерном образовании [3]. Вместе с тем при массовом внедрении оно обнаруживает устойчивые затруднения, среди которых дефицит индивидуального сопровождения, недостаточная самостоятельность студентов младших курсов и значительная познавательная и статусная дистанция между преподавателем и студентом, затрудняющая доверительный образовательный диалог.

Распространенным ответом на эти затруднения стало привлечение магистрантов к сопровождению проектной деятельности бакалавров в модели фасилитированного проектного обучения [4]. Однако такое привлечение трактуется преимущественно как способ восполнить дефицит преподавательского ресурса, при котором магистрант рассматривается в качестве вспомогательного исполнителя, а развивающий потенциал роли сопровождающего для его собственного становления остается вне систематического анализа. Между тем новейшие обзоры равноправного обучения

в высшей школе устойчиво фиксируют образовательные приобретения обучающей стороны [5].

Актуальность исследования определяется противоречием между широким использованием магистрантов в сопровождении бакалаврских проектов и слабой проработанностью механизмов, посредством которых эта роль содействует профессионально-педагогическому развитию самого магистранта. Научный тезис состоит в том, что peer-наставничество магистрантов обладает двунаправленным образовательным эффектом и выступает самостоятельным механизмом их профессионально-педагогического развития, а не только средством поддержки бакалавров. Ведущим основанием этого механизма служит эффект протеже, согласно которому подготовка к обучению другого побуждает сопровождающего к более глубокому освоению предметного содержания, чем изучение того же материала для собственного применения [6].

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании эффекта протеже и peer-наставничества как механизма профессионально-педагогического развития магистранта-модератора в проектном обучении студентов технического вуза на материале направления подготовки «Биотехнология». *Задачи* включают характеристику peer-наставничества как формы равноправного обучения, описание психологических механизмов обучающего эффекта, систематизацию направлений развития магистранта и раскрытие специфики его подготовки в проектной деятельности студентов-биотехнологов с обоснованием организационно-педагогических условий устойчивой реализации двунаправленного эффекта.

Предметом исследования выступает развивающий потенциал peer-наставничества магистрантов как обучающей стороны равноправного взаимодействия в фасилитированном проектном обучении, а предметная фокусировка сосредоточена на механизмах профессионально-педагогического развития магистранта-наставника. Научную базу образуют пять групп работ. Первую группу составляют труды по педагогической фасилитации, восходящие к гуманистической психологии К. Роджерса [7]. Вторую группу образуют исследования равноправного обучения, включающие типологию и результативность равноправного репетиторства в высшей школе [8], анализ его тенденций [9] и представление о когнитивной и социальной конгруэнтности участников [10]. Третью группу составляют исследования психологических механизмов обучающего эффекта, включая эффект протеже [6], сопоставление реального обучения и его ожидания [11], метаанализ обучения через создание учебных материалов [12], обзор механизмов обучения через преподавание [13] и теорию социального научения А. Бандуры [14]. Четвертую группу образуют труды по культурно-исторической психологии Л. С. Выготского [15] и работы по теории самодетерминации, включающие классическое обоснование потребностей [16], современное развитие теории [17], метаанализ связи мотивации с образовательными результатами [18], метаанализ условий ее формирования [19], обобщение данных о поддержке потребностей [20] и отечественное осмысление проблематики достижения [21]. Пятую группу составляют новейшие обзоры образовательных приобретений обучающей стороны [22], обобщение практики равноправного преподавания [23], разработка процедур равноправного оценивания преподавания [24], работы о рисках недобросовестного применения генеративных систем [25] и об обучении как порождающей стратегии в цифровой среде [26], а также исследования М. В. Бернавской и Н. А. Клещевой о цифровой этике генеративных систем и интеграции искусственного интеллекта в инженерное образование [1].

Анализ обнаруживает три противоречия. Первое противоречие складывается между широким использованием магистрантов в сопровождении и отсутствием обоснования их собственного развития в этой роли. Второе противоречие состоит в несоответствии между трактовкой сопровождения как технической помощи преподавателю и его педагогической функцией, обладающей самостоятельной образовательной ценностью [24]. Третье противоречие обнаруживается между эмпирически подтвержденной продуктивностью равноправного обучения и слабой разработанностью механизмов его действия на обучающую сторону. Авторская позиция состоит в том, что peer-наставничество не сводится к восполнению дефицита преподавательского ресурса; представляет собой особую образовательную практику, в ходе которой магистрант, помогая бакалаврам, одновременно углубляет предметное и методологическое понимание, осваивает педагогическую компетентность и формирует профессиональную идентичность исследователя, а двунаправленность этого эффекта составляет его сущностную характеристику.

Методы исследования. Методология носит теоретический характер. Теоретический анализ применен для выявления эвристического потенциала традиций равноправного обучения, социального научения, культурно-исторической психологии и теории самодетерминации; сравнительно-сопоставительный анализ обеспечил установление их взаимодополняемости; концептуальный синтез позволил интегрировать их положения в непротиворечивое основание; метод восхождения от абстрактного к конкретному дал переход от общих положений к характеристике механизмов и их предметной конкретизации в подготовке студентов-биотехнологов; структурно-функциональный анализ применен для систематизации направлений развития и организационно-педагогических условий их реализации. Методологическими ориентирами послужили принципы системности и деятельностного подхода, разработанные в трудах В. В. Краевского [27] и А. М. Новикова совместно с Д. А. Новиковым [28].

Основная часть

Peer-наставничество как форма равноправного обучения и конгруэнтность участников

Peer-наставничество магистрантов представляет собой разновидность равноправного обучения, при которой более продвинутый обучающийся содействует освоению содержания менее продвинутыми и сам достигает более прочного научения. К. Топпинг устанавливает выигрыш обеих сторон и сопоставимость результативности такого сопровождения с преподаванием эксперта [8] и подчеркивает двунаправленность взаимодействия, при которой обучающая сторона приобретает не меньше обучаемой [9]. Продуктивность peer-наставничества объясняется конгруэнтностью участников. Когнитивная конгруэнтность состоит в близости понятийного аппарата и способов рассуждения, благодаря чему наставник объясняет содержание на доступном уровне и точнее предвидит затруднения, а социальная конгруэнтность выражается в близости статусов и опыта, что снижает тревожность обучаемого и создает психологически безопасную среду для вопросов [10]. Малая дистанция между магистрантом и бакалавром обеспечивает высокую конгруэнтность, недостижимую в паре преподаватель и студент младшего курса.

Новейшие систематические обзоры подтверждают усиление результатов именно обучающей стороны. Обзор образовательных приобретений студентов-преподавателей фиксирует укрепление предметного знания, педагогических умений

и уверенности в собственных силах [5]. Исследование результатов peer-наставников устанавливает вклад роли в формирование профессиональной идентичности и метапредметных умений [22]. Обобщение практики равноправного преподавания подтверждает выигрыш как обучаемых, так и обучающих участников [23]. Совокупность этих данных обосновывает рассмотрение peer-наставничества как двунаправленной образовательной практики.

Психологические механизмы обучающего эффекта и эффекта протеже

Развивающее действие peer-наставничества обеспечивается тремя взаимосвязанными механизмами. Первым механизмом выступает порождение объяснений. Необходимость изложить содержание другому побуждает наставника извлекать знание из памяти, восстанавливать логические связи и приводить материал в обоснованную форму. Л. Фиорелла и Р. Майер установили, что реальное обучение других превосходит по эффекту ожидание предстоящего обучения, а решающим фактором выступает активное порождение объяснений [11]. Метаанализ обучения через создание учебных материалов подтверждает устойчивость этого эффекта на значительном массиве исследований [12]; обзор механизмов обучения через преподавание раскрывает метакогнитивную переработку знания как ведущий его источник [13], а действенность обучения как порождающей стратегии сохраняется и в цифровой образовательной среде [26]. Развивающий эффект достигается, таким образом, не назначением роли, а деятельным исполнением наставнических функций.

Вторым и центральным механизмом выступает эффект протеже [6]. Обучающиеся, готовящиеся учить других, обнаруживают более высокую мотивацию, прилагают большее усилие и достигают более глубокого понимания предметного содержания, чем изучающие тот же материал для проверки собственных знаний. Принятие ответственности за развитие другого порождает у магистранта потребность в основательном освоении методологии проектирования и предметного содержания, а ожидание вопросов бакалавров превращает необходимость объяснять материал в стимул познавательной переработки, преобразующей фрагментарное и неявное знание в связное и отрефлексированное.

Третьим механизмом выступает моделирование в русле теории социального научения А. Бандуры [14]. Необходимость служить внятным и воспроизводимым образцом профессионального мышления побуждает магистранта к более осознанному выстраиванию собственных познавательных действий. Значимость механизма возрастает при сопровождении работы с генеративными системами, поскольку ненадежность их результатов делает демонстрацию критической проверки обязательным элементом сопровождения [25], а сама эта демонстрация укрепляет цифровую профессиональную грамотность наставника, что согласуется с принципами ответственного применения искусственного интеллекта при подготовке специалистов [1].

Культурно-историческая психология Л.С. Выготского объясняет, почему равноправное сопровождение развивает обе стороны взаимодействия. Зона ближайшего развития как расхождение между уровнем самостоятельного решения задач и уровнем их решения в сотрудничестве с более компетентным участником раскрывает механизм, посредством которого совместная деятельность содействует созреванию складывающихся психических функций [15]. Магистрант, находящийся в непосредственной зоне ближайшего развития относительно бакалавра, точнее определяет границы его актуальных и потенциальных возможностей и оказывает адресную

поддержку. Точная калибровка помощи требует распознавания познавательного состояния другого и удержания баланса между содействием и самостоятельностью, а ее формирование составляет самостоятельную линию развития магистранта. Артикулируя собственные познавательные действия и приспосабливая объяснения к уровню понимания бакалавра, магистрант развивает метакогнитивную осознанность, т. е. способность наблюдать и регулировать собственное мышление, вследствие чего деятельность по развитию бакалавра оборачивается развитием самого магистранта.

Систематизация развивающего действия peer-наставничества позволяет выделить четыре взаимосвязанных направления профессионально-педагогического развития магистранта (табл. 1).

Таблица 1

Направления профессионально-педагогического развития магистранта-модератора в peer-наставничестве

Направление развития	Ведущий механизм	Теоретическое основание	Наблюдаемые индикаторы
Углубление предметного и методологического понимания	Порождение объяснений, эффект протеже	Исследования эффекта протеже [6] и обучения через объяснение [11]	Системность и обоснованность предметных суждений, полнота методологической аргументации
Становление педагогической компетентности	Освоение приемов фасилитации в практике сопровождения	Гуманистическая концепция фасилитации [7]	Владение открытыми вопросами, рефлексивным слушанием, безоценочной обратной связью, дозированием помощи
Формирование профессиональной идентичности исследователя	Рефлексия и артикуляция опыта в позиции наставника	Данные о вкладе роли peer-наставника в идентичность [22]	Устойчивое самоопределение в научно-исследовательской сфере, принятие ответственности за развитие других
Укрепление автономной профессиональной мотивации	Удовлетворение потребностей в автономии, компетентности и связанности	Теория самодетерминации [17]	Рост показателей автономной регуляции, переживание компетентности и включенности в сообщество

Примечание: сост. авторами.

Первое направление составляет углубление предметного и методологического понимания. Необходимость объяснять бакалаврам методологию проектирования, помогать в постановке исследовательских вопросов и сопровождать работу с научной литературой побуждает магистранта к упорядочению собственного знания, а эффект протеже обеспечивает переход к его системному и отрефлексированному освоению [5].

Второе направление образует становление педагогической компетентности. Магистрант осваивает приемы недирективной фасилитации, техники открытых вопросов, рефлексивного слушания и безоценочной обратной связи [7], а также умения

распознавать затруднения обучающегося и соразмерно дозировать помощь, что образует практический результат прохождения педагогической практики.

Третье направление составляет формирование профессиональной идентичности исследователя. Рефлексия собственного опыта проектной деятельности и его артикуляция в позиции наставника содействуют становлению магистранта как самостоятельного субъекта научно-исследовательской деятельности и укрепляют переживание собственной компетентности [22].

Четвертое направление образует укрепление автономной профессиональной мотивации через удовлетворение базовых психологических потребностей. Согласно теории самодетерминации, устойчивая внутренняя мотивация формируется при удовлетворении потребностей в автономии, компетентности и связанности [16], современное развитие теории уточняет условия действия этой закономерности в образовании [17], а метааналитические данные подтверждают связь автономной мотивации с образовательными результатами [18] и определяющую роль поддержки потребностей [19]. Выполнение роли наставника удовлетворяет потребность в компетентности, включенность в педагогическое сообщество удовлетворяет потребность в связанности, а самостоятельность в выборе форм сопровождения поддерживает потребность в автономии [20], что раскрыто в отечественных исследованиях мотивации достижения [21].

Раскрытые механизмы и направления развития приобретают предметную определенность в подготовке студентов направления «Биотехнология», проектная деятельность которых сочетает лабораторный эксперимент, работу с большими массивами биологических данных и обращение к специализированным базам, что предъявляет повышенные требования к достоверности используемой информации и обоснованности решений [2]. Специфика содержания наставнической поддержки и процедур проверки информации систематизирована в табл. 2.

Таблица 2

Специфика peer-наставничества и проверки информации в проектной подготовке студентов направления «Биотехнология»

Область биотехнологии	Типовые проектные задачи	Содержание наставнической поддержки	Практики проверки при работе с генеративными системами
Генная и клеточная инженерия	Проектирование генетических конструкций, подбор векторов	Планирование эксперимента, разбор лабораторных протоколов	Сверка предсказанных последовательностей и сайтов рестрикции с референсными базами
Биоинформатика	Анализ геномных и белковых данных, аннотирование последовательностей	Освоение программных инструментов, разбор алгоритмов обработки	Проверка выводов по первичным данным и специализированным ресурсам
Промышленная и ферментационная биотехнология	Подбор условий культивирования, оптимизация сред	Постановка параметров, обсуждение экспериментальных результатов	Сверка рекомендованных режимов со справочными и опытными данными

Окончание табл. 2

Область биотехнологии	Типовые проектные задачи	Содержание наставнической поддержки	Практики проверки при работе с генеративными системами
Медицинская и фармацевтическая биотехнология	Разработка биопрепаратов, оценка биобезопасности	Работа с нормативной и регуляторной документацией	Проверка регуляторных и клинических утверждений по официальным источникам
Биоэтика и биобезопасность	Анализ этических аспектов проектных решений	Организация этической рефлексии и обсуждение ответственности	Критическая проверка этических и правовых суждений генеративных систем

Примечание: сост. автором на основе принципов цифровой этики подготовки специалистов-биотехнологов [1].

Приведенная конкретизация показывает, что peer-наставничество студентов-биотехнологов включает обучение процедурам верификации, обращению к специализированным базам данных и ответственному применению генеративных систем, вследствие чего наставник осваивает предметно-специфические практики критической проверки, а его цифровая профессиональная грамотность и методологическая культура возрастают [29].

Устойчивая реализация двунаправленного эффекта требует специального организационно-педагогического обеспечения. Первым условием выступает нормативное закрепление роли магистранта-наставника как педагогической практики, зачитываемой в учебном плане, что преобразует сопровождение бакалавров из эпизодической занятости в признанный компонент профессиональной подготовки, а закрепление функций и ответственности наставника защищает его от неоправданной перегрузки [4]. Вторым условием служит специальная подготовка магистрантов, включающая освоение приемов фасилитации, техник обратной связи и процедур критической проверки информации нейросетевых систем, что отвечает задачам интеграции искусственного интеллекта в инженерно-технологическую подготовку [29]. Третьим условием выступает систематическая супервизия со стороны преподавателя-методолога, обеспечивающая методическую поддержку магистрантов и пространство рефлексии ими собственного педагогического опыта, что согласуется с представлением о равноправном оценивании преподавания как самостоятельной профессиональной практике [24]. Четвертым условием служит рефлексивное сопровождение деятельности наставника, поскольку метакогнитивная переработка составляет ведущий источник обучающего эффекта [13].

Реализация названных условий предполагает учет возможных рисков. Избыточная нагрузка магистранта, совмещающего сопровождение бакалавров с освоением магистерской программы и собственной исследовательской деятельностью, способна снизить качество как сопровождения, так и его обучения. Ролевая неопределенность при нечетком разграничении функций магистранта и преподавателя порождает напряжение, а недостаточная супервизия увеличивает вероятность закрепления неэффективных приемов сопровождения. Учет этих рисков и своевременное педаго-

гическое регулирование обеспечивают устойчивость двунаправленного эффекта peer-наставничества.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволяет заключить, что peer-наставничество магистрантов в модели фасилитированного проектного обучения обладает двунаправленным образовательным эффектом и выступает самостоятельным механизмом их профессионально-педагогического развития, а не только средством поддержки бакалавров. Ведущими механизмами развития выступают порождение объяснений, эффект протеже и моделирование, а условием их действия служит когнитивная и социальная конгруэнтность участников, обеспечивающая точную калибровку поддержки в зоне ближайшего развития.

Развивающее действие реализуется по четырем направлениям, включающим углубление предметного и методологического понимания, становление педагогической компетентности, формирование профессиональной идентичности исследователя и укрепление автономной профессиональной мотивации через удовлетворение базовых психологических потребностей. Применительно к направлению «Биотехнология» эти направления конкретизируются в освоении наставником процедур верификации биологических данных и ответственного применения генеративных систем.

Научная новизна состоит в обосновании peer-наставничества не как ресурса восполнения дефицита сопровождения бакалавров, а как самостоятельного механизма профессионально-педагогического развития магистранта, а также в интеграции эффекта протеже, механизма порождения объяснений, теории социального научения и представлений о когнитивной конгруэнтности и зоне ближайшего развития в целостное объяснение двунаправленного действия peer-наставничества и в предметной конкретизации направлений развития в подготовке студентов-биотехнологов, представленной в двух таблицах. Теоретическая значимость заключается в развитии представлений о равноправном обучении в высшей школе через раскрытие механизмов развития обучающей стороны, а практическая значимость состоит в применимости выводов при проектировании систем сопровождения проектной деятельности и разработке магистерских программ с педагогической практикой наставничества. Перспективы дальнейшего исследования связаны с эмпирической проверкой выявленных механизмов и разработкой диагностического инструментария для оценки профессионально-педагогического развития магистрантов-наставников.

Список источников

1. Бернавская М. В., Клещева Н. А. Принципы цифровой этики использования генеративных моделей искусственного интеллекта при подготовке специалистов в области биотехнологии // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 6. URL: https://mir-nauki.com (дата обращения: 01.09.2026).
2. The effects of problem-based, project-based, and case-based learning on students' motivation: a meta-analysis / L. Wijnia, G. Noordzij, L. R. Arends [et al.] // Educational Psychology Review. 2024. Vol. 36, № 1. Art. 29. DOI: 10.1007/s10648-024-09864-3
3. Lavado-Anguera S., Velasco-Quintana P.-J., Terrón-López M.-J. Project-based learning as an experiential pedagogical methodology in engineering education: a review of the literature // Education Sciences. 2024. Vol. 14, № 6. Art. 617. DOI: 10.3390/educsci14060617
4. Бернавская М. В., Клещева Н. А. Модель фасилитированного проектного обучения с применением нейросетевых технологий в техническом вузе // Научно-методический элек-

тронный журнал «Концепт». 2026. № 1. С. 340–353. URL: https://e-koncept.ru (дата обращения: 01.09.2026).
5. Peer teaching in undergraduate medical education: what are the learning outputs for the student-teachers? A systematic review / M. A. Tanveer, T. Mildestvedt, I. G. Skjærseth [et al.] // Advances in Medical Education and Practice. 2023. Vol. 14. P. 723–739. DOI: 10.2147/AMEP.S401766
6. Teachable agents and the protégé effect: increasing the effort towards learning / C. C. Chase, D. B. Chin, M. A. Oppezzo, D. L. Schwartz // Journal of Science Education and Technology. 2009. Vol. 18, № 4. P. 334–352. DOI: 10.1007/s10956-009-9180-4
7. Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться / пер. с англ. А. Б. Орлова. Москва: Смысл, 2002. 527 с.
8. Topping K. J. The effectiveness of peer tutoring in further and higher education: a typology and review of the literature // Higher Education. 1996. Vol. 32, № 3. P. 321–345. DOI: 10.1007/BF00138870
9. Topping K. J. Trends in peer learning // Educational Psychology. 2005. Vol. 25, № 6. P. 631–645. DOI: 10.1080/01443410500345172
10. Ten Cate O., Durning S. Dimensions and psychology of peer teaching in medical education // Medical Teacher. 2007. Vol. 29, № 6. P. 546–552. DOI: 10.1080/01421590701583816
11. Fiorella L., Mayer R. E. The relative benefits of learning by teaching and teaching expectancy // Contemporary Educational Psychology. 2013. Vol. 38, № 4. P. 281–288. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2013.06.001
12. Ribosa J., Duran D. Do students learn what they teach when generating teaching materials for others? A meta-analysis through the lens of learning by teaching // Educational Research Review. 2022. Vol. 37. Art. 100475. DOI: 10.1016/j.edurev.2022.100475
13. Learning-by-teaching without audience presence or interaction: when and why does it work? / A. Lachner, V. Hoogerheide, T. Van Gog, A. Renkl // Educational Psychology Review. 2022. Vol. 34, № 2. P. 575–607. DOI: 10.1007/s10648-021-09643-4
14. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург: Евразия, 2000. 320 с.
15. Выготский Л. С. Мышление и речь. Москва: Лабиринт, 1999. 352 с.
16. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55, № 1. P. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68
17. Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: definitions, theory, practices, and future directions // Contemporary Educational Psychology. 2020. Vol. 61. Art. 101860. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101860
18. Student motivation and associated outcomes: a meta-analysis from self-determination theory / J. L. Howard, J. Bureau, F. Guay [et al.] // Perspectives on Psychological Science. 2021. Vol. 16, № 6. P. 1300–1323. DOI: 10.1177/1745691620966789
19. Pathways to student motivation: a meta-analysis of antecedents of autonomous and controlled motivations / Ju. S. Bureau, J. L. Howard, Ja. X. Y. Chong, F. Guay // Review of Educational Research. 2022. Vol. 92, № 1. P. 46–72. DOI: 10.3102/00346543211042426
20. Self-determination theory applied to physical education: a systematic review and meta-analysis / D. Vasconcellos, Ph. D. Parker, T. Hilland [et al.] // Journal of Educational Psychology. 2020. Vol. 112, № 7. P. 1444–1469. DOI: 10.1037/edu0000420
21. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. В кн.: Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. Москва: Смысл: Academia. 2006. С. 123–172.
22. Learning outputs for peer teachers in undergraduate medical education / I. G. Skjærseth, T. Mildestvedt, A. Bonnevier [et al.] // Medical Science Educator. 2025. DOI: 10.1007/s40670-025-02365-0

23. How can peer teaching influence the development of medical students? a descriptive, longitudinal interview study / M. Avonts, K. Bombeke, N.R. Michels [et al.] // BMC Medical Education. 2023. Vol. 23. Art. 861. DOI: 10.1186/s12909-023-04801-4
24. Cutroni L., Paladino A. Peer-ing in: a systematic review and framework of peer review of teaching in higher education // Teaching and Teacher Education. 2023. Vol. 133. Art. 104302. DOI: 10.1016/j.tate.2023.104302
25. Cotton D.R.E., Cotton P.A., Shipway J.R. Chatting and cheating: ensuring academic integrity in the era of ChatGPT // Innovations in Education and Teaching International. 2024. Vol. 61, № 2. P. 228–239. DOI: 10.1080/14703297.2023.2190148
26. Investigating the effect of teaching as a generative learning strategy when learning through desktop and immersive virtual reality / S. Klingenberg, M.L.M. Jørgensen, G. Dandanell [et al.] // British Journal of Educational Technology. 2020. Vol. 51, № 6. P. 2115–2138. DOI: 10.1111/bjet.13029
27. Краевский В. В. Методология педагогики: пособие для педагогов-исследователей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 244 с.
28. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. Москва: Либроком, 2010. 280 с.
29. Бернавская М. В., Воронцова Е. В. Интеграция искусственного интеллекта в педагогические методологии инженерного образования: российский и международный опыт // Высшее образование в меняющемся мире: современные тенденции развития и реформирования: коллективная монография / С.Н. Лосева, Л.В. Юркина, Р.М. Шерайзина [и др.]. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (Изд-во "Зебра"), 2025. С. 275–285.

References

1. Bernavskaya M. V., Kleshcheva N. A. Principles of digital ethics for the use of generative artificial intelligence models in training biotechnology specialists. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2025; 13(6). URL: https://mir-nauki.com (accessed date: 01.09.2026).
2. The effects of problem-based, project-based, and case-based learning on students' motivation: A meta-analysis / L. Wijnia, G. Noordzij, L.R. Arends [et al.]. *Educational Psychology Review*. 2014; 36(1): Art. 29. DOI: 10.1007/s10648-024-09864-3
3. Lavado-Anguera, S., Velasco-Quintana P.-J., Terrón-López M.-J. Project-based learning as an experiential pedagogical methodology in engineering education: A review of the literature. *Education Sciences*. 2024; 14(6): Art. 617. DOI: 10.3390/educsci14060617
4. Bernavskaya M. V., Kleshcheva N. A. A model of facilitated project-based learning using neural network technologies in a technical university. *Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"*. 2026; (1): 340–353. URL: https://e-koncept.ru (accessed date: 01.09.2026).
5. Peer teaching in undergraduate medical education: What are the learning outputs for the student-teachers? A systematic review / M. A. Tanveer, T. Mildestvedt, I. G. Skjærseth [et al.]. *Advances in Medical Education and Practice.* 2023; (14): 723–739. DOI: 10.2147/AMEP.S401766
6. Teachable agents and the protégé effect: Increasing the effort towards learning / C.C. Chase, D.B. Chin, M.A. Oppezzo, D.L. Schwartz. *Journal of Science Education and Technology*. 2009; 18(4): 334–352. DOI: 10.1007/s10956-009-9180-4
7. Rogers, C., Freiberg, J. Freedom to Learn / trans. from English by A.B. Orlov. Moscow: Smysl; 2002. 527 p.
8. Topping K.J. The effectiveness of peer tutoring in further and higher education: A typology and review of the literature. *Higher Education*. 1996; 32(3): 321–345. DOI: 10.1007/BF00138870
9. Topping K.J. Trends in peer learning. *Educational Psychology*. 2005; 25(6): 631–645. DOI: 10.1080/01443410500345172

10. Ten Cate O., Durning S. Dimensions and psychology of peer teaching in medical education. *Medical Teacher*. 2007; 29(6): 546–552. DOI: 10.1080/01421590701583816
11. Fiorella L., Mayer R. E. The relative benefits of learning by teaching and teaching expectancy. *Contemporary Educational Psychology*. 2013; 38(4): 281–288. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2013.06.001
12. Ribosa J., Duran D. Do students learn what they teach when generating teaching materials for others? A meta-analysis through the lens of learning by teaching. *Educational Research Review*. 2022; (37): Art. 100475. DOI: 10.1016/j.edurev.2022.100475
13. Learning-by-teaching without audience presence or interaction: When and why does it work? / A. Lachner, V. Hoogerheide, T. Van Gog, A. Renkl. *Educational Psychology Review*. 2022; 34(2): 575–607. DOI: 10.1007/s10648-021-09643-4
14. Bandura A. Social Learning Theory. St. Petersburg: Eurasia; 2000. 320 p.
15. Vygotsky L. S. Thinking and Speech. Moscow: Labirint; 1999. 352 p.
16. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000; 55(1): 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68
17. Ryan R. M., Deci E. LIntrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*. 2020; (61): Art. 101860. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101860
18. Student motivation and associated outcomes: A meta-analysis from self-determination theory / J. L. Howard, J. Bureau, F. Guay [et al.]. *Perspectives on Psychological Science*. 2021; 16(6): 1300–1323. DOI: 10.1177/1745691620966789
19. Pathways to student motivation: A meta-analysis of antecedents of autonomous and controlled motivations / Ju. S. Bureau, J. L. Howard, Ja. X. Y. Chong, F. Guay. *Review of Educational Research*. 2022; 92(1): 46–72. DOI: 10.3102/00346543211042426
20. Self-determination theory applied to physical education: A systematic review and meta-analysis / D. Vasconcellos, Ph. D. Parker, T. Hilland [et al.]. *Journal of Educational Psychology*. 2020; 112(7): 1444–1469. DOI: 10.1037/edu0000420
21. Gordeeva T. O. E. Deci and R. Ryan's Self-Determination Theory. Gordeeva T. O. Psychology of Achievement Motivation: A Textbook for University Students Majoring in Psychology. Moscow: Smysl: Academia; 2006. P. 123–172.
22. Learning outputs for peer teachers in undergraduate medical education / I. G. Skjærseth, T. Mildestvedt, A. Bonnevier [et al.]. *Medical Science Educator*. 2025. DOI: 10.1007/s40670-025-02365-0
23. How can peer teaching influence the development of medical students? a descriptive, longitudinal interview study / M. Avonts, K. Bombeke, N. R. Michels [et al.]. *BMC Medical Education*. 2023; (23): Art. 861. DOI: 10.1186/s12909-023-04801-4
24. Cutroni L., Paladino A. Peer-ing in: A systematic review and framework of peer review of teaching in higher education. *Teaching and Teacher Education*. 2023; (133): Art. 104302. DOI: 10.1016/j.tate.2023.104302
25. Cotton D. R. E., Cotton P. A., Shipway J. R. Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT. *Innovations in Education and Teaching International*. 2024; 61(2): 228–239. DOI: 10.1080/14703297.2023.2190148
26. Investigating the effect of teaching as a generative learning strategy when learning through desktop and immersive virtual reality / S. Klingenberg, M. L. M. Jørgensen, G. Dandanell [et al.]. *British Journal of Educational Technology*. 2020; 51(6): 2115–2138. DOI: 10.1111/bjet.13029
27. Kraevsky V. V. Methodology of pedagogy: A guide for educational researchers. Cheboksary: Chuvash University Press; 2001. 244 p.
28. Novikov A. M., Novikov D. A. Methodology of scientific research. Moscow: Librocom; 2010. 280 p.

29. Bernavskaya M. V., Vorontsova E. V. Integration of Artificial Intelligence into Pedagogical Methodologies of Engineering Education: Russian and International Experience. *Higher Education in a Changing World: Modern Trends in Development and Reform: Collective Monograph* / S. N. Loseva, L. V. Yurkina, R. M. Sherayzina [et al.]. Ulyanovsk: Individual Entrepreneur Kenshenskaya Viktoriya Valeryevna (Zebra Publishing House); 2025. P. 275–285.

Информация об авторе:

Бернавская Майя Владимировна, канд. пед. наук, доцент каф. иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, bernavskaya@mail.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/139-151
EDN: https://elibrary.ru/GVWQZZ

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
07.07.2026	14.07.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 152–168
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 152–168

Научная статья
УДК 378+37.0+316.752
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/152-168
EDN: https://elibrary.ru/LGCRBY

Особенности передачи семейных ценностей и традиций современными студентами в контексте патриотического воспитания детей*

Малиновская Марина Павловна
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Аннотация. *Раскрывается актуальность исследования семейных традиций в контексте патриотического воспитания. Проблема исследования состоит в противоречии декларируемых ценностей и реально действующего института патриотического воспитания в высшем образовании, а также в недостатке инструментов для диагностики ценностей в воспитании студентов. Цель исследования: выявить ресурсы и дефициты в восприятии студентами семейных традиций, чтобы превратить семью из декларируемой ценности в реально действующий институт патриотического воспитания, адаптированный к вызовам XXI в. Основной метод исследования: авторский опросник со шкалой оценивания. Описаны группы семейных традиций, способствующих формированию патриотических характеристик личности. Представлены результаты исследования, раскрывающие оценку студентами влияния традиций родительской семьи на воспитание их как патриотов, а также выявляющие значимость для респондентов определенных семейных традиций в патриотическом воспитании собственных будущих детей. Представлены семейные традиции, которые, с точки зрения студенческой молодежи, оценены как наиболее и наименее значимые в формировании патриотических чувств и ценностей их личности. Результаты исследования позволили выявить значимые семейные традиции для студентов с позиции будущего родительства. Объяснение выборов и оценок респондентов осуществлялось с ориентацией на современные научные исследования. Практическими результатами представленного в статье исследования являются психолого-педагогические условия, направленные на формирование потребности у современной студенческой молодежи учитывать потенциал семейных традиций в патриотическом воспитании и развитии своих будущих детей.*

Ключевые слова**:** *семейные традиции, патриотические ценности, семейные ценности, патриотическое воспитание студентов, профессиональное образование, антропологический подход*

Для цитирования: *Малиновская М. П. Особенности передачи семейных ценностей и традиций современными студентами в контексте патриотического воспитания детей // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 152–168. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/152-168. EDN: https://elibrary.ru/LGCRBY*

* *Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 23.01.2026 № 073-03-2026-052 «Традиции семейного воспитания – основа патриотического воспитания студентов».*

© Малиновская М. П., 2026

Original article

The specifics of transmitting family values and traditions by modern students in the context of children's patriotic upbringing

Marina P. Malinovskaya
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Abstract. *The article reveals the relevance of studying family traditions in the context of patriotic education. The research problem lies in the contradiction between the declared values and the actual functioning of the institution responsible for patriotic education in higher education, as well as in the lack of tools for diagnosing values in the upbringing of students. The aim of the research is to identify the resources and shortcomings in students' perception of family traditions in order to transform the family from a declared value into a truly effective institution of patriotic education, adapted to the challenges of the 21st century. The main research method is the author's questionnaire with an assessment scale. It describes groups of family traditions that contribute to the formation of patriotic personality characteristics. The article presents the results of a study that reveals students' assessment of the influence of their parents' family traditions on their patriotic upbringing, as well as the significance of certain family traditions for respondents in the patriotic upbringing of their future children. The article presents family traditions that, from the perspective of students, are considered to be the most and least significant in shaping their patriotic feelings and values. The results of the study allowed the authors to identify the significant family traditions for students from the perspective of future parenthood. The explanations of the respondents' choices and assessments were based on modern scientific research. The practical results of the research presented in the article are psychological and pedagogical conditions aimed at forming the need for modern students to take into account the potential of family traditions in the patriotic upbringing and development of their future children..*

Keywords**:** *family traditions, patriotic values, family values, patriotic education of students, vocational education, anthropological approach*

For citation*: Malinovskaya M. P. The specifics of transmitting family values and traditions by modern students in the context of children's patriotic upbringing // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 152–168. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/152-168. EDN: https://elibrary.ru/LGCRBY*

Введение

В последние десятилетия в ряду приоритетных проблем, которые активно исследуются в современной российской науке и обсуждаются практиками всех уровней образования, выделяется проблема предназначения, ценности и механизмов передачи традиций в воспитании личности и, в частности, ее патриотических характеристик. В современном научном пространстве существует множество определений традиций; в аспекте данного исследования указанное понятие рассматривается как «механизм накопления, хранения и передачи из поколения в поколение информации, закодированной в определенных поведенческих стереотипах» [1, с. 156]. Анализ научных работ [2, 3] позволяет утверждать, что семья является активным субъектом формирования патриотических ценностей человека.

В настоящее время многочисленные исследования представляют различные аспекты воспитания патриотичной личности посредством семейных традиций, прежде всего, детей дошкольного и школьного возрастов [4, 5]. Но недостаточно изучены представления современной студенческой молодежи о ценности и потенциале семейных традиций в контексте патриотического воспитания, в частности в воспитании своих будущих детей.

По мнению Н. С. Бобровниковой и Д. В. Малия, «первичный опыт родительской семьи молодого человека во многом формирует личностное самоопределение, социальные установки и ценностные ориентации» [6, с. 249]. Формирование представлений о семье у молодых людей во многом определяется образом жизни и поведением родителей.

По мнению Т. А. Бугаковой, современные студенты отмечают, что «не знают, какие традиции хотели бы сохранить в своей будущей семье и какие традиции они хотели бы передать будущим детям» [1, с. 157]. Целый ряд исследователей [1, 6, 7] указывают на то, что образовательная система, в частности высшая школа, имеет огромный потенциал формирования образа родителя, развития педагогической культуры будущих родителей. Высшие учебные учреждения сегодня также успешно решают задачу патриотического воспитания студентов [8, 9].

В профессиональной подготовке учителей антропологический подход, ориентированный на формирование целостной личности педагога, особенно актуален. Высшее образование должно не только подготовить компетентного специалиста, но и позволить студенту осмыслить профессиональные и личностные ценности, факторы и условия, влияющие на их формирование.

Проблема настоящего исследования заключается в противоречии декларируемых ценностей и реально действующего института патриотического воспитания в высшем образовании, а также в недостатке инструментов для диагностики ценностей в воспитании студентов. Поэтому важно изучить, какие семейные традиции, способствующие формированию патриотических ценностей личности, выбирают молодые люди для воспитания своих будущих детей и какие условия должны быть созданы в вузе, чтобы сделать их выбор осознанным.

Предмет исследования – оценка современными студентами семейных традиций в воспитании патриотических ценностей у будущих собственных детей.

Исходя из обозначенной проблемы *цель исследования* заключается в выявлении ресурсов и дефицитов в восприятии студентами семейных традиций, в определении студентами значимости семейных традиций в аспекте воспитания патриотических ценностей у будущих собственных детей, а также в обосновании ряда условий актуализации изучения потенциала данных традиций в высшем педагогическом образовании.

Методы исследования: анализ научных публикаций по проблеме исследования; авторский опросник со шкалой оценивания, где 0 – отсутствие традиции (не было такой традиции в семье), а от 1 к 5 значимость традиции повышается (1 – совсем не важна; 2 – скорее не важна, чем важна; 3 – скорее важна, чем не важна; 4 – важна; 5 – чрезвычайно важна) [10, с. 176].

В опроснике 70 семейных традиций, направленных на сохранение и передачу знаний, опыта и ценностей и способствующих формированию патриотической личности, сгруппированы в пять блоков по группам, согласно видам традиций, выделенным К. В. Кабановой по признаку доминирующей цели [2].

190 студентов 2-го, 3-го курсов, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» в ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», явились участниками эмпирического исследования.

Основная часть

Семейные традиции в науке определяются как представления, взгляды, манеры поведения, обычаи, нормы и правила, которые приняты в семейном коллективе

и передаются из поколения в поколение. По мнению В.В. Шалина и Р.К. Астаховой, личность в процессе взаимодействия с членами семьи осмысливает и переоценивает мировоззренческие позиции и опыт своих предков, включая в свою культуру или отвергая ценности и традиции предшествующих поколений [11].

Участники исследования оценивали влияние традиций на формирование у себя патриотических ценностей и одновременно должны были оценить значимость предложенных традиций в патриотическом воспитании своих детей в собственной будущей семье. Оценивание происходило по той же шкале, где 0 баллов означает, что респонденты не желают вводить их в собственной будущей семье. «В процессе обработки данных все оценки респондентов по каждой из 70 традиций суммировались и вычислялась средняя оценка» [10, с. 176].

Анализ результатов опроса позволил также определить количество студентов, которые, переосмыслив предложенные в опроснике традиции, решили формировать их в своей будущей семье и указали на изменение их оценки (повысили или понизили ее) как средства воспитания патриотических ценностей у будущих собственных детей.

Оценки студенческой молодежью традиций сохранения исторической памяти своего народа, своей страны отражены в табл. 1 (блок 1).

Таблица 1

Результаты оценивания студентами традиций (блок 1)

Традиции	Оценка значимости (средний балл)	Оценка значимости в воспитании своих детей (средний балл)
Наиболее значимые		
Посещение парада на День Победы	3,61	3,14
Посещение культурных и/или спортивных мероприятий	3,23	4,02
Совместный просмотр культовых отечественных фильмов	3,17	3,26
Посещение музеев, исторических, памятных мест	2,88	3,71
Совместные познавательные поездки	2,58	3,81
Наименее значимые		
Встречи с выдающимися соотечественниками	0,97	2,58
Акции в память или поддержку талантливых соотечественников	0,84	1,82

Источник: сост. автором.

Участвовавшие в исследовании студенты являются жителями разных по величине населенных пунктов нашей страны, в том числе и тех, в которых не проходят парады 9 мая. Однако влияние традиции посещения семьей парада на День Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на формирование патриотических чувств и ценностей было высоко оценено респондентами. Несмотря на это, оценку

значимости традиции в воспитании своих детей студенты определили ниже (снизили – 14,7 %; вообще отказались от введения традиции в собственной семье – 5 %).

Знания событий, фактов, достижений России в прошлом и настоящем дают человеку возможность сопереживать, уважать, гордиться своей родиной. Совместное проведение досуга, связанного с познанием истории и современных достижений России в науке, спорте, культуре, для многих студентов оказалось самым значимым в воспитании патриотизма собственных детей. Поэтому высоко оцененными в этом контексте оказались традиции, позволяющие расширить кругозор личности, на когнитивном и эмоциональном уровне ощутить величие родной страны: посещения культурных и спортивных мероприятий, посещение музеев, исторических и памятных мест, совместные познавательные поездки.

Совместный просмотр культовых отечественных фильмов содействует не только формированию «родиноведческих» знаний, но и вызывает чувство сопричастности к великим событиям и достижениям, способствует укреплению связи между поколениями. Можем предположить, что чувство семейного единения при просмотре всеми любимых фильмов позволило студентам сделать выбор в пользу переноса данной традиции в собственную семью.

Традиции, направленные на знакомство с выдающимися и талантливыми соотечественниками и их поддержку, указанные в разделе «Наименее значимые» в табл. 1, возглавили список действий, высоко оцененных респондентами в контексте воспитания патриотических ценностей у своих будущих детей. Это традиции, которых не было в родительских семьях студентов, но треть всего количества участников исследования хотели бы ввести их в собственную семью (табл. 2).

Таблица 2

Оценка студентами значимости традиций в воспитании собственных детей (блок 1)

Традиции	Кол-во студентов, у которых не было традиции в родительской семье, но они хотят ее в собственную семью, %	Кол-во студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, %
Наибольшее количество выборов		
Встречи с выдающимися соотечественниками	42,10	20
Акции в память или поддержку талантливых соотечественников	34,73	9,47
Участие в добровольческих, волонтерских акциях (экологических, социальных, поисково-исследовательских)	30,52	16,84
Участие в мастер-классах, выставках и т. п.	29,47	29,47
Наименьшее количество выборов		
Совместный просмотр традиционных передач	6,31	9,47

Окончание табл. 2

Традиции	Кол-во студентов, у которых не было традиции в родительской семье, но они хотят ее в собственную семью, %	Кол-во студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, %
Совместный просмотр культовых отечественных фильмов	5,26	14,73
Совместный просмотр парада на День Победы	2,10	4,21

Источник: сост. автором.

В таблице 2 также перечислены традиции, получившие наименьшее количество предпочтений студентов в воспитании собственных детей и оказавшиеся все из одного раздела «Совместный просмотр телетрансляций, фильмов, передач в дни важных событий для России». По данным современных исследований, молодежь в своем большинстве отказывается от традиционных телевизионных форматов [12] в пользу Интернета, не приемлет роль пассивных потребителей и предпочитает интерактивную позицию [13].

Оценки студенческой молодежи традиций сохранения памяти своего рода представлены в табл. 3 (блок 2).

Таблица 3

Результаты оценивания студентами традиций (блок 2)

Традиции	Оценка значимости (средний балл)	Оценка значимости в воспитании своих детей (средний балл)
Наиболее значимые		
Празднование дней рождения членов семьи	4,45	4,65
Семейные фотоальбомы (создание, просмотр)	3,73	4,31
Празднование важных семейных событий (годовщин, юбилеев)	3,49	3,85
Совместное приготовление пищи	3,33	4,10
Совместные трудовые акции	3,26	3,23
Наименее значимые		
Проведение свадебных обрядов	2,47	2,35
Фиксация рассказов о жизни членов семьи (аудио, видео, дневники и т. п.)	2,09	3,33
Создание семейной генеалогии (генеалогического древа, родословного древа)	2,03	3,10

Источник: сост. автором.

Самой популярной традицией в семьях, дети которых участвовали в данном исследовании, явилась традиция празднования дней рождения членов семьи. Только 4 студента указали, что в их родительских семьях не было этой традиции, и они же показали количество респондентов – 2,10 % (см. табл. 2), желающих ввести ее в собственной семье. Данное событие позволяет создавать и передавать собственные семейные праздничные традиции (устраивать творческие и игровые ситуации, ритуальные действия), способствующие сближению членов семьи, укреплению родственных связей.

Создание семейных фотоальбомов продолжает оставаться значимой в семейном воспитании, так как позволяет фиксировать в памяти поколений самые яркие и важные события в истории своей семьи, своего рода. Фотографии способствуют формированию семейной идентичности, передаче традиций и ценностей семьи. По мнению Т. И. Куликовой, «история семейного альбома имеет психологический и социологический оттенки и напрямую связана с историей общества в целом. По сути, семейный альбом – это конструктор семейной истории. Именно семейный альбом наглядно показывает связь семьи с ее прошлым» [14, с. 79]. Все студенты, у которых в родительских семьях не было данной традиции, указали, что сформируют ее в собственной будущей семье (табл. 4).

Таблица 4

Оценка студентами значимости традиций в воспитании собственных детей (блок 2)

Традиции	Кол-во студентов, у которых не было традиции в родительской семье, но они хотят ее в собственную семью, %	Кол-во студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, %
Наибольшее количество выборов		
Фиксация рассказов о жизни членов семьи (аудио, видео, дневники и т. п.)	21,05	32,63
Совместное участие в деятельности по интересам (хобби)	18,94	34,73
Действия по привлечению к здоровому образу жизни	16,84	40
Совместные фотосессии	15,78	44,21
Наименьшее количество выборов		
Празднование свадебных обрядов	5,26	7,36
Совместные трудовые акции	5,26	16,84
Семейные фотоальбомы (создание, просмотр)	3,15	34,73
Празднование дней рождения членов семьи	2,10	11,57

Источник: сост. автором.

На важность традиции семейных фотосессий указывает то, что 30 из 42 студентов, у которых в родительской семье не наблюдалось такой традиции, предпочитают ввести ее в собственной семье. Об этом также свидетельствует количество студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, по сравнению с оценкой влияния этой традиции на формирование себя как патриотичной личности (см. табл. 4).

Традиция совместных трудовых акций показала снижение ее значимости у современной студенческой молодежи (см. табл. 3). Количество студентов, понизивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, по сравнению с оценкой влияния этой традиции на формирование себя как патриотичной личности, – больше четверти всех респондентов (28,42%). Это указывает на то, что в восприятии трудовых традиций семьи молодыми людьми не все однозначно. Результаты исследований выявляют разные факторы, влияющие на оценку традиций: характер отношений в семье (справедливое распределение обязанностей, поддержка инициативы и другое), личные склонности и интересы, этапы развития личности [15].

Одной из наименее значимых для студентов оказалась традиция проведения свадебного обряда (см. табл. 3, 4). По данным исследований отношение к свадебным обрядам следует рассматривать «в контексте общих социокультурных процессов, характерных для современной России, связанных с культурой семьи и ее духовным развитием, влиянием модных течений и формированием новых стереотипов престижности или легитимности брака» [16, с. 18]. Отношения матери и отца в семьях подростков с самораскрытием способностей имеют взаимодополняющие параметры стилей воспитания, которые характеризуют диалогичность. Это позволяет подростку интериоризировать его и выстраивать диалог с собой, а затем открывать у себя способности, включая их затем в контекст текста самоописания, в качестве идентифицированных категорий.

Традиция фиксации рассказов о жизни членов семьи в разных форматах оказалась из тех, которые мало в какой семье реализуются, но она получила высокую оценку студентов в семейном воспитании будущих поколений – пятая часть респондентов показала желание ее организации в собственной семье (см. табл. 4).

Почти пятая часть всех участников исследования (18,94%) изъявили желание ввести традицию совместного участия в деятельности по интересам (хобби) в своей будущей семье (см. табл. 4). В родительских семьях этих студентов указанной традиции не было, но они высоко оценили ее значимость в воспитании личностей, готовых перенимать семейные ценности и опыт старшего поколения.

Действия по привлечению к здоровому образу жизни – эта традиция соотносится с одной из главных (приоритетных) ценностей современной молодежи [17, 18]. Студенты дают одну из самых высоких оценок значимости данной традиции в воспитании собственных детей (см. табл. 4). В качестве важной перспективы данного аспекта исследования является учет особенностей отношений матери и отца к детям, поскольку взаимодополняющие параметры стилей воспитания, характеризующие диалогичность, позволяют детям более гармонично развиваться как личности [19, 20].

Оценки студенческой молодежью традиций образования и развития отражены в табл. 5 (блок 3).

Таблица 5

Результаты оценивания студентами традиций (блок 3)

Традиции	Оценка значимости (средний балл)	Оценка значимости в воспитании своих детей (средний балл)
Наиболее значимые		
Посещение образовательных сообществ (летний лагерь, центр развития и др.)	3,65	3,94
Приглашение сверстников на дни рождения	3,63	4,18
Обязательное получение дополнительного образования	3,08	3,77
Стимулирование образовательной, развивающей деятельности	2,97	4,09
Наименее значимые		
Вовлечение в онлайн-сообщества по интересам	1,21	2,66

Источник: сост. автором.

Высокую оценку значимости получили почти все традиции, способствующие решению задач социализации. Посещение разнообразных образовательных сообществ сверстников было в семьях 95,78 % респондентов. Поэтому количество студентов, у которых не было этой традиции в родительской семье, но они хотят ее в собственную семью, очень маленькое – 1,05 % (табл. 6).

Таблица 6

Оценка студентами значимости традиций в воспитании собственных детей (блок 3)

Традиции	Количество студентов, у которых не было традиции в родительской семье, но хотят ее в собственную семью, %	Количество студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, %
Наибольшее количество выборов		
Вовлечение в онлайн-сообщества по интересам	38,94	23,15
Организация совместной игровой деятельности в местах досуга Обучение дворовым играм из своего детства	15,78	25,26
Стимулирование образовательной, развивающей деятельности	13,68	36,84

Окончание табл.6

Традиции	Количество студентов, у которых не было традиции в родительской семье, но хотят ее в собственную семью, %	Количество студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, %
Наименьшее количество выборов		
Приглашение сверстников на дни рождения	4,21	29,47
Посещение образовательных сообществ (летний лагерь, центр развития и др.)	1,05	28,42

Источник: сост. автором.

Есть традиция, которая попадает то в раздел «Наименее значимые» (см. табл. 5), то в список позиций, показывающих наибольшее количество выборов (см. табл. 6). Вовлечение в онлайн-сообщества по интересам – традиция, незнакомая родителям современных студентов и соответствующая характеристикам современной эпохи. Эта традиция способствует укреплению духовных связей членов семьи, формированию общих интересов и ценностей.

Организация совместной игровой деятельности (или вовлечение в уже организованную) высоко оценена студентами, скорее, как возможность получения положительных эмоций в кругу семьи, а обучение играм из своего детства – как передача традиций, опыта, интересов от одного поколения к другому.

Оценки студенческой молодежью традиции сохранения духовных ценностей представлены в табл. 7 (блок 4).

Таблица 7

Результаты оценивания студентами традиций (блок 4)

Традиции	Оценка значимости (средний балл)	Оценка значимости в воспитании своих детей (средний балл)
Наиболее значимые		
Традиции, формирующие уважительное отношение к старшим	4,30	4,58
Традиции заботы о родителях, других членах семьи	4,32	4,15
Отстаивание справедливости	3,57	4,51
Обращение к литературному наследию в иных формах (посещение спектаклей, обсуждение экранизаций, посещение музеев и др.)	2,68	3,58
Наименее значимые		
Участие в религиозных практиках (посещение богослужений, совместная молитва, соблюдение религиозных обрядов)	1,26	1,34

Окончание табл. 7

Традиции	Оценка значимости (средний балл)	Оценка значимости в воспитании своих детей (средний балл)
Собирание коллекций, связанных с искусством	1,10	1,88
Традиция соотносить с иностранным словом русское слово	0,86	1,43

Источник: сост. автором.

Традиции, которые студенты посчитали наиболее значимыми не только для духовно-нравственного развития своих будущих детей, но и в своем личностном становлении (см. табл. 7), относятся к традициям, направленным на формирование нравственных ценностей.

Забота о родителях и других членах семьи, а также проявление уважения к старшим закладывалось практически во всех семьях респондентов, поэтому эти позиции попали в раздел «Наименьшее количество выборов» (табл. 8).

Таблица 8

Оценка студентами значимости традиций в воспитании собственных детей (блок 4)

Традиции	Количество студентов, у которых не было традиции в родительской семье, но они хотят ее в собственную семью, %	Количество студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей, %
Наибольшее количество выборов		
Собирание коллекций, связанных с искусством	31,57	14,73
Семейное обсуждение прочитанного	28,42	26,31
Традиции, связанные с изучением музыкального искусства	27,36	29,47
Наименьшее количество выборов		
Празднование религиозных праздников, соблюдение постов	9,47	7,36
Отстаивание справедливости	7,36	35,78
Традиции заботы о родителях, других членах семьи	1,05	22,10
Традиции, формирующие уважительное отношение к старшим	0	6,31

Источник: сост. автором.

Из всех традиций, направленных на формирование любви к чтению (собирание семейной библиотеки, семейное чтение, книги в подарок членам семьи и др.), высоко оцененной студентами оказалась только традиция обращения к литературному наследию в иных формах (посещение спектаклей, обсуждение экранизаций, посещение музеев и др.), представленная в табл. 7. Полученные данные соотносятся с результатами современных исследований о читательской культуре обучающихся.

Традиции, направленные на формирование религиозной культуры (взглядов, ценностей), были оценены как наименее значимые в становлении личности студентов. Это подтверждают и соответствующие позиции в табл. 7 и 8. Можно предположить, что это следствие воспитания родителей участников исследования, духовные ценности которых формировались под влиянием атеистических взглядов старшего советского поколения.

Результаты опроса показали, что во многих семьях респондентов отсутствовали вообще или не оказали сильного влияния на их личностное развитие традиции, направленные на воспитание любви к разным видам искусства. Однако на потребность в этих традициях указывает то, что некоторые из них (собирание коллекций, связанных с искусством; традиции, связанные с изучением музыкального искусства) оказались в разделе «Наибольшее количество выборов» (см. табл. 8); это свидетельствует о том, что студенты считают их значимыми в воспитании собственных детей. Неожиданным оказалось присутствие в этом же разделе традиции семейного обсуждения прочитанного (но не семейного чтения) как значимой в воспитании будущих детей респондентов.

В таблице 9 представлены оценки участников опроса традиций, дающих чувство психологической безопасности, сплачивающих членов семьи (блок 5).

Таблица 9

Результаты оценивания студентами традиций (блок 5)

Традиции	Оценка значимости (средний балл)	Оценка значимости в воспитании своих детей (средний балл)
Наиболее значимые		
Обязательное пожелание спокойной ночи	4,21	4,57
Совместная трапеза	3,46	4,10
Проведение времени с семьей (настольные игры, просмотры фильмов и др.)	3,37	4,41
Наименее значимые		
Традиции финансового поведения	2,60	3,80
Семейный совет	2,55	3,68

Источник: сост. автором.

Среди традиций, формирующих в семье положительное отношение и доверие, рекордсменами стали ритуалы пожелания приятных снов и поцелуя перед сном (табл. 9, 10). Все участники исследования демонстрируют понимание важности

проявления близости как скрепляющей связь между родственниками на эмоциональном уровне.

В сплочении семьи, формировании чувства привязанности к роду совместное времяпрепровождение родителей и детей является чрезвычайно ценным, по мнению студентов (см. табл. 9, 10). Все респонденты, у которых в родительских семьях не было этой традиции, пожелали ввести ее в собственной будущей семье.

Таблица 10

Оценка студентами значимости традиции в воспитании собственных детей (блок 5)

Традиции	Количество студентов, у которых не было традиции в родительской семье, но они хотят ее в собственную семью, %	Количество студентов, повысивших значимость традиции (*оценку в баллах*) в воспитании собственных детей,%
Наибольшее количество выборов		
Поцелуй перед сном	20	21,05
Семейный совет	18,94	35,78
Традиции финансового поведения	16,84	35,78
Обязательное пожелание спокойной ночи	7,36	11,57
Наименьшее количество выборов		
Совместная трапеза	7,36	32,63
Проведение времени с семьей (настольные игры, просмотры фильмов и др.)	6,31	48,42

Источник: сост. автором.

Часть участников исследования переосмыслила значимость в воспитании собственных детей традиций введения семейного совета и воспитания финансового поведения, на что указывает их присутствие в разделе «Наибольшее количество выборов» (см. табл. 10).

Заключение

Проведенный опрос позволил убедиться в том, что семейные традиции являются значимыми для современных студентов. Выявлены традиции, которые участники исследования определили как чрезвычайно важные средства патриотического воспитания. Проявились традиции, которые в силу разных причин (влияние современной социокультурной ситуации, особенности организации их в семьях респондентов и др.) оказались малозначимыми и неактуальными для молодежи. Ряд традиций прямо в ходе процедуры опроса был переосмыслен и внесен студентами в перечень важных для патриотического воспитания их будущих детей.

Результаты анализа эмпирического исследования и изучение практики и выводов исследователей этой проблематики, представленные в педагогической литературе, позволяют выделить ряд условий организации образовательного процесса в вузах, которые будут способствовать актуализации потребности у обучающейся молодежи изучать и анализировать потенциал семейных традиций, в частности, при обсуждении аспектов патриотического воспитания и осмысливать их значимость в развитии личности своих будущих детей.

Во-первых, в процессе обучения студентов преподавателям вузов необходимо соотносить изучаемый программный материал дисциплин психолого-педагогического модуля с приоритетными задачами государственной образовательной политики – формирование традиционных российских семейных и патриотических ценностей. Акцентировать внимание студентов на механизмах и средствах их формирования у развивающейся личности, в частности, на семейных традициях и их воспитательном потенциале.

Во-вторых, деятельность по формированию положительного образа будущей семьи должна быть логично включена в образовательный процесс вуза, как через отбор содержательного компонента образовательных программ, так и через организационные способы включения студентов в интерактивное обучение, позволяющее в трансляции и отстаивании собственной позиции приходить к осмыслению ценности и особенностей реализации традиций в семье.

В-третьих, для расширения представлений о семейных традициях, их функциях и возможностях использовать внеучебные формы вузовского образования: предметные олимпиады и конкурсы, проектные инициативы, научные мероприятия и др.

В-четвертых, в профессиональной подготовке будущих учителей целесообразно применение антропологического подхода, а именно: создание событий, ситуаций и других антропопрактик в образовательном процессе, позволяющих осмысливать профессиональные и личностные чувства, ценности и качества, в том числе при работе с патриотическими контекстами, аспектами семейного воспитания детей.

Перечисленные условия будут способствовать повышению уровня подготовки профессионалов, работающих с современными родителями и детьми, и развитию у студентов образа родителя, заботящегося о воспитании личности собственных детей.

Результаты исследования могут использоваться для развития теоретических представлений о связях воспитания патриотических характеристик личности с традициями ее родительской семьи и их влиянии на преемственность семейных ценностей и опыта в реалиях современного общества.

В каждой группе семейных традиций студенты увидели потенциал для воспитания у своих будущих детей патриотических ценностей. Данное исследование не ставило задачи прояснить факторы, влияющие на оценку и выбор традиции студентом, что дает возможность продолжить изучение указанного аспекта проблемы.

Список источников

1. Бугакова Т. А. Психологическое содержание традиций у студентов в представлениях о будущей семье // Ценностно-смысловые ориентиры в современном образовании: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Луганск, 2024. С. 156–158. EDN: SUCKFP
2. Кабанова К. В. Психологические особенности развивающего потенциала семейных традиций в современном обществе // Высшее образование для XXI века: Высшая школа

России в условиях глобальных вызовов, рисков, угроз: доклады и материалы XIX Междунар. науч. конф. Москва, 2024. С. 231–236. EDN: RYWVSI
3. Мурзаканова Г. А. Үй-бүлөлүк тарбия аркылуу этномаданий компетенттүүлүктү калыптандыруу үчүн жергиликтүү салттар жана диний баалуулуктарды сактоо // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2025. № S11. P. 212–218. EDN: LNMRVB
4. Бурганова Т. Ф. Биктагирова Г. Ф. Семейные традиции в представлениях подростков // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 41–43. EDN: NNYQTI
5. Раҷабзода Д. Анъанаҳо ва оинҳои миллї ва таъсири онҳо дар омода намудани хонандагони синфҳои болої ба ҳаёти мустақилонаи оилавї // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. 2024. No. 10. P. 247–252. EDN: KDYDMV
6. Бобровникова Н. С., Малий Д. В. Формирование образа будущей семьи у студентов педагогического университета // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-2. С. 247–255. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-247-255 EDN: CJHLTB
7. Тарасова С. И., Печеная М. В. Государственная политика в области семейного воспитания: развитие образа родителя в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-1. С. 179–183. EDN: FSLUIT
8. Розенберг Н. В., Карпова М. К. Патриотические ценности российской молодежи: факторы трансформации // «Наука. Общество. Государство». Электронный научный журнал. 2025. Т. 13, № 2. С. 76–90. DOI: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-8 EDN: PYUUEI
9. OANH Kim Thi Tran. Educating Patriotism for Students in Vietnamese Higher Education Institutions in the Context of Digital Transformation and International Integration: An Approach from the Global Citizenship Competency Model // International Journal of Human Research and Social Science Studies. № 03(05). P. 477–484. DOI: 10.5281/zenodo.20459240
10. Малиновская М. П., Палецкая Т. В. Семейные традиции в воспитании патриотических ценностей в оценке будущих педагогов-психологов // Мир науки, культуры, образования. 2026. № 3 (118). С. 174–178. DOI: 10.24412/1991-5497-2026-3118-174-178 EDN: QHJZDC
11. Шалин В. В., Астахова Р. К. Семейно-родовая память как ресурс формирования семейной культуры личности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5(147). С. 33–36. DOI: 10.24158/tipor.2020.5.5 EDN: AVBVXN
12. Сергеев А. С. Изменение медиапотребления молодежи в пользу социальных сетей по сравнению с телевидением // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2025. № 8(123). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/20680 (дата обращения: 18.07.2026). DOI: 10.32743/UniSoc.2025.123.8.20680 EDN: AEKXYP
13. Зверева Е. А., Хворова В. А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 131–140. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140 EDN: ANHWKM
14. Куликова Т. И. Фотоальбом как хранилище семейных ценностей // Педагогика современности. 2024. № 3-1(30). С. 79–81. EDN: PCTORM
15. Ретивина В. В. Трансляция трудовых ценностей и установок в современной семье // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 1/40. С. 171–179. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-11017. EDN: YOKBPJ
16. Тимофеева Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде: автореф. … канд. ист. наук: 24.00.01. Москва, 2004. 24 с. EDN: NHNHSV
17. Буданова Е. И., Медведев В. Р., Тушнова Л. К. Здоровый образ жизни и двигательная активность в системе жизненных ценностей учащейся молодежи // Системный анализ в медицине (САМ 2024): матер. XVIII Междунар. науч. конф. Благовещенск, 2024. С. 125–129. EDN: KTDPFW
18. Потапенко О. В., Кочурко Е. И. Здоровье и здоровый образ жизни в структуре жизненных ценностей студенческой молодежи // Инновационный опыт идеологической, воспи-

тательной и информационной работы в учреждениях высшего образования: матер. X Республиканской науч.-практ. конф. Гомель, 2025. С. 161–163. EDN: UFEWZY
19. Чернявская В. С. Психологические особенности семейного воспитания современных подростков с самораскрытием способностей / В. С. Чернявская, В. Р. Яровенко // Южно-российский журнал социальных наук. 2025. Т. 26, № 4. С. 155–166. DOI: 10.31429/26190567-26-4-155-166. EDN: MFLBRA
20. Малахова В. Р. Самораскрытие способностей подростка: от родительского отношения до академической успешности / В. Р. Малахова, В. С. Чернявская. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2023. 187 с. ISBN 978-5-8343-1251-2. EDN: SRPTEK

References

1. Bugakova T. A. Psychological content of traditions in students' ideas about their future family. *Value and semantic guidelines in modern education: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Lugansk; 2024. P. 156–158.
2. Kabanova K. V. Psychological Features of the Developmental Potential of Family Traditions in Modern Society. *Higher Education for the 21st Century*: Higher Education in Russia in the Face of Global Challenges, Risks, and Threats: Reports and Materials of the 19th International Scientific Conference. Moscow; 2024. P. 231–236.
3. Murzakanova G. A. Үй-бүлөлүк тарбия аркылуу этномаданий компетенттүүлүктү калыптандыруу үчүн жергиликтүү салттар жана диний баалуулуктарды сактоо. *News of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic.* 2025; (S11): 212–218. EDN: LNMRVB
4. Burganova T. F. Biktagirova G. F. Family Traditions in the Views of Teenagers. *Successes of Modern Natural Science.* 2012; (5): 41–43.
5. Rājabzoda D. An‘anaho va oinҳoї millї va ta‘siri onҳo dar omoda naḥmudani honandagoni sinfoi boloї bar ҳaёти mustaqilonaї oilavї. *Payomi Donishgohi millii Tojikiston.* 2024; (10): 247–252. EDN: KDYD
6. Bobrovnikova N. S., Maliy D. V. Formation of the Image of the Future Family among Students of a Pedagogical University. *Bulletin of RGGU. Series "Philosophy. Sociology. Art Studies"*. 2022; (1-2): 247–255. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-247-255
7. Tarasova S. I., Pechenaya M. V. State Policy in the Field of Family Education: Developing the Image of a Parent in a University. *Problems of Modern Pedagogical Education.* 2022; (75-1): 179–183.
8. Rosenberg N. V., Karpova M. K. Patriotic Values of Russian Youth: Factors of Transformation. *Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"*. 2025; 13 (2): 76–90. DOI: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-8. EDN: PYUUEI
9. OANH Kim Thi Tran. Educating Patriotism for Students in Vietnamese Higher Education Institutions in the Context of Digital Transformation and International Integration: An Approach from the Global Citizenship Competency Model. *International Journal of Human Research and Social Science Studies.* 03(05): 477–484. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.20459240
10. Malinovskaya M. P., Paletskaya T. V. Family traditions in the education of patriotic values in the assessment of future teachers-psychologists. *The world of science, culture, education.* 2026; 3 (118): 174–178.
11. Shalin V. V., Astakhova R. K. Family and Genealogical Memory as a Resource for the Formation of Personal Family Culture. *Theory and Practice of Social Development*. 2020; 5 (147): 33–36.
12. Sergeev A. S. Changing Media Consumption of Young People in Favor of Social Media Compared to Television. *Universum: Social Sciences: electronic scientific journal. Zhurn.* 2025; 8(123). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/20680 (accessed date: 18.07.2026).

13. Zvereva E. A., Khvorova V. A. Generations Y and Z: Features of Media Consumption. *Bulletin of NSU. Series: History, Philology.* 2020; 19 (6) Journalism: 131–140. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140
14. Kulikova T. I. Photo album as a repository of family values. *Pedagogy of the present.* 2024; 3-1 (30): 79–81.
15. Retivina V. V. Translation of labor values and attitudes in a modern family. *Bulletin of Maikop State Technological University.* 2019; 1(40): 171–179. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-11017. EDN: YOKBPJ
16. Timofeeva L. V. Traditions and Innovations in the Russian Wedding Rite: Abstract of the Candidate's Thesis in History: 24.00.01. Moscow; 2004. 24 p.
17. Budanova E. I., Medvedev V. R., Tushnova L. K. Healthy lifestyle and physical activity in the system of life values of students. *System analysis in medicine (SAM 2024):* materials of the XVIII International Scientific Conference. Blagoveshchensk; 2024. P. 125–129.
18. Potapenko O. V., Kochurko E. I. Health and a Healthy Lifestyle in the Structure of Life Values of Student Youth. *Innovative Experience of Ideological, Educational and Informational Work in Higher Education Institutions*: materials of the X Republican Scientific and Practical Conference. Gomel; 2025. P. 161–163.
19. Chernyavskaya V. S., Yarovenko V. R. Psychological features of family upbringing of modern adolescents with self-disclosure of abilities. *South Russian Journal of Social Sciences*, 2025; 4(26): 155–166. DOI: 10.31429/26190567-26-4-155-166. EDN: MFLBRA
20. Malakhova V. R., Chernyavskaya V. S. Self-Disclosure of a Teenager's Abilities: From Parental Attitude to Academic Success. Vladivostok: Izdatelstvo Maritime State Universitv named after admiral G. I. Nevelskoy; 2023. 187 p. ISBN 978-5-8343-1251-2. EDN: SRPTEK

Информация об авторе:

Малиновская Марина Павловна, канд. пед. наук, доцент каф. психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, malinovskaya-mp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1537-1771

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/152-168
EDN: https://elibrary.ru/LGCRBY

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
04.09.2026	07.09.2026	08.09.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 169–184
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 169–184

Научная статья
УДК 338.242
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/169-184
EDN: https://elibrary.ru/JDGXSB

Этапы формирования научно-технической политики Российской Федерации: политико-правовой аспект

Казанцев Виктор Павлович

Белоглазова Виктория Александровна

Шеломенцев Андрей Геннадьевич

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *Анализ этапов развития научно-технической политики государства без четкой хронологической привязки к содержательным изменениям нормативной базы не позволяет в полной мере выявить корни проблем ее современного формирования. Необходимость уточнения временных рамок этапов развития научно-технической политики при рассмотрении взаимосвязи между деятельностью ее субъектов и регулирующими научно-техническую деятельность политико-программными документами предопределила актуальность настоящего исследования. Исходя из этого целью статьи является определение этапов развития научно-технической политики в Российской Федерации с конца 1990-х гг. по настоящее время на основе выявления связей между процессом принятия политико-программных документов, регулирующих данную сферу, и деятельностью субъектов научно-технической политики. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: провести анализ нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу, уточнить содержание понятия научно-технической политики, выявить отличительные черты субъектов научно-технической политики, выделить основные этапы формирования научно-технической политики и определить их особенности. Методологическую основу исследования составили: общенаучные (анализ, синтез, описание, сравнение, аналогия) и частнонаучные методы (метод сравнительного правоведения и формально-юридический метод). Сравнение этапов развития данных процессов способствует более объективной периодизации, поскольку позволяет составить целостное представление о целях, направлениях и практических результатах деятельности государственных органов в рамках научно-технической политики за указанный период. Выводы, полученные в результате данного исследования, могут быть положены в основу более глубокого анализа как сферы научно-технической политики в целом, так и ее отдельных элементов.*

Ключевые слова**:** *научно-техническая политика, политико-программные документы, субъекты научно-технической политики, этапы формирования научно-технической политики в Российской Федерации*

© Казанцев В. П., 2026
© Белоглазова В. А., 2026
© Шеломенцев А. Г., 2026

Для цитирования: *Казанцев В.П., Белоглазова В.А., Шеломенцев А.Г. Этапы формирования научно-технической политики Российской Федерации: политико-правовой аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 169–184. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/169-184. EDN: https://elibrary.ru/JDGXSB*

Law sciences

Original article

Stages of scientific and technical policy development in the Russian Federation: political and legal aspect

Viktor P. Kazantsev

Victoria A. Beloglazova

Andrey G. Shelomentsev

Vladivostok State University

Russia. Vladivostok

Abstract. *Analysis of the stages of development of the state's scientific and technical policy without a clear chronological link to the substantive changes in the regulatory framework does not fully reveal the roots of the problems of its modern formation. The need to clarify the time frame of the stages of development of scientific and technical policy when considering the relationship between the activities of its subjects and the political and program documents regulating scientific and technical activities predetermined the relevance of this study. Based on this, the purpose of the article is to determine the stages of development of scientific and technical policy in the Russian Federation from the late 1990s. to the present, based on the identification of links between the process of adopting political and program documents regulating this area and the activities of subjects of scientific and technical policy. To achieve it, it is necessary to solve the following tasks: to analyze the regulatory framework governing this area, clarify the content of the concept of scientific and technical policy, identify the distinctive features of subjects of scientific and technical policy, identify the main stages of the formation of scientific and technical policy and determine their features. The methodological basis of the study was: general scientific (analysis, synthesis, description, comparison, analogy) and private scientific methods (method of comparative law and formal legal method). A comparison of the stages of development of these processes contributes to a more objective periodization, since it allows you to get a holistic idea of the goals, directions and practical results of the activities of state bodies in the framework of scientific and technical policy for the specified period. The conclusions obtained from this study can form the basis for a deeper analysis of both the sphere of scientific and technological policy in general and its individual elements.*

Keywords**:** *scientific and technical policy, policy and program documents, subjects of scientific and technical policy, stages of formation of scientific and technical policy in the Russian Federation*

For citation*: Kazantsev V. P., Beloglazova V. A., Shelomentsev A. G. Stages of scientific and technical policy development in the Russian Federation: political and legal aspect // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 8 № 3. P. 169–184. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/169-184. EDN: https://elibrary.ru/JDGXSB*

Введение

Эффективное использование научного и научно-технического потенциала государства связано в том числе с разрешением противоречий между сложившейся моделью управления научно-техническим комплексом РФ и изменением целей и задач, стоящих перед отечественной наукой на том или ином этапе социально-экономического развития страны. Устранение причин данных противоречий, часто

носящих системный характер, наравне с выработкой наиболее эффективных форм и методов управления разработкой и внедрением научно-технических достижений – одна из целей научно-технической политики государства.

Проблемы совершенствования государственной научно-технической политики в Российской Федерации поднимались в исследованиях Е. Л. Андреевой, К. Г. Асриянц, И. Г. Дежиной, А. В. Бокова, О. Г. Ламининой, А. В. Мартыненко, А. А. Васильева, Л. Э. Миндели, В. В. Калинова, Б. Г. Салтыкова, В. Е. Фортова, Е. В. Семенова, М. О. Дашковой, М. Н. Гусаровой. Проведенный обзор работ названных авторов позволил выделить основные, существенно различающиеся взгляды на становление и развитие научной технической политики в Российской Федерации. В первой группе работ, соответствующих временным рамкам становления российской государственности, значительная часть исследователей фиксировала, что государство не имеет четко оформленной научной политики, а существующие наработки – остаточный результат действия системы советской науки [1]. Данная позиция прослеживается в работах конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда совокупность негативных тенденций в общественной жизни имела существенные деструктивные последствия для научного сообщества. Во второй группе работ, относящихся к более позднему времени, указывается на внутреннюю противоречивость и отсутствие последовательного регулирования научно-технической политики [2]. Третья группа работ включает авторов, констатирующих, что научно-техническую политику в рассматриваемый период с конца 1990-х гг. по настоящее время можно представить как систему, имеющую свои собственные логику и этапы развития [3]. Вместе с тем предлагаемая в данных работах периодизация основана в первую очередь на рассмотрении временных рамок разработки и принятия тех или иных политико-программных документов, регулирующих данную сферу.

Очевидно, что в контексте исследования процесса развития научно-технической политики в Российской Федерации одной из ключевых является задача построения ее обоснованной периодизации. Без четкой привязки временных рамок к содержательной составляющей научно-технической политики государства на том или ином этапе ее развития в прошлом будет невозможно выявить истоки проблем ее формирования на современном этапе. Необходимость исследования этапов развития научно-технической политики, особенностей политико-программных документов, регулирующих научно-техническую деятельность, предопределила актуальность настоящего исследования.

С учетом вышеизложенного определена *цель исследования*, в качестве которой выступает определение этапов развития научно-технической политики в Российской Федерации с конца 1990-х гг. по настоящее время с учетом исследования субъектов научно-технической политики и политико-программных документов, регулирующих данную сферу.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: провести анализ нормативной правовой базы, обеспечивающей регулирование сферы научно-технической политики; уточнить содержание ее понятия; выявить отличительные черты субъектов научно-технической политики; выделить основные этапы ее формирования и определить их особенности; дать оценку состояния научно-технической политики с учетом этапов ее развития.

В рамках исследования комплексный анализ государственной научно-технической политики включает: изучение основных направлений и особенностей нормативного регулирования научно-технической политики, в том числе анализ основных программных документов; выявление этапов развития научно-технической политики и определение достигнутых результатов по их завершении; исследование процесса реформирования субъектов научно-технической политики в заданной сфере. При этом на первый план выдвигается проведение сравнительного анализа нормативных документов, регулирующих сферу научно-технической политики, а также особенностей регулирования деятельности субъектов в упомянутой сфере.

Методологическая основа исследования: анализ, синтез, описание, сравнение, аналогия; частнонаучные методы (метод сравнительного правоведения и формально-юридический метод); диалектический метод научного познания, что является характерной чертой для подобного рода исследований [3]; системный подход, положения которого применяются к изучению процессов формирования и реализации научно-технической политики [4].

Формирование авторской периодизации в данной статье основано на сопоставлении временных рамок процесса нормативно-правового регулирования сферы научно-технической политики и временных рамок этапов реформирования системы ее субъектов. Первый процесс включает систематизацию и анализ содержания политико-программных документов, регулирующих данную сферу; при анализе второго процесса рассматриваются документы, фиксирующие те или иные аспекты реформирования системы субъектов научно-технической политики за тот же временной период. Сравнение этапов развития данных процессов, по мнению авторов, позволит предложить объективную периодизацию развития научно-технической политики в Российской Федерации, так как сформирует более полное представление о целях, направлениях и результатах действий государственных органов по реализации научно-технической политики в рассматриваемый период. Выводы, полученные в результате исследования, могут быть положены в основу глубокого анализа как сферы научно-технической политики в целом, так и ее отдельных элементов.

Основная часть

Этапы формирования и реализации научно-технической политики в рамках конкретных отрезков времени

Прежде всего, необходимо зафиксировать, что реализация и претворение научно-технической политики в жизнь есть динамический процесс, который осуществляется в поэтапном дискретном порядке и, соответственно, может быть разделен на этапы формирования и реализации научно-технической политики в рамках конкретных отрезков времени [5].

Как справедливо отмечает Е. Л. Андреева, этапы формирования научно-технической политики в Российской Федерации напрямую связаны с принятием определенных политико-программных документов, а именно различных доктрин, концепций и стратегий, которые задают вектор развития российской науки на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы [6]. Подобного рода документы выступают в качестве нормативного инструмента реализации интересов государства в сфере научно-технической политики.

Между тем представляется, что научное сообщество уделяет недостаточно внимания политико-программным документам и их содержанию, тем самым создавая

весьма вольные подходы к периодизации научно-технической политики в стране. Например, в работах Ю. С. Осипова можно проследить выделение двух этапов развития научно-технической политики в России: «кризисный» этап, берущий свое начало в конце 1980-х гг., и этап «стабилизации», оформившийся к концу двадцатого столетия [7]. Данный подход представляется справедливым, но, будучи «укрупненным», без привязки к политико-программным документам, он сильно теряет в содержательной стороне, имея не более чем общий характер. Схожей концепции придерживается и М. Н. Гусарова, которая выделяет первый этап с 1990 по 2001 г. и второй этап начиная с 2002 г., определяя их как этап поиска путей системного реформирования научной сферы и этап последующего развития науки [8]. Противоположностью упомянутому подходу выступает куда более выверенный подход Н. С. Лялюшенко и В. А. Воронцова, которые выделили три этапа: этап «сохранения научного потенциала» (1992–1993), этап «адаптации научно-технической сферы» (1994–1995), этап «реформирования научной сферы» (1996–1997). В своей работе авторы очень точно расставляют акценты и формируют периодизацию, принимая во внимание значимые события для отечественной науки с учетом влияния на научную сферу политико-программных документов, о чем четко свидетельствует выделение третьего этапа, посвященного реформированию науки [9].

Помимо авторских позиций исследователей, посвященных периодизации, в обязательном порядке следует обратить внимание на «официальный подход» к данному вопросу, зафиксированный в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 [10]. В данном документе законодатель выделил три значимых этапа становления государственной научно-технической политики в России. Первый этап охватывает временной промежуток с 1991 по 2001 г.; определяется как период кризисной оптимизации и адаптации к рыночной экономике. Соответственно, этот этап характерен формированием современных подходов, новых институциональных механизмов развития науки и технологий. Второй этап периодизации выпадает на 2002–2021 гг.; характеризуется как время перехода к инновационной экономике. На данном отрезке особое внимание уделялось вопросам финансирования науки, развития кадрового и организационного обеспечения. Начало третьего этапа законодатель определяет с 2022 г., подчеркивая, что это время мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления, когда государство, общество и хозяйствующие субъекты должны объединить свои усилия на пути к решению задач научно-технологического развития.

Официальный подход представляется во многом справедливым, однако его основным недостатком является прослеживающаяся тенденция к укрупнению этапов развития науки и склонность законодателя к обобщению, что является нормой для достижения совокупности специфических целей, но не может быть основой для серьезного научного исследования.

Чтобы избежать вольности при формировании этапов развития научной технической политики и добиться достаточной объективности, представляется справедливым обратиться к обозначенным ранее процессам нормативного регулирования и реформирования рассматриваемой сферы.

Механизм выработки научно-технической политики, заданный в 1990-е гг. и действующий в России по настоящее время, базируется на положениях Федерального

закона о науке и государственной научно-технической политике (далее – Закон о науке) и совокупности определенных политико-программных документов: доктрин, концепций и стратегий, которые задают вектор развития российской науки на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы [11, 12].

Таким образом, основополагающим документом, закладывающим основы формирования и последующей реализации государственной научно-технической политики в России, выступает Закон о науке, который определяет место научно-технической политики в качестве составного элемента социально-экономической политики, тем самым выражая конкретное отношение государства к науке и научно-технической деятельности в целом.

Доктрины, концепции и стратегии развития науки совершенствуют и дополняют направление, заданное Законом о науке, путем формирования системы взглядов на роль и значение науки в обеспечении независимости и процветания страны, а также принципов, определяющих механизм государственного регулирования научной деятельности на определенном этапе научно-технического развития.

Начиная с конца 1990-х гг. основными политико-программными документами в Российской Федерации, задающими направление развития научно-технической политики, выступали: Доктрина развития российской науки (1996), Концепция реформирования российской науки (1998), Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий (2002), Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации (2006), Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2008), Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (2016) [13].

Не менее важным аспектом является вопрос реформирования системы субъектов научно-технической политики. Данный процесс также является следствием отношения государства к науке и научно-технической политике на конкретном этапе развития и при исследовании в совокупности с процессом нормативного регулирования позволяет определить этапы развития научно-технической политики с формированием предельно точных временных рамок.

Основным субъектом научно-технической политики выступает государство, обладающее полнотой законодательной и исполнительной власти, придающее нормативный характер конкретным планам научно-технического развития, создающее исследовательские, конструкторские и проектные организации, осуществляющее финансирование науки и, соответственно, подготовку научных кадров [14].

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Государственную власть в РФ осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство, суды. При этом наибольший практический интерес представляет исполнительная ветвь власти и, в частности, структура федеральных органов исполнительной власти, так как функциями по контролю и реализации научно-технической политики в большей степени наделены органы исполнительной власти.

К полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в сфере реализации научно-технической политики относятся: принятие законов и иных нормативных правовых актов, разработка и проведение единой государственной научно-технической политики; выбор приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации; формирование и реализация федеральных научных и научно-технических программ и проектов; охрана прав интел-

лектуальной собственности; установление государственной системы научной аттестации и др.

Процесс реализации научно-технической политики происходит непосредственно через профильные министерства и систему подведомственных им учреждений. Имея в своей организационной структуре технические и производственные организации, учреждения министерства представляют собой инструмент, посредством которого государство претворяет в жизнь свою научно-техническую политику. Соответственно, этот инструмент подлежит определенной доводке с течением времени в зависимости от тех целей, которые ставит перед собой государство, что и предопределяет проведение определенных реформ в данной сфере, давая жизнь новому этапу развития научно-технической политики в стране.

Наиболее спорным этапом построения авторской периодизации представляется начальный этап – с 1991 по 1995 г., т. е. до принятия Закона о науке, который и задает нормативный вектор дальнейшего развития научной сферы. В. А. Воронцов и Н. С. Лялюшенко выделяли в этих временных рамках два этапа: этап «сохранения научного потенциала» (1992–1993) и этап «адаптации научно-технической сферы» (1994–1995). Другие упомянутые авторы, а также законодатель укрупняли данный период и задавали рамки его действия с 1991 по 2000 г. В данном вопросе видится компромиссное решение, заключающееся в том, чтобы в качестве первого этапа выделить кризисный этап – с 1991 по 1995 г., который вполне логично включает в себя периоды сохранения наследия советской науки и адаптации научно-технической сферы к новым реалиям. Деление этого этапа на составные элементы не представляется возможным ввиду того, что определение временных рамок будет очень затруднено и приведет к появлению большого числа условностей, так как адаптация и сохранение наследия не являются взаимоисключающими процессами, которые вполне могут быть разведены и, соответственно, будут развиваться параллельно, накладываясь друг на друга на временной шкале.

В качестве второго этапа, безусловно, стоит выделить этап «шокового» реформирования науки – с 1996 по 2001 г., начало которому дает принятие Закона о науке и первого значимого и основополагающего документа, развивающего его положения – Доктрины развития российской науки (1996) (далее – Доктрина) [13]. Основной целью Доктрины являлось формирование устойчивой системы взглядов на роль и значение науки в контексте развития России как независимого, самодостаточного и процветающего государства. Одновременно с этим были установлены принципы, определяющие механизм регулирования научной деятельности, которые должны служить ориентиром, во-первых, для органов власти всех уровней, во-вторых, для научно-исследовательских учреждений, в-третьих, для научных руководителей и научного сообщества в целом.

Значение доктрины невозможно переоценить, так как она не столько определила формальную цель (что, безусловно, значимо), а дала четкий сигнал о том, что наука имеет принципиальное значение для государства, а ее развитие становится наиважнейшим приоритетом. С этого момента государство стало уделять реальное внимание науке и ее научному потенциалу как одному из наиболее перспективных направлений, в связи с этим поддержка развития науки в дальнейшем вышла на новый уровень.

Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000-х гг., принятая в 1998 г., развивала положения, заданные Доктриной, и ставила целью активизацию государственной научно-технической политики. В концепции был определен новый вектор развития с прицелом на разработку новых приоритетов в развитии науки, базирующихся на современных общенациональных социально-экономических целях. Вопросу согласования концепций научного, образовательного, промышленного и оборонного развития страны было уделено пристальное внимание.

Второй этап (этап реформирования) состоит из двух временных блоков в части нормативного регулирования: 1996–1997 гг. и 1998–2001 гг. Первый блок представляется «рывковым», когда законодатель интенсивными темпами осуществлял регулирование сферы, требовавшей скорейшего оздоровления, в том числе путем проведения организационных изменений. Второй блок можно определить как «блок доработки», который доводил те направления, которые не попали в сферу первоначального интенсивного регулирования. Необходимо понимать, что внедрение новейших научно-технических достижений в социальную практику, которые замыкаются на проведении административных реформ, выступающих в качестве инструмента государственной политики, посредством которого воплощается в жизнь воля руководящих субъектов, не всегда достигает своей эффективности. Одним из примеров может выступать бесконечный процесс реформирования государственных академий наук в России, который в дальнейшем привел к разделению исполнительских и административно-хозяйственных функций академии наук и подведомственных ей учреждений, что привело к формированию критической оценки методов, применяемых в процессе реформирования на фоне незначительности достигнутых практических результатов [15].

На данном этапе, особенно в период до 2000 г., прослеживается тенденция административной нестабильности, когда государство пыталось придать видимость определенного порядка наследию советской науки, переживавшему кризисный этап 1991–1996 гг., бесконечно создавая, упраздняя и иным образом форматируя органы управления наукой. В своих работах А. В. Боков обозначает данный период временем «министерской чехарды», отмечая, что процесс «совершенствования» государственного управления наукой и в настоящее время далек от завершения.

Третий этап, или этап стабилизации, берет свое начало в 2002 г., когда были опубликованы основы политики Российской Федерации в сфере развития науки и технологий на период до 2010 г. Развитие науки и технологий было признано одним из ключевых приоритетов для страны, в контексте чего последовало принятие решения об усилении научной составляющей для реализации существующего потенциала во благо развития социально-экономического прогресса. Определив целью государственной политики переход к инновационному пути развития, авторы документа предполагали, что для ее достижения потребуется создание организационных и экономических механизмов, которые служили бы основой для повышения востребованности отечественных инноваций, обеспеченных собственным производством и разработками, достижениями фундаментальной науки и комплексом мероприятий в сфере прикладных исследований [16].

Однако следует отметить, что степень решения задач, поставленных в настоящем документе, не достигла заданного уровня и, как следствие, носит дискуссионный характер, в частности из-за гипотетической невозможности претворения столь масштабных планов в короткий временной промежуток. Об этом прямо свиде-

тельствует тот факт, что развитие положений основ политики осуществлялось в принятых позднее стратегических документах [17].

Ввиду того, что сами по себе принятые политико-программные документы носят в большей степени декларативный характер и без серьезных организационных изменений в сфере субъектов представляются недостаточно рабочим инструментом, со стороны государства были приняты комплексные меры, направленные на реформирование субъектов, осуществляющих функции в сфере научно-технической политики. Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (далее – Указ) закреплялась система и структура федеральных органов исполнительной власти, куда в том числе входили федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства [18].

В 2004 г. была проведена очень мощная административная реформа, в ходе которой пересматривались роль и полномочия субъектов, осуществляющих функции в сфере научно-технической политики. Одним из наиболее значимых аспектов стало реформирование Министерства образования и науки Российской Федерации (сокращенно – Минобрнауки России), которое просуществовало в относительно неизменном виде вплоть до 2018 г. Вновь образованному Министерству были переданы функции упраздняемых Министерства образования Российской Федерации и Министерства промышленности, науки и технологий Российской Федерации по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности и иные функции [19]. К ведению Минобрнауки России в этот период были отнесены Федеральные агентства и службы, в частности Рособрнадзор и Роспатент, которые имеют опосредованное отношение к выработке научно-технической политики, однако, осуществляя функции по контролю и надзору в области образования и науки, а также по правовой защите интересов государства в сфере правовой охраны и использования объектов интеллектуальной собственности, оказывают определенное влияние на данную сферу.

Результатом реформ, проведенных в 2004 г., стало утверждение Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации, определение перечня организаций, находящихся в ведении Минобрнауки России, формирование Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, создание Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию, просуществовавших до нового витка административной «перестройки». Как отмечает А. В. Боков, помимо прочего, на данном этапе, который отличался отсутствием системной государственной политики к научно-техническому комплексу и частыми реорганизациями в сфере управления, государство стало форсировать создание параллельной научной подсистемы в виде госкорпораций, таких как Роснано, Росатом, сохранив при этом ведомственный подход и формат советской модели функционирования.

Несмотря на всю серьезность проделанной работы на начальном периоде этапа стабилизации науки, к 2006 г. стала заметна тенденция стагнационного характера, которая выражалась в замедлении заданных темпов развития сектора исследований и разработок, который перестал должным образом соответствовать постоянно

растущим потребностям национальной безопасности и динамично развивающемуся рынку современных технологий и инноваций. Нарастание этих негативных тенденций было учтено в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г., опубликованной в 2006 г.

Целью Стратегии провозглашалось создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок, соответствующего современным требованиям, имеющего сбалансированный характер, поддерживающего инновационную систему на эффективном опережающем уровне развития и обеспечивающего технологическую потребность экономики. Особое внимание было уделено вопросам ускоренного развития несбалансированной национальной инновационной системы для развития экономического сектора и сектора национальной безопасности; подчеркивалась необходимость использования в этих целях разработок мирового уровня.

Далее последовал четвертый этап, который можно охарактеризовать как этап устойчивого развития. С учетом того, что краткосрочное планирование не всегда приводит к желаемым результатам в силу ограниченности ресурсов либо возможностей, либо несоответствия последних ограниченным срокам, выверенная поэтапная политика на среднесрочную или долгосрочную перспективу зачастую оказывается более продуктивной и позволяет достигнуть значительной части заявленных целей.

Подобным примером служит Концепция 2008 г., в основу которой были положены процессы долгосрочного социально-экономического развития, вплоть до 2020 г., и которая по существу заявленных целей может считаться документом, формирующим новый этап устойчивого развития науки с 2008 г. Основная цель документа – определение путей и методов, которые обеспечат повышение уровня национальной безопасности, экономического развития, благосостояния граждан. Концепция отметила «вызовом» предстоящую волну технологических изменений, увеличивающих значение инноваций в социально-экономическом развитии. Она приведет к тому, что развитые страны будут концентрироваться на создании современной технологической базы для укрепления экономической системы, в основу которой будут положены новейшие инновационные достижения. Итогом всего этого должно было стать формирование мощного научно-технологического комплекса. Концепция расставляла приоритеты государственной научно-технической политики Российской Федерации в разрезе совокупности вызовов, стоящих перед российской наукой [2].

Принятые в 2006 и 2008 гг., соответственно, Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. и Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. послужили основой для совокупности административных изменений, в частности для создания Федерального агентства научных организаций, утверждения Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и др. На первый взгляд, отнесение двух указанных политико-программных документов к разным временным этапам может показаться не совсем обоснованным, однако, если обращаться к целям и направлениям данных документов, явственно можно определить, что Стратегия развития науки является документом уходящего этапа, на котором государство приводило научный сектор к стабильности и занималось поиском компромиссов для решения поставленных задач. Соответственно, Стратегия пытается охватывать все те направления, которые были упущены на начальной стадии этапа стабилизации, будь то создание конкурентного сектора исследований или опере-

жающее технологическое развитие. В свою очередь, Концепция долгосрочного социально-экономического развития представляется документом нового этапа, который ознаменовался формированием модели устойчивого развития научного сектора и регулированием социально-экономической сферы.

Значительной нормотворческой активностью ознаменовался 2016 г., когда основные изменения в законодательстве коснулись научно-технической политики и организации науки, интеллектуальной собственности, интеграции науки и образования, инноваций. Так, среди принятых в 2016 г. нормативных актов в сфере научно-технической политики можно выделить, в частности, Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» [20]. Цель и вектор научно-технологического развития были скорректированы Стратегией 2016 г. в направлении обеспечения независимости и конкурентоспособности страны за счет создания системы наращивания и эффективного использования интеллектуального потенциала [21]. Ключевая особенность Стратегии – попытка законодателя определить место науки в российском обществе путем выделения этапов развития отечественной науки.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации 2016 г. также создала базу для изменений административного характера в части совершенствования государственного регулирования в области развития науки и технологий; она стала лишь промежуточным звеном на пути развития научной технической политики, так как активное развитие инноваций способствовало дальнейшему совершенствованию нормативной базы и, например, принятию Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [22].

На этапе устойчивого развития науки происходило реформирование сферы субъектов, однако не столь интенсивно, как в кризисный период. Одной из тенденций, которая прослеживалась в это время, было разделение исполнительских и административно-хозяйственных функций в научной сфере, а также структурирование науки. Для этих целей в 2013 г. было создано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО России), которое просуществовало до 2018 г. и являлось федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере организации деятельности, осуществляемой подведомственными организациями. Деятельность регулировалась положением о Федеральном агентстве научных организаций, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 25.10.2013 № 959.

В настоящее время деятельность агентства прекращена; оно упразднено 15 мая 2018 г. Указом Президента Российской Федерации. Одновременно было принято решение о разделении Минобрнауки России на Министерство просвещения Российской Федерации и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; в структуру последнего вошло теперь уже бывшее ФАНО России.

Хочется отметить, что на этапе устойчивого развития науки у государства было достаточно сил и средств, чтобы последовательно воплотить в жизнь те базовые цели и принципы, которые задавались законом о науке и принятыми в его развитие политико-программными документами, что во многом и было достигнуто. Характерным признаком этого этапа является практически полное отсутствие хаотичных непоследовательных действий, которые прослеживались на первых этапах регулирования научной сферы, когда принятие очередного политико-программного документа было закономерным следствием необходимости реформирования системы

субъектов научно-технической политики, что не всегда представляется объективно необходимым в целях развития научно-технической деятельности и науки в целом [1]. Помимо прочего, прослеживаются увеличение продолжительности этапа, общая стабильность и точечный характер действий государства как в нормативном регулировании, так и в вопросах проведения административных реформ. Стоит отметить, что на данном этапе была заложена прочная основа для дальнейшего поэтапного развития научной сферы.

Окончание этапа устойчивого развития науки и переход к новому этапу напрямую связаны с событиями, произошедшими в 2022 г. Сложившаяся геополитическая ситуация предопределила необходимость обеспечения реализации задач и национальных приоритетов Российской Федерации в научно-технологической сфере, а также трансформации науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы. Настоящая повестка отражена в Указе Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 о Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации; она констатирует необходимость формирования комплексной модели управления наукой, основными приоритетами которой станут синхронизация и реализация государственной научно-технической политики, а также сопутствующее регулирование сферы технологической и промышленной политики. Поручение о разработке такой модели в 2025 г. дал председатель Правительства Михаил Мишустин по итогам стратегической сессии «Модель развития науки».

Заключение

Базовые цели научно-технической политики, определенные в Законе 1996 г. и получившие дальнейшее развитие в политико-программных документах, в настоящее время не утратили своей актуальности. Изначально заданная концепция претерпела определенные изменения в ходе совокупного влияния на нее внешне- и внутриполитических факторов, диктующих направления развития научно-технологического потенциала страны, однако ее основной вектор развития сохраняется в изначально заданных рамках и обусловлен поэтапным развитием, рациональным размещением и эффективным использованием научно-технического потенциала.

В ходе проведения настоящего исследования предложена авторская периодизация этапов развития научной технической политики в Российской Федерации, в ходе которой определены: кризисный этап (с 1991 по 1995 г.), этап «шокового» реформирования науки (с 1996 по 2001 г.), этап стабилизации (с 2002 по 2007 г.), этап устойчивого развития (с 2008 по 2022 г.) и текущий этап реализации национальных приоритетов.

В качестве основных политико-программных документов, задающих направление развития научно-технической политики, на разных этапах выделены: Доктрина развития российской науки (1996), Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000 гг. (1998), Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу 2002 г., Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. (2006), Комплексная программа научно-технологического развития и технологической модернизации экономики Российской Федерации до 2015 г. (2007), Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (2008), Стратегия научно-технологического развития

Российской Федерации (2016), Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (2024). Письмо Президента РФ об основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу можно рассматривать в качестве политико-программного документа, послужившего отправной точкой для масштабного реформирования государственного сектора науки и высоких технологий.

Изменение точки зрения на роль науки на конкретном этапе научно-технического развития страны, выражающееся в принятии конкретного политико-программного документа, сопровождается последующим проведением организационных мероприятий в сфере субъектов, вызванных необходимостью перестроения административного аппарата под текущие нужды государственной научно-технической политики. В противном случае политико-программные документы приобретают декларативный статус, теряют практическое значение и становятся недостаточно определенными, как это наблюдалось на ранних этапах становления научно-технической политики.

Более поздние этапы развития научно-технической политики в Российской Федерации характеризуются не только ее большей упорядоченностью в сравнении с первоначальными этапами регулирования научной деятельности, но и отличаются постепенно увеличивающейся временной продолжительностью, связанной со стабилизацией процессов в научно-техническом секторе. Поэтапное регулирование и реформирование научной сферы на пути к построению ее упорядоченной системы (по мере преодоления вызовов, стоящих перед Российской наукой) со временем позволило более полно раскрыть потенциал и широкий спектр возможностей, в сравнении с первоначальными этапами развития, носившими стихийный характер.

Таким образом, за рассматриваемый период государством были заложены основы для формирования комплексной модели управления наукой, отличительными чертами которой являются синхронизация политико-правовых актов и организационных мероприятий в реализации государственной научно-технической политики, а также системное регулирование сферы технологий и промышленности. Вместе с тем представляется, что переход от «стрессовой реакции» в решении текущих проблем к прогнозируемому поэтапному реформированию научно-технической деятельности с пролонгацией результатов на перспективу на сегодняшний день окончательно не оформился, что требует проведения значительного объема работы по совершенствованию научно-технической сферы.

Список источников

1. Боков А. В. Этапы и направления государственной научно-технической политики в постсоветский период // Власть. 2010. № 8. С. 95–98. EDN: MUTXJB
2. Приоритеты государственной научной и научно-технической политики России: от правового закрепления к реализации (ч. 1) / А. А. Васильев, Е. С. Аничкин, И. Н. Васев, Р. В. Насыров // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3(94). С. 187–194. EDN: OVRLSD
3. Дашкова М. О., Вок М. Г. Сравнение правовых механизмов, направленных на гармонизацию научной, научно-технической и инновационной политики, в зарубежных странах и Российской Федерации // Управление наукой и наукометрия. 2021. Т. 16, № 4. С. 541–570. DOI: 10.33873/2686-6706.2021.16-4.541-570. EDN: TBQGWJ

4. Знаменский Д. Ю. К вопросу о применении системно-динамического подхода к исследованию процессов формирования и реализации государственной научно-технической политики // NB: Проблемы общества и политики. 2014. № 7. С. 50–63. EDN: SJTIPP
5. Ламинина О. Г. Научно-техническая политика Российской Федерации – основные направления развития на современном этапе // Credo New. 2018. № 4(96). С. 7. EDN: FKQMXQ
6. Андреева Е. Л., Захарова В. В., Ратнер А. В. Роль государственной научно-технической политики в социально-экономическом развитии РФ и ее регионов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4(165). С. 39–44. EDN: SFNJTP
7. Осипов Ю. С. Реформирование необходимо, но без кавалерийских наскоков. Вступительное слово президента РАН академика Ю. С. Осипова // Вестник РАН. 1994. № 8. С. 685–692.
8. Проблемы научно-технической и инновационной политики в России / В. Г. Голубцов, А. А. Тюлькин, А. В. Сятчихин [и др.]. St. Louis: Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2013. 130 с. ISBN 978-0-615-67095-9. EDN: QZYIPL. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20195405 (дата обращения: 06.02.2026).
9. Воронцов В. А., Лялюшенко Н. С. Научно-техническая сфера России в период разработки концепции ее реформирования // Науковедение. 1999. № 3. С. 44–62.
10. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 06.02.2026).
11. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (с изменениями на 31 июля 2025 года): [принят Государственной Думой 2 июля 1996 года; одобрен Советом Федерации 7 августа 1996 года // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/9028333 (дата обращения: 25.10.2023).
12. Калинов В. В. Эволюция государственной научно-технической политики в контексте социально-экономической модернизации страны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-3(14). С. 96–100. EDN: MYHIDQ
13. О доктрине развития российской науки: Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 884 (ред. от 23.02.2006) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97413/95af474b4181da2a33f85abdb3495777fb35d5ff/ (дата обращения: 06.02.2026).
14. Асриянц К. Г., Магомедханова А. Э. Научно-техническая политика как функция государственного управления // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12-1(89). С. 1158–1160. EDN: YRGVZH
15. Степаненко Ю. В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования деятельности государственных научных центров // Современный юрист. 2017. № 1(18). С. 18–26. EDN: YJYGLF
16. Рыбакова Л. И. Государственная научно-технологическая политика и финансирование науки (опыт 2000–2012 годов) // Наука. Инновации. Образование. 2013. Т. 8, № 2. С. 151–174. EDN: RSMYET
17. Лукьянов Г. В., Марышев Е. А. Научно-технические приоритеты в системе стратегического планирования России // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2018. № 2(23). С. 44–52. EDN: XYZSFV
18. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (с изменениями на 27 марта 2023 года) // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/901890322 (дата обращения: 26.10.2025).
19. Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 15.06.2004 № 280 (с изменениями на 31 марта 2009 года) // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/901900508 (дата обращения: 26.10.2025).

20. Тодосийчук А. В. О совершенствовании законодательного обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности // Наука. Инновации. Образование. 2017. Т. 12, № 4. С. 66–87. EDN: YMPLPM
21. Сергеева О. Л., Самарина Ю. С., Шкварова А. С. Изменения законодательства в научно-технической сфере за 2016 год // Наука. Инновации. Образование. 2017. Т. 12, № 2. С. 157–173. EDN: YSTPKD
22. Вок М. Г. Обзор изменений законодательства Российской Федерации в научно-технической сфере с октября по декабрь 2019 года // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 179–196. DOI 10.19181/smtp.2020.2.1.8. EDN: SWHJXN

References

1. Bokov A. V. Stages and Directions of the State Scientific and Technical Policy in the Post-Soviet Period. *Vlast*. 2010; (8): 95–98. EDN: MUTXJB
2. Priorities of the State Scientific and Technical Policy of Russia: From Legal Consolidation to Implementation (Part 1) / A. A. Vasilyev, E. S. Anichkin, I. N. Vasev, R. V. Nasyrov. *Yurist-Pravoved*. 2020; 3(94): 187–194. EDN: OVRLSD
3. Dashkova M. O., Vok M. G. Comparison of Legal Mechanisms Aimed at Harmonizing Scientific, Scientific-Technical, and Innovation Policies in Foreign Countries and the Russian Federation. *Science Management and Scientometrics*. 2021; 16(4): 541–570. DOI: 10.33873/2686-6706.2021.16-4.541-570. EDN: TBQGWJ
4. Znamensky D. Yu. On the Application of a System-Dynamic Approach to the Study of the Processes of Formation and Implementation of State Scientific and Technical Policy. *NB: Problems of Society and Politics*.2014; (7): 50–63. EDN: SJTIPP
5. Laminina O. G. Scientific and Technical Policy of the Russian Federation: Main Directions of Development at the Present Stage. Credo New. 2018; 4(96): 7. EDN: FKQMXQ
6. Andreeva E. L., Zakharova V. V., Ratner A. V. The Role of State Scientific and Technical Policy in the Socioeconomic Development of the Russian Federation and Its Regions. *Bulletin of the Orenburg State University*. 2014; 4(165): 39–44. EDN: SFNJTP
7. Osipov Yu. S. Reforming is necessary, but without cavalry charges. Opening speech by the President of the Russian Academy of Sciences, Academician Yu. S. Osipov. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 1994; (8): 685–692.
8. Issues of Scientific-Technical and Innovation Policy in Russia / V. G. Golubtsov, A. A. Tyulkin, A. V. Syatchikhin [et al.]. St. Louis: Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2013. 130 p. ISBN 978-0-615-67095-9. EDN: QZYIPL. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20195405 (accessed date: 06.02.2026).
9. Vorontsov V. A., Lyalyushenko N. S. The Scientific and Technical Sphere of Russia during the Development of the Concept for Its Reformation. *Naukovedenie*. 1999; (3): 44–62.
10. On the Strategy for the Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 145 dated February 28, 2024. *President of Russia: [website]*. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (accessed date: 06.02.2026).
11. On Science and State Scientific and Technical Policy: Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 (as amended on July 31, 2025): [adopted by the State Duma on July 2, 1996; approved by the Federation Council on August 7, 1996]. *Kodeks.* URL: https://docs.cntd.ru/document/9028333 (accessed date: 25.10.2023).
12. Kalinov V. V. Evolution of the State Scientific and Technical Policy in the Context of the Country's Socio-Economic Modernization. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. 2011; 8-3(14): 96–100. EDN: MYHIDQ
13. On the Doctrine of the Development of Russian Science: Decree of the President of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 884 (as amended on 23.02.2006). *ConsultantPlus.* URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97413/95af474b4181da2a33f85abdb3495777fb35d5ff/ (accessed date: 06.02.2026).
14. Asriants K. G., Magomedkhanova A. E. Scientific and Technical Policy as a Function of Public Administration. *Economics and Entrepreneurship*. 2017. № 12-1(89): 1158–1160. EDN: YRGVZH
15. Stepanenko Yu. V. On the Issue of Improving the Legal Regulation of the Activities of State Research Centers. *Modern Lawyer*. 2017; 1(18): 18–26. EDN: YJYGLF
16. Rybakova L. I. State Scientific and Technological Policy and Funding of Science (Experience of 2000-2012). *Science. Innovations. Education*. 2013; 8(2): 151–174. EDN: RSMYET
17. Lukyanov G. V., Maryshev E. A. Scientific and Technical Priorities in the System of Strategic Planning in Russia. *Innovations and Expertise: Scientific Works*. 2018; 2(23): 44–52. EDN: XYZSFV
18. On the System and Structure of Federal Executive Bodies: Decree of the President of the Russian Federation No. 314 dated March 9, 2004 (as amended on March 27, 2023). *Kodeks*. URL: https://docs.cntd.ru/document/901890322 (accessed date: 26.10.2025).
19. On Approval of the Regulations on the Ministry of Education and Science of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation № 280 dated 15.06.2004 (as amended on March 31, 2009). *Kodeks*. URL: https://docs.cntd.ru/document/901900508 (accessed date: 26.10.2025).
20. Todosiychuk A. V. On Improving the Legislative Support for Scientific, Technical, and Innovative Activities. *Science. Innovations. Education*. 2017; 12(4): 66–87. EDN: YMPLPM
21. Sergeeva O. L., Samarina Yu. S., Shkvarova A. S. Changes in Legislation in the Scientific and Technical Sphere in 2016. *Science. Innovations. Education*. 2017; 12(2): 157–173.
22. Vok M. G. Review of changes in the legislation of the Russian Federation in the scientific and technical sphere from October to December 2019. *Management of science: theory and practice*. 2020; 2(1): 179–196. DOI 10.19181/smtp.2020.2.1.8.EDN: SWHJXN

Информация об авторах:

Казанцев Виктор Павлович, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, vittoriokaz1@gmail.com

Белоглазова Виктория Александровна, доцент каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Beloglazova.va@vvsu.ru

Шеломенцев Андрей Геннадьевич, д-р экономических наук, профессор, профессор каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, a.shelom@yandex.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/169-184
EDN: https://elibrary.ru/JDGXSB

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
04.03.2026	04.05.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 185–196
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 185–196

Научная статья
УДК 348.9
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/185-196
EDN: https://elibrary.ru/JDMDPF

Особенности организации и деятельности представительных органов современных социалистических государств

Балковая Валентина Григорьевна

Торчило Александр Сергеевич

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
Владивосток. Россия

Аннотация. *В современных условиях переориентации внешнеполитических связей России на Восток большой потенциал в развитии международно-правового взаимодействия представляют социалистические страны. На формирование их государственно-правовых систем значительное влияние оказала конституционная модель, сформировавшаяся в СССР в 1936 г. Использовав эту модель как отправную точку своего собственного социалистического строительства, эти страны творчески развили ее, сформировав свои собственные жизнеспособные государственные модели, воплотившие в себя как общие закономерные черты эволюции социалистической государственности, так и национальную специфику каждой из социалистических стран. Важную роль здесь сыграли представительные органы этих стран, воплотившие в себя идею социалистического народоправства. На основе анализа текстов действующих конституций ряда социалистических государств (Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республики, Республики Куба) проведено теоретико-компаративистское исследование структуры, порядка формирования и роли в системе высших органов государства представительных органов – социалистических парламентов. Это представляется тем более важным, что классическое социалистическое государство изначально было создано как особая разновидность парламентских республик.*

Ключевые слова**:** *социалистическая республика, социалистическое государство, парламент, Республика Куба, представительный орган, представительная власть, конституция, конституционно-правовой статус парламента, партийная система, социализм с китайской спецификой*

Для цитирования: *Балковая В.Г., Торчило А.С. Особенности организации и деятельности представительных органов современных социалистических государств // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 185–196. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/185-196. EDN: https://elibrary.ru/JDMDPF*

Original article

Features of the organization and activities of representative bodies of modern socialist states

Valentina G. Balkovaya

Alexander S. Torchilo

Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Vladivostok. Russia

© Балковая В.Г., 2026
© Торчило А.С., 2026

Abstract. *In the current context of Russia's reorientation of foreign policy relations toward the East, socialist countries represent significant potential for developing international legal cooperation. The constitutional model established in the USSR in 1936 significantly influenced the development of their legal systems.Using this model as a starting point for their own socialist construction, these countries creatively developed it, forming their own viable state models that embodied both the general, natural features of the evolution of socialist statehood and the national specifics of each socialist country. Representative bodies in these countries played a key role in this, embodying the idea of socialist democracy.This article, based on an analysis of the texts of the current constitutions of a number of socialist states (the People's Republic of China, the Democratic People's Republic of Korea, the Socialist Republic of Vietnam, the Lao People's Democratic Republic, and the Republic of Cuba), conducts a theoretical and comparative study of the structure, formation, and role of representative bodies-socialist parliaments – in the system of supreme state bodies. This is all the more important given that the classical socialist state was originally created as a special type of parliamentary republic.*

Keywords**:** *socialist republic, socialist state, parliament, Republic of Cuba, representative body, representative power, constitution; constitutional and legal status of parliament, party system, socialism with Chinese characteristics*

For citation*: Balkovaya V. G., Torchilo A. S. Features of the organization and activities of representative bodies of modern socialist states // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 185–196. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/185-196 EDN: https://elibrary.ru/JDMDPF*

Введение

Наиболее яркой внешней характеристикой любого государства выступает форма правления, которая раскрывается через порядок формирования и компетенцию высших органов государства. Наряду с традиционными формами буржуазных республик – президентской парламентской, смешанной – особую группу республик составляют те формы правления, которые сложились в социалистических странах.

Хотя после системного кризиса социализма в нашей стране произошел отказ от этого общественного строя и утвердилась новая государственная модель, ряд государств продолжили свое историческое развитие по социалистическому пути. Из этого следует, что исторический потенциал социализма исчерпан не до конца.

В свете переориентации международных приоритетов Российской Федерации с Запада на Восток усилился интерес во всестороннем развитии отношений с социалистическими государствами [1]. Для выстраивания эффективного взаимодействия с ними необходимо учитывать своеобразие их формы правления, обусловленное влиянием коммунистической или подобной ей государственной идеологии. В этой связи особенно значимой является изучение системы представительных органов власти, существующих в этих странах и воплощающих в себе идею социалистического народоправства. Вследствие этого тема, избранная для изучения, представляет не только научный интерес, но и обладает значительной практической значимостью.

Объект, предмет, цель и новизна исследования. Объект настоящего исследования – парламентские системы современности, непосредственный предмет – представительные органы власти Китайской Народной Республики (КНР), Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), Республики Куба, Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) и Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР) в части порядка их формирования, внутренней организации и компетенции. Новизна подхода обусловлена попыткой проведения комплексного теоретико-компаративистского исследования представительных органов власти как органов народоправства, сформировавшихся в современных социалистических странах,

выявления закономерностей формирования и конкретно-исторических особенностей деятельности этих систем.

Источниковая база исследования. В качестве эмпирической базы исследования выступили конституции и иные акты конституционного значения современных социалистических стран. Определенной технической сложностью для проведения данной работы явилось отсутствие официальных переводов этих нормативных правовых актов на русский язык, за исключением Конституции КНР 1982 г. [2]. Вместе с тем англоязычные справочно-правовые системы указанных государств, размещенные в Интернете, позволяют составить достаточно полное представление о современном состоянии их конституционного законодательства, включая, помимо текстов конституций этих стран, обширный перечень законодательных и подзаконных актов соответствующей тематики. Наиболее закрытой представляется справочно-правовая система КНДР, где в открытом доступе находится только текст Конституции КНДР 1976 г. [3]. На официальных сайтах других социалистических стран перечень доступных нормативных источников значительно шире.

В процессе исследования были использованы действующие редакции Конституции Республики Куба 2019 г. [4], Конституции СРВ 1992 г. (в 2013 г. подвергшейся столь значительным изменениям, что фактически ставшей новым основным законом) [5], Конституции ЛНДР 1991 г. [6]. При возможности использовались тексты специализированных нормативных правовых актов, регулирующих формирование и деятельность представительных органов ряда социалистических стран.

Для выявления закономерностей и конкретно-исторических особенностей развития конституционного законодательства социалистических стран использованы тексты Конституций СССР 1936 [7] и 1977 гг. [8].

Методология исследования. Исследование проводилось на основе базовых принципов научного познания – объективности, системности, комплексности, историзма. Для обработки полученной информации использованы методы формальной логики, прежде всего аналитический; ведущий специальный метод познания – теоретико-компаративный.

Основная часть

Сравнительный анализ представительных органов социалистических государств проведен по таким критериям, как название представительного органа, количество его депутатов, порядок формирования, соотношение полномочий органов народного представительства и правящей партии, внутренняя организация представительного органа и регламент его работы.

Говоря о названии представительного органа в той или иной социалистической стране, следует отметить, что ни в одной из них он не называется парламентом, а имеет свое собственное наименование. Эта практика вытекает из тезиса о полном разрыве новой государственности со всеми институтами старого эксплуататорского государственного механизма, включая буржуазный парламент. Основания такой практики были заложены в Конституции СССР 1936 г., где высший представительный орган имел название Верховного Совета [7, ст. 30].

В современных социалистических государствах эта закономерность продолжает действовать, вследствие чего в КНДР высший представительный орган называется Верховным народным собранием, в КНР – Всекитайским собранием народных

представителей, в Республике Куба – Национальной ассамблеей народной власти, в СРВ – Национальным собранием, в ЛНДР – Национальной ассамблеей.

В связи со значительным разнообразием территории социалистических государств и численности их населения число депутатов их представительных органов может колебаться в значительном диапазоне – от 2977 депутатов в парламенте КНР до 175 депутатов в ЛНДР. Однако в среднем число депутатов составляет 500–600 человек, что в основном соответствует классической парламентской модели.

В современных социалистических государствах используются различные подходы к укомплектованию высших и региональных представительных органов. Так, в КНДР практикуются прямые безальтернативные выборы при формировании как высшего, так и нижестоящих представительных органов. В Республике Куба законодательно установлены прямые безальтернативные выборы высшего и прямые альтернативные выборы нижестоящих представительных органов. Во Вьетнаме и Лаосе практикуются прямые альтернативные выборы при формировании как высшего, так и нижестоящих представительных органов [9, 306–308]. Наиболее сложная система сформировалась в Китае, где высший парламент формируется в результате непрямых выборов, в которых участвуют депутаты нижестоящих представительных органов. Однако сами нижестоящие представительные органы укомплектовываются в результате прямых альтернативных выборов [10, с. 67, 68].

Такое разнообразие подходов опровергает распространенное представление о выборах в социалистических государствах как «выборах без выбора», построенных на отсутствии альтернативы. Кроме того, даже в случае использования безальтернативного голосования в представительные органы в социалистических странах существует определенная особенность. Теоретически она была разъяснена и обоснована еще применительно к избирательной системе Советского Союза в ответ на ее зарубежную критику; эти разъяснения не утратили своей актуальности для современных социалистических избирательных систем [11]. Особенность заключается в том, что в социалистических государствах избиратели проявляют свою волю еще на стадии выдвижения кандидатов в депутаты, наделяя таким статусом тех, о ком имеют представление как о наиболее достойных в своих коллективах – партийных организациях, рабочих, крестьянских, молодежных, женских и иных общественных организациях, трудовых коллективах, воинских частях, соседских объединениях и других в зависимости от государства [9, с. 306–308]. Последующее голосование за уже выдвинутых кандидатов более широкого круга избирателей служит средством не столько избрания кандидатов, сколько выражения им доверия и в то же время возложения на них ответственности не только за выдвинувшие их коллективы, но и за более многочисленные общности избирателей. Следовательно, официальное голосование на безальтернативных выборах в представительные органы социалистических государств не заменяет реальных выборов депутатов, а фактически следует за ними, юридически оформляя и легитимируя их результат.

Определенной особенностью современных социалистических стран является наличие в них либо однопартийной системы (как, например, в Республике Куба, СРВ, ЛНДР), либо наличие в них двух-, трехпартийных систем, в которых несколько политических партий образуют единый партийный блок (КНДР, КНР). При этом в обоих случаях крупнейшей и правящей является коммунистическая или иная идеологически и организационно подобная ей (например, в КНДР – Трудовая, в ЛНДР – Народно-революционная) партия соответствующего государства, наделенная его

основным законом особым политико-правовым статусом. Такая практика заимствована из СССР, оформилась уже в условиях системного кризиса социализма; впервые она нашла официальное юридическое закрепление в ст. 6 Конституции СССР, определившей, что «КПСС – ядро политической системы, руководящая и направляющая сила советского общества» [8, ст. 6].

В современной конституционной науке широко распространено мнение, что такая практика делает парламент абсолютно декоративным элементом в государственном механизме, где все политические решения принимаются партийными органами. В соответствии с этой позицией представительные органы необходимы лишь для придания правовой формы решениям партийных органов и для демонстрации общественной поддержки определенному партией курсу. Аргументом в пользу такого мнения является существование во всех современных социалистических государствах однопартийной системы [12, с. 343–345].

Необходимо отметить, что указанное мнение и все вытекающие из него утверждения обычно носят критический характер, как правило, основываются на анализе политической практики социалистических государств, которая, будучи переменчивым и отчасти непубличным явлением, может подвергаться поверхностным, неоднозначным и необъективным оценкам. Обратившись к законодательству социалистических государств, можно выяснить, что ни в одном из них не создана нормативная основа для подчинения представительных и иных государственных органов партийным.

Присутствующая в конституции каждого социалистического государства статья, провозглашающая руководящую роль одной коммунистической или подобной ей партии, носит декларативный характер и конкретными политическими полномочиями такую партию не наделяет. Законодательно может быть определено участие политических партий в выдвижении кандидатов на выборы в представительные государственные органы (за исключением Республики Куба, где партийные структуры непосредственно не участвуют в избирательном процессе) [13, с. 108–112], но таким правом, наряду с правящей партией, обладают и иные общественные объединения.

Ни одной конституцией современных социалистических государств не предусмотрено закрепление определенного количества мест или определенных должностей за представителями правящей политической партии, также формально положения партийных документов не являются обязательными для государственных органов [14, с. 3284]. Исключением не является даже пятилетний директивный план экономического развития КНДР, принимаемый постановлением съезда Трудовой партии Кореи (последний такой съезд с порядковым номером IX состоялся с 19 по 25 февраля 2026 г.) и впоследствии конкретизируемый и реализуемый государственным аппаратом [15].

Следовательно, фактическое политическое преобладание правящих партий над представительными органами в социалистических государствах (порой небесспорное) – следствие сложившейся в таких государствах политической практики [16, с. 95–97], в целом законодательно не обусловленное и не дающее оснований утверждать, что социалистическое государство в силу его партийной системы в принципе несовместимо с демократией в ее идеологически нейтральном понимании [17, с. 118–121].

Далее коснемся порядка функционирования представительных органов. Важной особенностью их работы является сессионный порядок деятельности – они функ-

ционируют лишь при наличии законодательно определенного кворума и только во время установленной сессии. Эти сессии могут быть очередными (один или два раза в год в зависимости от государства) или внеочередными.

В ходе сессий принимаются законы и важнейшие политические решения (о пересмотре конституции, принятии государственного бюджета, об утверждении государственных планов экономического и социального развития). Кроме того, именно в ходе сессий избираются высшие должностные лица – глава государства, глава правительства, руководители высших органов судебной системы и прокуратуры. Особенностью КНДР является то, что на сессии представительного органа формируется состав Государственного совета, выступающего коллективным главой государства.

Для индивидуального главы государства может быть конституционно закреплена как недопустимость наличие статуса депутата высшего представительного органа (что действует, например, в отношении председателя Государственного совета КНДР), так и обязательность наличия такого статуса (Президенты СРВ и Республики Куба).

Продолжительность сессий нигде законодательно не определена, но (по общему правилу) они являются краткосрочными и составляют от одного дня до двух-трех недель. Например, I сессия Верховного народного собрания КНДР XV созыва продолжалась два дня (с 22 по 23 марта 2026 г.) [18], а IV сессия Всекитайского собрания народных представителей XIV созыва продолжалась неделю (с 5 по 12 марта 2026 г. [19].

Сравнительная немногочисленность законов, действующих в современных социалистических государствах, в том числе объясняется редкостью и непродолжительностью сессий (например, в КНР существует всего 310 законов) [20, с. 69, 70]. Пробелы в законодательстве восполняются за счет законодательных актов постоянно действующих высших представительных органов, а также через правительственное и ведомственное подзаконное нормотворчество.

В то же время ошибочно полагать, что в промежутках между сессиями высшие представительные органы социалистических государств бездействуют и предоставляют неограниченные полномочия их исполнительно-распорядительным органам, так как высший представительный орган каждого социалистического государства в ходе сессии избирает из своего состава постоянно действующий малый представительный орган («ядро» парламента): в КНР, СРВ и ЛНДР это Постоянный комитет, в КНДР – Президиум. Такая конструкция высшего представительного органа в значительной степени напоминает организацию Верховного Совета СССР по Конституциям СССР 1936 и 1977 гг., который тоже работал по сессиям, а в перерывах в качестве постоянно действующего представительного органа выступал Президиум Верховного Совета СССР [7, ст. 48; 8, ст. 119].

Наиболее необычным из-за названия является такой постоянно действующий представительный орган в Республике Куба: там он имеет название Государственного совета [21, с. 77], хотя по общей практике социалистического государственного строительства подобное название традиционно используется применительно к органам, не являющимся представительными (так, Государственный совет КНДР является коллективным главой государства, а Государственный совет КНР – высшим исполнительно-распорядительным органом).

Численность постоянно действующего представительного органа различается в зависимости от конкретного государства, но в среднем ограничивается полутора-

двумя десятками депутатов (Президиум Верховного народного собрания КНДР – 14, Постоянные комитеты Национальной ассамблеи ЛНДР и Национального собрания СРВ – 15 и 19 соответственно, Государственный совет Республики Куба – 21). Лишь Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей насчитывает 175 депутатов [22, с. 38]. Традиционно в состав постоянно действующего представительного органа входят председатель, его заместители и другие депутаты. В перерывах между сессиями именно этот орган принимает важнейшие политические решения, а также готовит нормативные правовые акты, имеющие силу закона.

На очередной сессии высшего представительного органа данные акты должны быть либо утверждены, либо отменены, либо отредактированы. Важным является то, что эти акты могут вносить изменения в ранее принятые законы [23, с. 168]. Из этого видно, что законотворчество в социалистических государствах в промежутках между сессиями их высших представительных органов не прерывается, однако число депутатов, непосредственно участвующих в принятии законодательных актов, достаточно невелико.

Означает ли это, что все остальные депутаты (подавляющее большинство) в промежутках между сессиями бездействуют? Нет, не означает, потому что в перерывах между сессиями высшего представительного органа значительно большее количество депутатов, чем избираемое в его постоянно действующий орган, работает в различных постоянно действующих отраслевых комиссиях, осуществляющих разработку законопроектов, парламентский контроль, конституционный контроль и иные парламентские функции. Причем количественный состав таких комиссий, определяемый самим высшим представительным органом, на практике может включать в себя даже большинство его депутатов, что подтверждается, например, историческим опытом Верховного Совета СССР, структуру и организацию работы которого (с поправкой на отсутствие присущей ему двухпалатности) неизменно брали за основу высшие представительные органы других социалистических государств. Так, в 1984 г. из 1500 депутатов Верховного Совета СССР свыше 4/5 (1210 депутатов) входили в состав его постоянно действующих комиссий, сведения о чем публично высказывались советскими депутатами как раз для опровержения зарубежного представления о бездеятельности «рабоче-крестьянского парламента» [24].

Стоит отметить, что депутаты, не избранные в состав постоянных комиссий высших представительных органов социалистических государств, в промежутках между их сессиями также не бездействуют. В свободное от основной трудовой деятельности время они реализуют ряд принадлежащих им прав, в том числе непосредственно взаимодействуют с избирателями (перед которыми обязаны регулярно отчитываться о своей работе и которыми могут быть в установленном порядке отозваны при ее ненадлежащем ведении), предоставляют в постоянно действующий орган и постоянные комиссии высшего представительного органа информацию, которая может быть использована в законотворчестве, направляют обращения в различные органы и организации и проводят проверки их деятельности в рамках депутатского контроля, иными способами осуществляют представительство общественных интересов.

Необходимо пояснить, что достаточно подробно описанный выше сессионный порядок деятельности характерен именно для высших представительных органов социалистических государств, тогда как их представительные органы нижестоящих уровней, особенно функционирующие в пределах низших административно-территориальных единиц, могут быть постоянно действующими. Например, муниципаль-

ные ассамблеи народной власти, представительные органы муниципалитетов Республики Куба, действуют на постоянной основе и собираются на свои заседания не реже одного раза в два месяца [21, с. 78].

Таким образом, вопреки распространенному мнению, сессионный порядок функционирования высших представительных органов социалистических государств необходим, скорее, не для ограничения народного представительства, а для оптимизации его осуществления. Такой порядок позволяет государству элементарно сократить расходы на содержание депутатского корпуса: при нем подавляющее большинство депутатов (как правило, все, за исключением членов постоянно действующего органа и председателей постоянных комиссий) действуют на непрофессиональной основе, без отрыва от основной деятельности и без фактической утраты связи с избирателями, но при этом сохраняют возможность участвовать в законодательном процессе и иных важнейших направлениях парламентской работы.

Наиболее востребован именно такой порядок деятельности для Всекитайского собрания народных представителей ввиду крайней многочисленности его депутатов, из-за которой постоянное функционирование этого органа в полном его составе невозможно, а продолжительное – затруднительно [22, с. 38]. В то же время Постоянный комитет высшего представительного органа КНР кратно превосходит по численности подобные ему органы в других социалистических государствах и даже равен по количеству депутатов всей сессионной Национальной ассамблее ЛНДР. Конечно, это обусловлено крайне высокой численностью населения КНР, но для представительных органов социалистических государств в целом характерно достаточно большое количество депутатов, что особенно заметно на примере КНДР и Республики Куба, население которых приблизительно составляет 26,6 и 10,9 млн человек соответственно.

Заключение

На основе проведенного исследования удалось прийти к ряду выводов.

1. Говоря об особенностях представительных органов современных социалистических государств, необходимо отметить значительное влияние на их формирование Конституций СССР 1936 и 1977 гг. В частности, это влияние прослеживается в том, что ни один законодательный представительный орган в социалистических странах не называется просто парламентом; все они имеют собственные имена, что должно было подчеркнуть принципиальное отличие социалистических представительных органов от традиционных буржуазных парламентов.

2. Наблюдается значительное сходство в конструкции этих органов, которые имеют два состава: первый, более многочисленный, периодически созывается на краткосрочные сессии для принятия законов и подтверждения важнейших политических решений; второй, немногочисленный, является реальным центром власти. Оба они обладают высшим правотворчеством.

3. В компетенции представительных органов социалистических стран традиционно представительная функция доминирует над законодательной, которая является вторичной и производной. С учетом того, что эти органы позиционируются как органы народоправства, именно на них в государствах трудящихся возлагается принятие важнейших государственных решений.

4. В социалистических государственных системах прослеживается отказ от традиционного разделения властей, основанного на равенстве всех ветвей власти.

Представительный орган пользуется приоритетом перед остальными государственными структурами; большинство иных органов формируется и контролируется именно представительным органом.

5. В отличие от других парламентских систем, социалистический парламентаризм носит однопартийный характер. Хотя в последнее время в некоторых странах делаются определенные отступления от этого, основную ответственность за проводимый в стране политический курс несет правящая коммунистическая или иная социалистическая партия.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что любое социалистическое государство является особой разновидностью парламентской республики, в которой представительные органы власти обладают приоритетом по отношению к органам управления и суда, а председатель парламента нередко совмещает должности главы государства и лидера правящей партии. Эти родовые признаки присущи большинству современных социалистических государств. Можно также утверждать, что потенциал социализма не исчерпан крушением социалистической системы в СССР. Важным преимуществом социализма является идея социальной справедливости, которая, однако, не должна выражаться в полном имущественном равенстве. Попытки проведения экономических модернизаций, особенно экономический курс Китая, свидетельствуют о том, что социалистические страны способны стать равноправными экономическими партнерами в современной мировой экономической системе.

Список источников

1. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения: 05.05.2026).
2. Конституция Китайской Народной Республики: принята 4 декабря 1982 г., с поправками от 11 марта 2018 г. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=32933985&pos=9;201 (дата обращения: 05.05.2026). На русск. яз.
3. Конституция Корейской Народно-Демократической Республики: принята 27 декабря 1972 г., с поправками 24 марта 2026 г. URL: http://naenara.com.kp/index.php/-Main/index/ru/politics?arg_val=constitution (дата обращения: 05.05.2026). На русск. яз.
4. Конституция Республики Куба: принята 24 февраля 2019 г. на референдуме // Gaceta Oficial. 2019. № 5. URL: https://www.gacetaoficial.gob.cu/sites/default/files/goc-2019-ex5.pdf (дата обращения: 05.05.2026). На исп. яз.
5. Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 28 ноября 2013 г. URL: https://vpctn.gov.vn/danh-muc-trang-chu/nuoc-chxhcn-viet-nam/hien-phap (дата обращения: 05.05.2026). На вьетн. яз.
6. Конституция Лаосской Народно-Демократической Республики: принята 15 августа 1991 г. (пересмотрена в 2025 году). URL: https://laofficialgazette.gov.la/-index.php?r=site/display&id=2353 (дата обращения: 05.05.2026). На лаос. яз.
7. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями). URL: https://www.hist.msu.ru/-ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения 05.05.2026).
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm (дата обращения: 05.05.2026).

9. Минникес И. В. Конституционное регулирование выборов в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: сравнительный анализ коэффициента заинтересованности законодателя // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3(93). С. 305–309.
10. Гасанова К. К. Конституция Китайской Народной Республики об институте собраний народных представителей // Закон и право. 2014. № 3. С. 66–68.
11. Демочкин Н., Сагамонов В. Выдвигая достойных. Избирательная система в СССР // Аргументы и факты. 1984. 31 янв. URL: https://archive.aif.ru/archive/1657428 (дата обращения: 05.05.2026).
12. Смирнов Д. А. Конституция КНР о руководящей роли КПК // Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества»: матер. ежегодной науч. конф. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 23–24 марта 2020 г.). Москва: ФГБУН «Институт Дальнего Востока Российской академии наук», 2020. С. 340–350.
13. Бригос Х. П. Г. Особенности новой Конституции Кубы 2019 года и концепция социалистического правового государства // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 1. С. 107–115.
14. Юань Ч., Цянь Ч. От советской модели к китайской специфике: сравнительное исследование путей модернизации правящих партий в социалистических государствах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14, № 10(115). С. 3282–3285.
15. Пусть великая победа и слава, завоеванные непреклонной борьбой за прокладку пути вперед, продолжатся с непрерывным процветанием и скачком на новом пути: Сообщение о IX съезде ТПК [КНДР]. URL: https://irkutsk-kprf.ru/2026/03/05/pust-velikaya-pobeda-i-slava-zavoevannye-nepreklonnoj-borboj-za-prokladku-puti-vpered-prodolzhatsya-s-nepreryvnym-proczvetaniem-i-skachkom-na-novom-puti/ (дата обращения: 05.05.2026).
16. Фан Т. Н. Проблема контроля над властью в однопартийной политической системе во Вьетнаме // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3(140). С. 92–98.
17. Ли С., Ван Ц. Народная демократия во всем процессе: история, теория и открытия // Власть. 2023. Т. 31, № 3. С. 116–124.
18. Прошло заседание второго дня I сессии ВНС КНДР пятнадцатого созыва. URL: https://irkutsk-kprf.ru/2026/03/28/proshlo-zasedanie-vtorogo-dnya-i-sessii-vns-kndr-pyatnadczatogo-sozyva/ (дата обращения: 05.05.2026).
19. Четвертая сессия ВСНП 14-го созыва пройдет с 5 по 12 марта 2026 г. [КНР]. URL: https://russian.cgtn.com/news/2026-03-04/2029154751730638849/index.html (дата обращения: 05.05.2026).
20. Юрковский А. В. Особенности правовых систем Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2(41). С. 68–73.
21. Арабаджян А. З. Куба 2019: преемственность и перемены // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 2. С. 73–88.
22. Гасанова К. К. Особенности конституционализма Китайской Народной Республики // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 37–39.
23. Хоа Т. Л. Некоторые проблемы законодательного процесса в Конституции Вьетнама 2013 года // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11(124). С. 166–170.
24. Рубен В. П. Верховный Совет СССР: Как работают депутаты: беседа с Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР // Аргументы и факты. 1984. 10 янв. URL: https://archive.aif.ru/archive/1657380 (дата обращения: 05.05.2026).

References

1. On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 № 229. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (accessed date: 05.05.2026).

2. Constitution of the People's Republic of China: adopted on December 4, 1982, as amended on March 11, 2018. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=32933985&pos=9;201 (accessed date: 05.05.2026). In Russian.
3. Constitution of the Democratic People's Republic of Korea: adopted on December 27, 1972, as amended on March 24, 2026. URL: http://www.naenara.com.kp/index.php/-Main/index/en/politics?arg_val=constitution (accessed date: 05.05.2026). In Russian.
4. Constitution of the Republic of Cuba: adopted on February 24, 2019 by referendum. *Gaceta Oficial.* 2019; (5). URL: https://www.gacetaoficial.gob.cu/sites/default/files/goc-2019-ex5.pdf (accessed date: 05.05.2026). In Spanish.
5. Constitution of the Socialist Republic of Vietnam of November 28, 2013. URL: https://vpctn.gov.vn/danh-muc-trang-chu/nuoc-chxhcn-viet-nam/hien-phap (accessed date: 05.05.2026). In Vietnamese.
6. Constitution of the Lao People's Democratic Republic, adopted on August 15, 1991 (revised in 2025). URL: https://laoofficialgazette.gov.la/index.php?r=site/display&id=2353 (accessed date: 05.05.2026). In Lao.
7. Constitution (basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics: approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936 (with subsequent amendments and additions). URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (accessed date: 05.05.2026).
8. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm (accessed date: 05.05.2026).
9. Minnikes I. V. Constitutional regulation of elections in the countries of East and Southeast Asia: a comparative analysis of the coefficient of interest of the legislator. *Academic Law Journal.* 2023; 24 (3(93)): 305–309.
10. Gasanova K. K. Features of constitutionalism of the People's Republic of China. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014; (5): 37–39.
11. Demochkin N., Sagamonov V. Nominating the worthy. The electoral system in the USSR. *Arguments and Facts.* 1984; January 31. URL: https://archive.aif.ru/archive/1657428 (accessed date: 05.05.2026).
12. Smirnov D. A. The Constitution of the PRC on the leading role of the CPC. *The Chinese state at the final stage of building a "moderately prosperous society": Proceedings of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasting of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences*. Moscow; 2020. P. 340–350.
13. Brigos J. P. G. Features of the new Constitution of Cuba of 2019 and the concept of a socialist state based on the rule of law. *Legal Bulletin of Samara University*. 2020; 6(1): 107–115.
14. Yuan C., Qian C. From the Soviet Model to Chinese Specifics: A Comparative Study of Modernization Paths of Ruling Parties in Socialist States. *Issues of National and Federal Relations*. 2024; 14 (10): 3282–3285.
15. May the great victory and glory won through the relentless struggle to pave the way forward continue with uninterrupted prosperity and leap forward on a new path: Announcement of the 9th Congress of the WPK [DPRK]. URL: https://irkutsk-kprf.ru/2026/03/05/pust-velikaya-pobeda-i-slava-zavoevannye-nepreklonnoj-borboj-za-prokladku-puti-vpered-prodolzhatsya-s-nepreryvnym-proczvetaniem-i-skachkom-na-novom-puti/ (accessed date: 05.05.2026).
16. Phan T. N. The Problem of Control over Power in a One-Party Political System in Vietnam. *Society: Politics, Economics, Law*. 2025; 3(140): 92–98.
17. Li S., Wang Q. People's Democracy in the Whole Process: History, Theory, and Discoveries. *Power*. 2023; 31(3): 116–124.
18. The second day of the first session of the DPRK Supreme People's Assembly of the fifteenth convocation was held. URL: https://irkutsk-kprf.ru/2026/03/28/proshlo-zasedanie-vtorogo-dnya-i-sessii-vns-kndr-pyatnadczatogo-sozyva/ (accessed date: 05.05.2026).

19. The fourth session of the 14th National People's Congress will be held from March 5 to 12, 2026 [PRC]. URL: https://russian.cgtn.com/news/2026-03-04/2029154751730638849/-index.html (accessed date: 05.05.2026).
20. Yurkovsky A. V. Features of the legal systems of the Democratic People's Republic of Korea and the People's Republic of China. *Siberian Legal Bulletin*. 2008; 2(41): 68–73.
21. Arabajyan A. Z. Cuba 2019: Continuity and Change. *Bulletin of Moscow University. Series 8: History*. 2020; (2): 73–88.
22. Gasanova K. K. Features of constitutionalism of the People's Republic of China. In: *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014; (5): 37–39.
23. Hoa T. L. Some problems of the legislative process in the 2013 Constitution of Vietnam. *Society: politics, economics, law*. 2023; 11(124): 166–170.
24. Ruben V. P. Supreme Soviet of the USSR: How Deputies Work: meeting with the Chairman of the Soviet of Nationalities of the Supreme Soviet of the USSR. *Arguments and Facts.* 1984; January 10. URL: https://archive.aif.ru/archive/1657380 (accessed date: 05.05.2026).

Информация об авторах:

Балковая Валентина Григорьевна, д-р юрид. наук, доцент, заведующий каф. теории и истории государства и права, Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», valyabalk@yandex.ru

Торчило Александр Сергеевич, студент, Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», neizvestnyy.grazhdanin@gmail.com

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/185-196
EDN: https://elibrary.ru/JDMDPF

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
13.05.2026	16.05.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 197–207
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 197–207

Научная статья
УДК 340.132:004.8
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207
EDN: https://elibrary.ru/JEUSCD

Искусственный интеллект и судебное усмотрение: сравнительно-правовой анализ пределов допустимого использования

Оносов Юрий Викторович
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург. Россия

Аннотация. *Исследуется проблема влияния искусственного интеллекта на судебное усмотрение. Обосновывается, что вопрос о применении искусственного интеллекта в судебной деятельности не может быть сведен лишь к технической модернизации правосудия. Более существенным является вопрос о пределах допустимого воздействия цифровых систем на механизм судебного правоприменения, включая установление фактических обстоятельств, оценку доказательств и формулирование мотивировочной части акта. На основе анализа российской практики, китайской модели судебного искусственного интеллекта, дела State v. Loomis, подходов Европейского союза, CEPEJ и рекомендаций судебной системы Гонконга выделяются основные пределы допустимого использования искусственного интеллекта. Автором формулируется вывод о том, что современная судебная практика не дает оснований для признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом разрешения юридического дела. Речь идет об алгоритмически опосредованном судебном усмотрении, при котором судебный акт остается результатом самостоятельного интеллектуально-волевого выбора судьи, но фактические и юридические предпосылки такого выбора могут предварительно формироваться или структурироваться цифровым инструментом. Научная новизна исследования состоит в выделении трех противоречий: между эффективностью и индивидуализацией, между предсказуемостью и независимостью внутреннего убеждения, между формальной ответственностью судьи и фактическим влиянием алгоритма.*

***Ключевые слова*:** *искусственный интеллект, судебное усмотрение, внутреннее убеждение, мотивировка судебного акта, правосудие, алгоритмизация, цифровизация, пределы правоприменения, ответственность судьи, сравнительное правоведение*

Для цитирования: *Оносов Ю. В. Искусственный интеллект и судебное усмотрение: сравнительно-правовой анализ пределов допустимого использования // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 197–207. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207. EDN: https://elibrary.ru/JEUSCD*

Original article

Artificial intelligence and judicial discretion: a comparative legal analysis of the limits of permissible use

Yuri V. Onosov
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg. Russia

© Оносов Ю. В., 2026

Abstract. *The article examines the problem of the influence of artificial intelligence on judicial discretion. It is substantiated that the issue of using artificial intelligence in judicial activity cannot be reduced merely to the technical modernization of justice. A more significant issue is the limits of permissible influence of digital systems on the mechanism of judicial law enforcement, including the establishment of factual circumstances, the assessment of evidence, and the formulation of the reasoning part of a judicial act. Based on the analysis of Russian practice, the Chinese model of judicial artificial intelligence, State v. Loomis, the approaches of the European Union, CEPEJ, and the guidelines of the Hong Kong Judiciary, the main limits of the permissible use of artificial intelligence are identified. The author concludes that contemporary judicial practice does not provide grounds for recognizing artificial intelligence as an independent subject capable of resolving a legal case. Rather, it is a matter of algorithmically mediated judicial discretion, in which a judicial act remains the result of an independent intellectual and volitional choice of a judge, while the factual and legal premises of such a choice may be preliminarily formed or structured by a digital tool. The scientific novelty of the study lies in identifying three contradictions: between efficiency and individualization, between predictability and the independence of judicial inner conviction, and between the formal responsibility of the judge and the actual influence of the algorithm..*

Keywords**:** *artificial intelligence, judicial discretion, judicial conviction, reasoning of a judgment, justice, algorithmization, digitalization, limits of adjudication, judicial responsibility, comparative law*

For citation*: Onosov Yu. V. Artificial intelligence and judicial discretion: a comparative legal analysis of the limits of permissible use // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 197–207. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207. EDN: https://elibrary.ru/JEUSCD*

Введение

Вопрос об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности в современных условиях не может быть сведен к проблеме технической модернизации судопроизводства. Электронная подача документов, автоматизированное распределение дел, поиск судебной практики, распознавание речи и подготовка проектов процессуальных документов сами по себе еще не меняют сущность судебного усмотрения. Иной характер приобретает ситуация, когда цифровая система начинает не только обслуживать движение дела, но и участвовать в отборе значимых фактов, сравнении доказательств, поиске аналогичных дел, оценке риска, подготовке мотивировочных фрагментов судебного акта. Именно здесь возникает вопрос, имеющий общетеоретическое значение: где заканчивается техническая помощь судье и начинается влияние алгоритма на судебное усмотрение.

В отечественной юридической науке судебное усмотрение раскрывается через категории законности, внутреннего убеждения судьи, оценки доказательств, мотивированности судебного акта и пределов правоприменительного выбора. Оно не может быть сведено к произволу или свободному субъективному мнению суда, поскольку предполагает ограниченную вариативность судебного поведения в пределах нормы права [1, 2]. При оценке доказательств данная вариативность приобретает особое значение: внутреннее убеждение судьи формируется на основе исследования обстоятельств дела и должно получить внешнее выражение в мотивировочной части судебного акта [1]. Поэтому судебное усмотрение представляет собой не психологическое состояние судьи, а элемент судебной правоприменительной деятельности, связанный с выбором законного, обоснованного и мотивированного решения.

Следовательно, внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность должно оцениваться не только через показатели удобства и снижения нагрузки на суд, но и с точки зрения того, сохраняется ли судебное усмотрение как самостоятельный, мотивированный и процессуально проверяемый выбор суда в пределах

нормы права. На наш взгляд, наиболее спорным является не тезис о невозможности полного замещения судьи машиной, поскольку он в настоящее время поддерживается большинством регуляторных подходов. Более сложной является проблема скрытого влияния цифрового результата на формирование внутреннего убеждения и мотивировочной части судебного акта. Судья может формально оставаться субъектом решения, но фактическая и информационная основа этого решения будет предварительно организована алгоритмом.

Цель исследования состоит в сравнительно-правовом анализе пределов допустимого использования искусственного интеллекта в судебной деятельности с точки зрения его влияния на судебное усмотрение. Для достижения данной цели необходимо уточнить место искусственного интеллекта в структуре судебного усмотрения, рассмотреть и выделить основные доктринальные подходы к оценке ИИ в правосудии, проанализировать российскую, китайскую и отдельные зарубежные модели применения ИИ и, наконец, определить противоречия и пределы допустимого участия алгоритма в судебной деятельности.

Материалы и методы. Исследование основывается на диалектическом, сравнительно-правовом, формально-юридическом и аналитическом методах. Диалектический метод позволяет рассмотреть искусственный интеллект в правосудии как противоречивое явление: с одной стороны, он способен повысить единообразие судебной практики и оперативность обработки правовой информации, с другой – он может усилить зависимость судьи от внешнего цифрового вывода, не обладающего признаками судебного убеждения.

Сравнительно-правовой метод применен при анализе моделей России, Китая, США, Европейского союза, Гонконга, а также отдельных примеров Индии, Бразилии, Аргентины и Великобритании. Сопоставление проводится не по признаку технологической развитости конкретного государства, а по юридически значимому критерию: как цифровой инструмент соотносится с судебным усмотрением, мотивировкой и ответственностью за итоговый судебный акт.

Формально-юридический метод использован при исследовании официальных и рекомендательных актов, включая Европейскую этическую хартию CEPEJ, Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте, китайские Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields, а также рекомендации судебной системы Гонконга по использованию генеративного ИИ [3–6]. Эмпирическую основу составляют сведения о российской судебной цифровизации, дело State v. Loomis, материалы о китайских проектах судебного ИИ, системе SUPACE, PROMETEA и Durham HART [7–16].

Обзор литературы и доктринальных подходов. В научной литературе и регуляторных документах можно выделить несколько подходов к вопросу о допустимости искусственного интеллекта в судебной деятельности. Первый подход условно может быть обозначен как *технологически оптимистический*. В его рамках ИИ рассматривается прежде всего как средство повышения скорости, точности, единообразия и предсказуемости судебной работы. С этой позиции цифровые инструменты способны уменьшать рутинную нагрузку, обеспечивать быстрый доступ к судебной практике, выявлять аналогичные дела и тем самым содействовать более равномерному применению права. Данный подход нельзя признать ошибочным уже потому, что судебная система действительно нуждается в инструментах, позволяющих работать с большими массивами документов. Однако он не полон, если не учитывает специ-

фику судебного усмотрения. Судебное решение не исчерпывается поиском нормы и сопоставлением фактов с прежними делами. Оно предполагает оценку доказательств, индивидуализацию обстоятельств, применение принципов, а в ряде случаев – соотношение формальной определенности и справедливого результата. Поэтому чисто технологическое понимание ИИ недостаточно для общей теории права.

Второй подход можно назвать *правозащитным*. Его сторонники переносят внимание с эффективности на риски нарушения прав участников процесса, непрозрачности алгоритмов, дискриминации, автоматизационного смещения и отсутствия проверяемости цифрового вывода. В этой логике находятся документы CEPEJ, положения AI Act о высокорисковых системах, а также научные работы о подотчетности алгоритмов и судебном контроле автоматизированного публичного управления [3, 5, 17, 18]. Сильной стороной данного подхода является постановка вопроса о процессуальных гарантиях, однако при чрезмерном развитии он может привести к неоправданному отрицанию полезных вспомогательных технологий.

Третий подход может быть определен как *технико-юридический*. Его смысл состоит в том, что искусственный интеллект допустим в судопроизводстве лишь постольку, поскольку остается средством информационного и организационного обеспечения суда. В рамках данного подхода принципиально важно не название технологии, а функция, которую она выполняет. Если ИИ используется для поиска нормативных актов, стенографирования, группировки судебной практики либо подготовки справки, он не затрагивает ядро судебного усмотрения. Если же цифровой инструмент формирует риск-профиль, проект вывода о виновности, оценку достоверности доказательств или мотивировочный фрагмент судебного акта, возникает необходимость специального процессуального контроля.

На наш взгляд, именно технико-юридический подход является наиболее обоснованным. Он позволяет избежать необоснованного доверия к алгоритму и полного отрицания цифровых средств. Для теории права существенным является не спор о том, может ли ИИ заменить судью, а вопрос о том, в каких пределах цифровой результат может участвовать в формировании судебного решения, не разрушая природу внутреннего убеждения и правовой ответственности суда.

Основная часть

Прежде всего следует определить, какое место ИИ может занимать в структуре судебного усмотрения. Судебное усмотрение предполагает наличие правовой нормы, устанавливающей пределы возможного решения, фактических обстоятельств дела, внутреннего убеждения судьи, мотивировки и ответственности. Оно возникает не при любом применении нормы, а там, где право допускает ограниченную вариативность решения. В этом смысле важным остается вывод о том, что судебное усмотрение не тождественно произволу и не может быть сведено к субъективному предпочтению судьи [1].

Искусственный интеллект способен выполнять значительное число операций, которые внешне напоминают отдельные элементы судебного мышления: поиск, классификацию, сопоставление, прогнозирование, генерацию текста. Вместе с тем эти операции не образуют судебное усмотрение в собственном юридическом смысле. ИИ не обладает процессуальным статусом суда, не несет обязанности мотивировки, не связан судебной присягой, не формирует внутреннее убеждение и не отвечает за судебный акт. Тем не менее из этого не следует, что его влияние юридически

безразлично. Проблема начинается там, где цифровой результат становится фактической опорой для оценки обстоятельств либо переносится в мотивировочную часть судебного решения.

Российская практика показывает, что судебная система находится на стадии осторожного перехода от организационной цифровизации к обсуждению искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента. Позиция Судебного департамента при Верховном Суде РФ в этом вопросе носит сдержанный характер. Генеральный директор Судебного департамента В. Иванов отмечал, что технологии нейросетей уже используются как первый этап движения к электронному судопроизводству, однако они могут ошибаться, а потому не способны заменить судью как личность, обладающую жизненным опытом и профессиональными знаниями [7].

В 2025 г. была создана рабочая группа Совета судей Российской Федерации по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему; сообщалось об использовании нейросетей для распознавания речи, подготовки протоколов и поиска нормативных правовых актов [8]. Данные формы цифровизации сами по себе не затрагивают ядро судебного усмотрения. Но российская практика уже обнаружила более тонкую проблему. Федеральная палата адвокатов РФ сообщала о случае, когда защитник заявил о признаках использования ИИ при составлении обвинительного приговора. Апелляционная инстанция не признала сам стиль изложения основанием незаконности судебного акта [9]. Однако этот пример важен не столько результатом конкретного обжалования, сколько самой постановкой вопроса: если цифровой инструмент использовался при подготовке мотивировки, должны ли стороны и вышестоящий суд иметь возможность понять объем и значение такого использования?

Думается, российский пример показывает главную незавершенность отечественной модели, так как специальный процессуальный порядок использования ИИ при подготовке судебного решения пока не сформирован. Между тем мотивировочная часть судебного акта является не техническим приложением к резолютивной части, а внешним выражением внутреннего убеждения суда. Если отдельные фрагменты мотивировки подготовлены цифровой системой без фиксации роли такого инструмента, возникает риск смешения судебного убеждения и алгоритмически сгенерированного текста.

Китайская модель представляет собой наиболее развитый пример нормативного закрепления судебного ИИ. В 2022 г. Верховный народный суд КНР принял документ Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields. В нем поставлены цели формирования функциональной системы судебного ИИ к 2025 г. и более полного интеллектуального сопровождения судебного процесса к 2030 г. [4]. Вместе с тем китайский подход интересен не только масштабом цифровизации. Принципиальным является то, что в документе прямо закрепляется вспомогательный характер ИИ: цифровая система не должна заменять судью при принятии решения, а результаты ее работы могут иметь только справочное значение.

Практическое значение китайской модели состоит в том, что она пытается юридически удержать искусственный интеллект в пределах ассистивной функции. В материалах Суда по интеллектуальной собственности Верховного народного суда КНР указывается на применение ИИ для подбора норм, поиска аналогичных дел, ориентирования в доказательствах и подготовки вспомогательных материалов. Упоминается также проект Copyright AI Smart Trial, связанный с анализом авторско-правовых споров, и опыт Шэньчжэня, где цифровые инструменты охватывают

значительное число судебных процедур [10]. Однако даже при таком масштабе применения окончательное решение сохраняется за судьей. Следовательно, Китай показывает не модель «робота-судьи», а модель нормативно организованного алгоритмического сопровождения судебного усмотрения.

Американский пример State v. Loomis раскрывает другую сторону проблемы. В указанном деле при назначении наказания использовалась система COMPAS, формирующая оценку риска рецидива. Верховный суд штата Висконсин допустил использование данного инструмента при условии, что он не является единственным основанием судебного решения [11]. Однако дискуссия вокруг дела не была снята, поскольку методология оценки риска не была полностью раскрыта, а значит, сторона защиты не могла в полной мере проверить факторы, повлиявшие на цифровой вывод [12].

Для исследования судебного усмотрения данный пример особенно показателен. Алгоритм фактически может усилить обвинительный уклон, повлиять на представление судьи о личности подсудимого и сузить пространство индивидуальной оценки. Поэтому вопрос заключается не только в допустимости самой программы COMPAS, а в том, как обеспечить проверяемость и ограниченность ее влияния на судебное усмотрение. Европейский союз решает сходную проблему посредством дифференциации правового режима искусственного интеллекта в зависимости от степени его возможного воздействия на права человека и юридически значимые решения. Так, Регламент (ЕС) 2024/1689 относит ряд систем, используемых в правоохранительной деятельности, миграционной сфере и правосудии, к высокорисковым, что влечет необходимость соблюдения повышенных требований к управлению рисками, качеству данных, технической документации, фиксации операций, информированию пользователей и сохранению человеческого контроля. [5]. Для судебного усмотрения это означает, что цифровой инструмент не должен оставаться невидимым элементом процедуры. Его роль должна быть технически и юридически проверяемой.

Сходная логика выражена в рекомендациях судебной системы Гонконга по использованию генеративного ИИ. В них подчеркивается, что такие системы могут использоваться для поддержки судебной работы, но не должны подрывать независимость, беспристрастность и ответственность судей. Судья обязан лично проверять результат, не делегировать ИИ судебные функции и учитывать риск появления вымышленных дел, неточных ссылок, ошибочных цитат и фактических искажений [6]. Данный подход практически формулирует минимальный стандарт: ИИ может помогать судье, но не вправе становиться источником судебного убеждения.

Опыт Индии, Бразилии, Аргентины и Великобритании целесообразно рассматривать как дополнительное подтверждение инструментального характера современных цифровых решений. В Индии система SUPACE разрабатывается для анализа фактической основы дела и интеллектуального поиска прецедентов, при этом искусственный интеллект не используется Верховным судом непосредственно в процессе принятия судебного решения [13]. Бразильский опыт также связан прежде всего с обработкой значительных массивов судебных материалов и снижением нагрузки при рассмотрении поступающих обращений [14]. Аргентинская PROMETEA направлена на ускорение подготовки типовых документов и оптимизацию работы публичных органов [15]. Британская Durham HART применялась в сфере полицейской оценки риска, т. е. относилась скорее к правоохранительному, чем к судебному усмотрению [16]. Указанные примеры различны по назначению, однако объединены

одной чертой: алгоритм предварительно обрабатывает и структурирует юридически значимую информацию, но не должен подменять компетентное правовое решение.

Из приведенного сравнительно-правового материала можно выделить три основных противоречия. Первое противоречие состоит в соотношении эффективности и индивидуализации. ИИ действительно способен ускорить поиск судебной практики, облегчить подготовку документов и снизить нагрузку на суд. Но судебное дело не является только информационным массивом. Оно имеет индивидуальную фактическую структуру, а потому типовая цифровая рекомендация может оказаться недостаточной или даже опасной при разрешении дела с высокой степенью оценочности. Китайский и индийский опыт показывают сильную сторону ИИ в классификации и поиске, но одновременно демонстрируют необходимость сохранения человеческой оценки исключительных обстоятельств.

Второе противоречие связано с предсказуемостью и независимостью внутреннего убеждения. Единообразие судебной практики является значимой ценностью. Однако если алгоритм предлагает судье наиболее вероятный исход, сходные дела или риск-профиль, возникает опасность автоматизационного смещения. Судья может начать воспринимать цифровой вывод как более нейтральный и объективный, чем собственная оценка совокупности доказательств. State v. Loomis хорошо показывает, что даже вспомогательный риск-профиль способен повлиять на наиболее ответственную часть судебного усмотрения – индивидуализацию наказания.

Третье противоречие выражается в соотношении формальной ответственности судьи и фактического алгоритмического влияния. Почти все устойчивые модели исходят из того, что решение принимает судья. Но цифровая система может подготовить проект, подобрать аргументы, сгруппировать доказательства, предложить мотивировочный фрагмент. Если это влияние не фиксируется и не проверяется, ответственность формально остается человеческой, а отдельные предпосылки решения формируются за пределами процессуально видимой деятельности. Российский пример с жалобой на предполагаемое использование ИИ при подготовке приговора как раз показывает эту точку напряжения.

С учетом указанных противоречий пределы допустимого использования ИИ в судебной деятельности могут быть определены через несколько критериев. Допустимым следует считать применение ИИ для поиска нормативных актов и судебной практики, транскрибации заседаний, систематизации материалов, подготовки справок, выявления повторяющихся категорий дел, технической проверки текста и иных вспомогательных задач. В этих случаях цифровой инструмент не принимает правового решения и не формирует внутреннее убеждение суда.

Иной подход требуется там, где речь идет об оценке доказательств, достоверности показаний, признании лица виновным, определении меры ответственности, установлении добросовестности, разумности, соразмерности и иных оценочных категорий. В таких ситуациях ИИ может предоставить информацию, но не должен задавать итоговый вывод. Проблема возникает не в самом обращении судьи к цифровой системе, а в некритическом переносе ее результата в судебный акт без процессуальной фиксации, проверки и самостоятельной правовой оценки.

Отдельное значение имеет проблема объяснимости. С. Вахтер, Б. Миттельштадт и Л. Флориди обращали внимание на сложность права в объяснении автоматизированного решения [19]. В судебной деятельности объяснимость приобретает особый характер. Суд не обязан раскрывать программный код цифрового инструмента,

но обязан обеспечить понятность юридически значимого вывода. Если алгоритм повлиял на установление фактов, оценку риска или мотивировку, должна быть возможность понять, какие данные и какие критерии имели значение для результата.

Следовательно, предел допустимого использования ИИ проходит там, где цифровая помощь начинает фактически участвовать в судебном выборе без правовой фиксации. На наш взгляд, минимальными гарантиями должны быть: подчиненность ИИ судье; сохранение личного и независимого судебного решения; проверяемость данных; возможность критического отказа от цифровой рекомендации; запрет делегирования ИИ оценки доказательств и окончательного вывода; фиксация существенного использования цифрового инструмента, если оно повлияло на судебный акт; ответственность судьи и суда за итоговый результат. Такая система гарантий не исключает применение ИИ, но удерживает его в статусе инструмента правосудия, а не скрытого участника судебного усмотрения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современное применение искусственного интеллекта в судебной деятельности не формирует устойчивой модели самостоятельного машинного разрешения споров. Даже наиболее развитые модели, в том числе китайская, нормативно закрепляют вспомогательную роль ИИ и сохраняют судебное решение за судьей. Российская практика также пока исходит из осторожного подхода: цифровые средства допускаются для рутинных и организационных процессов, но специальный процессуальный режим их использования при подготовке мотивировки судебного акта еще не сформирован.

Искусственный интеллект не является субъектом судебного усмотрения. Однако данный вывод не должен закрывать более сложную проблему: ИИ способен воздействовать на информационные, доказательственные и мотивировочные предпосылки судебного решения. Поэтому предметом правового регулирования должно становиться не только итоговое решение суда, но и цифровая процедура, в рамках которой формируются основания для такого решения.

Научная новизна исследования состоит в обосновании категории алгоритмически опосредованного судебного усмотрения. Под ним предлагается понимать ситуацию, при которой окончательный судебный выбор сохраняется за судом, однако отдельные фактические, информационные или оценочные предпосылки этого выбора предварительно структурируются цифровой системой. Такая категория позволяет точнее описать современные процессы цифровизации правосудия, не прибегая к методологически спорной конструкции «машинного судебного усмотрения».

Основные противоречия использования ИИ в сфере судебного усмотрения выражаются в следующем: эффективность цифровых инструментов может вступать в конфликт с индивидуализацией дела; предсказуемость алгоритма – с независимостью внутреннего убеждения судьи; формальное сохранение ответственности за судом – с фактическим влиянием алгоритма на предпосылки решения. Разрешение этих противоречий возможно не путем запрета ИИ, а посредством установления пределов его допустимого использования. К таким пределам следует относить вспомогательный характер ИИ, сохранение внутреннего убеждения судьи, мотивированность судебного акта, проверяемость цифрового результата, недопустимость дискриминации и автоматизационного смещения, процессуальную фиксацию существенного использования ИИ и персональную ответственность за итоговое решение.

Только при наличии данных условий цифровые технологии могут способствовать развитию правосудия, не разрушая правовую природу судебного усмотрения.

Список источников

1. Оносов Ю. В. О правоприменительном усмотрении при оценке судом доказательств по юридическому делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 162–171. DOI: 10.17223/22253513/47/11
2. Оносов Ю. В. О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 7–13. DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-7-13
3. CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment // Council of Europe, CEPEJ: [website]. 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (дата обращения: 11.06.2026).
4. The Supreme People's Court. The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields = 《最高人民法院关于规范和加强人工智能司法应用的意见》全文（中英文版). 2022. URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (дата обращения: 16.06.2026).
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024. Laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 16.06.2026).
6. Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Judges and Judicial Officers and Support Staff of the Hong Kong Judiciary. 2024. URL: https://www.judiciary.hk/doc/en/court_services_facilities/guidelines_on_the_use_of_generative_ai.pdf (дата обращения: 16.06.2026).
7. В Верховном суде объяснили, почему ИИ не заменит судей // ТАСС: [сайт]. 2025. URL: https://tass.ru/politika/23707211 (дата обращения: 16.06.2026).
8. Совет судей создал группу по внедрению ИИ в работу судебной системы // ТАСС: [сайт]. 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/23990463 (дата обращения: 16.06.2026).
9. Нагорная М. В использовании искусственного интеллекта в судах необходим порядок // Федеральная палата адвокатов РФ: [сайт]. 2025. URL: https://fparf.ru/news/fpa/v-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudakh-neobkhodim-poryadok/ (дата обращения: 14.06.2026).
10. Du W. Chinese court's practices of modernizing the judicial system and judicial capacity empowered by Artificial Intelligence // CICC: [сайт]. 2024. URL: https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/208/203/12557.html (дата обращения: 18.06.2026).
11. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). URL: https://law.justia.com/cases/wisconsin/supreme-court/2016/2015ap000157-cr.html (дата обращения: 16.06.2026).
12. State v. Loomis // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130, Iss. 5. URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-130/state-v-loomis/ (дата обращения: 16.06.2026).
13. Use of AI in Supreme Court Case Management // Press Information Bureau, Government of India: [website]. 2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2113224 (дата обращения: 09.07.2026).
14. LegalAnalytics: bridging visual explanations and workload streamline in Brazilian Supreme Court appeals / L. Resck, F. Moreno-Vera, T. Veiga [et al.] // Artificial Intelligence and Law. 2025. DOI: 10.1007/s10506-025-09446-w
15. Corvalán J. G., Le Fevre Cervini E. M. Prometea experience. Using AI to optimize public institutions // CERIDAP: [website]. 2020. Iss. 2. DOI: 10.13130/2723-9195/2020-2-2. URL:

https://ceridap.eu/prometea-experience-using-ai-to-optimize-public-institutions/ (дата обращения: 10.06.2026).
16. Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and experimental proportionality / M. Oswald, J. Grace, S. Urwin, G. C. Barnes // Information & Communications Technology Law. 2018. Vol. 27, № 2. P. 223–250. DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455
17. Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // Public Administration Review. 2021. Vol. 81, № 5. P. 825–836. DOI: 10.1111/puar.13293
18. Cobbe J. Administrative Law and the Machines of Government: Judicial Review of Automated Public-Sector Decision-Making // Legal Studies. 2019. Vol. 39, № 4. P. 636–655. DOI: 10.1017/lst.2019.9
19. Wachter S., Mittelstadt B., Floridi L. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation // International Data Privacy Law. 2017. Vol. 7, № 2. P. 76–99. DOI: 10.1093/idpl/ipx005

References

1. Onosov Yu. V. On law enforcement discretion in the court assessment of evidence in a legal case. *Tomsk State University Journal of Law*. 2023; (47): 162–171. DOI: 10.17223/22253513/47/11
2. Onosov Yu. V. On the theoretical model of the limits of law-enforcement discretion. *Juridical Journal of Samara University*. 2022; 8(1): 7–13. DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-7-13
3. CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment. *Council of Europe, CEPEJ: [website]*. 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (accessed date: 11.06.2026).
4. The Supreme People's Court. The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields = 《最高人民法院关于规范和加强人工智能司法应用的意见》全文（中英文版). 2022. URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (accessed date: 16.06.2026).
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024. Laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed date: 16.06.2026).
6. Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Judges and Judicial Officers and Support Staff of the Hong Kong Judiciary. 2024. URL: https://www.judiciary.hk/doc/en/court_services_facilities/guidelines_on_the_use_of_generative_ai.pdf (accessed date: 16.06.2026).
7. The Supreme Court explained why AI will not replace judges. *TASS: [website]*. 2025. URL: https://tass.ru/politika/23707211 (accessed date: 16.06.2026).
8. The Council of Judges created a group to introduce AI into the judicial system. *TASS: [website]*. 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/23990463 (accessed date: 16.06.2026).
9. Nagornaya M. The use of artificial intelligence in courts needs procedure. *Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation: [website]*. 2025. URL: https://fparf.ru/news/fpa/v-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudakh-neobkhodim-poryadok/ (accessed date: 14.06.2026).
10. Du W. Chinese court's practices of modernizing the judicial system and judicial capacity empowered by Artificial Intelligence. *CICC: [website]*. 2024. URL: https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/208/203/12557.html (accessed date: 18.06.2026).
11. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). URL: https://law.justia.com/cases/wisconsin/supreme-court/2016/2015ap000157-cr.html (accessed date: 16.06.2026).
12. State v. Loomis. *Harvard Law Review*. 2017; 130 (5). URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-130/state-v-loomis/ (accessed date: 16.06.2026).

13. Use of AI in Supreme Court Case Management. Press Information Bureau, Government of India: [website]. 2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2113224 (accessed date: 09.07.2026).
14. LegalAnalytics: bridging visual explanations and workload streamline in Brazilian Supreme Court appeals / L. Resck, F. Moreno-Vera, T. Veiga [et al.]. *Artificial Intelligence and Law*. 2025. DOI: 10.1007/s10506-025-09446-w
15. Corvalán J. G., Le Fevre Cervini E. M. Prometea experience. Using AI to optimize public institutions. CERIDAP: [website]. 2020; (2). DOI: 10.13130/2723-9195/2020-2-2. URL: https://ceridap.eu/prometea-experience-using-ai-to-optimize-public-institutions/ (accessed date: 10.06.2026).
16. Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and experimental proportionality / M. Oswald, J. Grace, S. Urwin, G. C. Barnes. *Information & Communications Technology Law*. 2018; 27(2): 223–250. DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455
17. Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account. Public *Administration Review*. 2021;81(5):825–836. DOI: 10.1111/puar.13293
18. Cobbe J. Administrative Law and the Machines of Government: Judicial Review of Automated Public-Sector Decision-Making. *Legal Studies*. 2019;39 (4): 636–655. DOI: 10.1017/lst.2019.9
19. Wachter S., Mittelstadt B., Floridi L. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation. *International Data Privacy Law*. 2017; 7(2): 76–99. DOI: 10.1093/idpl/ipx005

Информация об авторе:

Оносов Юрий Викторович, канд. юрид. наук, доцент каф. публичного права Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, onosov_nn@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0245-9600

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207
EDN: https://elibrary.ru/

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
14.05.2026	25.05.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 208–221
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 208–221

Научная статья
УДК 343.132.1
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/208-221
EDN: https://elibrary.ru/GQKRJM

К вопросу о необходимости производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений

Зубенко Евгений Владимирович

Свободный Тимофей Дмитриевич

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации Владивосток. Россия

Аннотация. *Предмет исследования – уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие производство следственного эксперимента, практика его проведения, соответствующие статистические данные, а также научная, учебная и учебно-методологическая литература, содержащая положения об организации, методике производства следственного эксперимента. Цель – обосновать необходимость включения следственного эксперимента в перечень первоначальных следственных действий и необходимость планомерного отказа от стадии возбуждения уголовного дела. Методология – диалектический метод, общие положения теории познания (анализ, синтез, сравнение), системный и комплексный подходы, хронологический метод. Выполнение данной работы потребовало применения комплекса методов научного познания. Результаты работы: установление необходимости производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений; признание недопустимости подмены следственного эксперимента дополнительным следственным осмотром путем производства экспериментальных действий; необходимость включения следственного эксперимента в перечень первоначальных следственных действий; постепенная отмена стадии возбуждения уголовного дела. Область применения: законотворческая деятельность – деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью в рамках проверки сообщения о преступлении, предварительного расследования. Работа обладает новизной в связи с наличием проблем в правоприменительной практике в рамках производства по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях. Предложены идеи относительно совершенствования действующего законодательства. Выводы: следственный эксперимент является обязательным при расследовании дорожно-транспортных преступлений; не допустима подмена следственного эксперимента дополнительным следственным осмотром путем производства экспериментальных действий; необходимо включить следственный эксперимент в перечень первоначальных следственных действий; требуется постепенная отмена стадии возбуждения уголовного дела.*

***Ключевые слова*:** *дорожно-транспортные преступления (происшествия), проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, предварительное расследование, следственный эксперимент, осмотр места происшествия*

Для цитирования: *Зубенко Е. В., Свободный Т. Д. К вопросу о необходимости производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений// Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 208–221. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/208-221. EDN: https://elibrary.ru/GQKRJM*

© Зубенко Е. В., 2026
© Свободный Т. Д., 2026

Original article

On the issue of the necessity of conducting an investigative experiment in the investigation of road traffic offenses

Evgeny V. Zubenko

Timofey D. Svobodny

Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Vladivostok. Russia

Abstract. *Subject: legal norms regulating the conduct of investigative experiments, the practice of their implementation, relevant statistical data, as well as scientific, educational, and instructional literature containing provisions on the organization and methodology of conducting investigative experiments. Objective – to justify the necessity of including an investigative experiment in the list of initial investigative actions, to justify the necessity of a systematic refusal of the stage of initiating a criminal case. Methodology: dialectical method, general provisions of the theory of knowledge (analysis, synthesis, comparison), systemic and comprehensive approaches, chronological method. The completion of this work required the application of a set of scientific research methods. Results of the work: establishment of the necessity to conduct an investigative experiment in the investigation of road traffic crimes; it is unacceptable to replace an investigative experiment with an additional investigative inspection by performing experimental actions; it is necessary to include the investigative experiment in the list of initial investigative actions; a gradual abolition of the stage of initiating a criminal case is required. Scope of application: legislative activity, activities of law enforcement agencies in combating crime within the framework of checking a report of a crime, preliminary investigation. The work possesses novelty due to problems in law enforcement practice within the proceedings of criminal cases on road traffic crimes. Ideas for improving the current legislation are proposed. Conclusions: the investigative experiment is mandatory in the investigation of road traffic offenses; substitution of the investigative experiment with an additional investigative inspection through experimental actions is not allowed; it is necessary to include the investigative experiment in the list of initial investigative actions; a gradual abolition of the stage of initiating a criminal case is required.*

Keywords**:** *road traffic offenses (incidents), verification of a crime report, stage of initiating a criminal case, preliminary investigation, investigative experiment; examination of the scene*

For citation*: Zubenko E. V., Svobodny T. D. On the issue of the necessity of conducting an investigative experiment in the investigation of road traffic offenses // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 208–221. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/208-221. EDN: https://elibrary.ru/GQKRJM*

Введение

Актуальность исследования. В настоящее время все большее значение приобретают охранительные общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения. При этом особого внимания заслуживают отношения, которые складываются ввиду возникновения дорожно-транспортных преступлений (происшествий) (далее – ДТП). Данное обстоятельство обусловлено следующими причинами:

1) транспортное средство является источником повышенной опасности в соответствии со ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], и зачастую происшествия с его участием влекут за собой серьезные негативные последствия (нарушение транспортной коммуникации; повреждение имущества; причинение вреда здоровью различной степени тяжести не только непосредственным участникам ДТП, но и окружающим лицам; высокая вероятность летального исхода);

2) увеличивается число личного автомобильного транспорта. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) за 2023 г., две трети российских семей владеют одним или несколькими личными

автомобилями (63 %); за прошедшие 15 лет уровень автомобилизации повысился больше чем на 23 п.п. (40 % в 2008 г.). Семей, владеющих одним автомобилем, стало больше на 9 п.п. (46 % в 2023 г. vs. 37 % в 2008 г.); 17 % семей имеют два и более автомобиля, что на 14 п.п. больше по сравнению с 3 % в 2008 г. [2]. Помимо ВЦИОМ данный факт подтверждается данными RusDTP.RU, согласно которым основной вид транспорта в ДТП – это легковые автомобили [3];

3) несмотря на снижение общего числа ДТП за последние два года, согласно статистическим данным госавтоинспекции [4], фактически идет рост указанных происшествий с учетом снижения общего числа населения, повышения уровня смертности, нахождения части населения в зонах специальной военной операции (2021 г. – 133 331, 2022 г. – 126 705, 2023 г. – 132 446, 2024 г. –132 037, 2025 г. – 128 793). При этом важно отметить, что число лиц, которым был причинен вред различной степени тяжести, стабильно превышает общее число ДТП на 2–3 тыс.

Статистика Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности в исследуемой нами сфере указывает на стабильный процент преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения (далее – ПДД) и эксплуатации транспорта (0,9–1 %). При этом данная категория преступлений характеризуется высокой степенью общественной опасности, тяжкими общественно опасными последствиями, значительной резонансностью, существенной сложностью и спецификой расследования. Все это делает данную категорию преступлений наиболее значимой и важной.

Следует отметить, что к указанной категории преступлений относятся не все преступления, содержащиеся в гл. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а лишь ряд из них (ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3, 266, 268 УК РФ), что обусловливается прямым указанием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [6].

Ввиду вышеизложенного необходимым является законный, обоснованный, активный, планомерный, комплексный подход к выявлению, проверке и расследованию указанных преступлений.

Постановка проблемы. Основой для разрешения вопроса об уголовном преследовании являются материалы проверки сообщения о преступлении. При этом именно в отношении преступлений в сфере движения и эксплуатации транспорта всегда наиболее важным являются обнаружение и фиксация доказательств в кратчайшие сроки, что обусловлено особенностями механизма совершения преступления: указанные преступления зачастую характеризуются двойной формой вины, т. е. умыслом по отношению к нарушению правил дорожного движения, неосторожностью к общественно опасным последствиям, и в целом признаются как совершенные по неосторожности; главной причиной их совершения выступает нарушение ПДД. Необходимо установить, что именно действия водителя стали причиной наступления общественно опасных последствий; огромное значение в доказывании играет обстановка совершения преступления, а также технические характеристики транспортного средства, так как зачастую именно они позволяют установить виновность или невиновность лица.

Действующая редакция Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает четко определенный перечень первона-

чальных следственных действий, которые можно совершать в рамках проверки сообщения о преступлении. Данные действия установлены ст. 144 УПК РФ:

– получение образцов для сравнительного исследования;

– назначение судебной экспертизы;

– производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов;

– освидетельствование.

Производство иных следственных действий до момента возбуждения уголовного дела будет являться незаконным и, как следствие, повлечет за собой признание полученных с их помощью доказательств недопустимым в соответствии со ст. 75 УПК РФ. При этом для совершения следственных действий, не перечисленных в ст. 144 УПК РФ, необходимо возбуждение уголовного дела, что возможно только при наличии одного из поводов, указанных в ст. 140 УПК РФ, и наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления (основания). В связи с этим существует ряд проблем применительно к расследованию дорожно-транспортных преступлений.

Так, выполнение указанных в ст. 144 УПК РФ первоначальных следственных действий зачастую бывает недостаточным для установления фактических обстоятельств дела. Вследствие этого становится необоснованным отказ в возбуждении уголовного дела, что влечет нарушение законных прав потерпевших. При этом само затягивание начала предварительного расследования влечет утрату значимой для уголовного дела доказательственной информации.

Основная часть

Применительно к ДТП необходимо устанавливать:

1) общую и конкретную видимость, процесс выделения поля восприятия – данный процесс осуществляется с помощью угловых скоростей совокупности характерных точек, находящихся на проезжей части дороги [8];

2) информацию о состоянии освещенности дороги, фазах Луны, наличии или отсутствии листвы на деревьях, света фар встречных (попутных) автомобилей, света освещения из окон ближайших домов [9];

3) момент объективной угрозы (момент начала опасного движения пешехода к полосе движения автомобиля, резкое торможение спереди идущего ТС и т. д.), опасную фазу (период, когда при своевременном принятии мер участники ДТП еще располагают технической возможностью его предотвращения), аварийную фазу (момент, когда уже нет технической возможности предотвратить ДТП и оно становится неизбежным) [10];

4) лицо, управлявшее транспортным средством на основании документов, механику движения транспортного средства при приближении к месту ДТП, факт нарушения правил дорожного движения одним из участников, меры, которые необходимо было предпринять водителю для предотвращения дорожно-транспортного происшествия, а также реально принятые (непринятые) им меры, факт перемещения участников дорожного движения после ДТП и окончательное положение, которое было ими занято [11];

5) погодные условия и т. д.

На стадии проверки сообщения о преступлении данную информацию приходится получать на основе осмотра места происшествия, опросов участников ДТП (при их наличии), очевидцев и заключения судебной экспертизы (трасологической, судебно-медицинской).

Однако следственный осмотр наряду с указанными видами экспертиз в большинстве случаев не позволяет установить необходимую информацию о моменте объективной угрозы, опасной фазы, фиксируя и устанавливая непосредственно обстоятельства, относящиеся к аварийной, кульминационной и конечной фазам. Показания же, данные участниками и очевидцами ДТП, ввиду субъективного восприятия обстоятельств произошедшего преступного события могут отличаться в той или иной мере необъективностью, неполнотой и носить общий характер [12]. Ввиду сильной психотравмирующей ситуации лицо, пострадавшее от ДТП, может зачастую преувеличивать или уменьшать сущность фактических обстоятельств, не помнить отдельные моменты произошедшего либо, в худшем случае, погибнуть на месте происшествия. Очевидцы могут видеть событие с определенного ракурса, что будет усиливать субъективность восприятия, либо покинуть место происшествия. Предполагаемый виновник может пытаться оправдывать себя, указывая на соблюдение ПДД, принятие всех возможных мер по предотвращению ДТП или просто скрыться.

В данных условиях, имея ограниченный арсенал следственных действий, невозможно в полной мере установить все необходимые сведения, достаточные для возбуждения уголовного дела. Ввиду этого следователям (дознавателям) приходится идти на уловки, фактически нарушая требования уголовно-процессуального законодательства, маскируя единственное необходимое для выяснения всех обстоятельств дела следственное действие – следственный эксперимент – под дополнительный осмотр места происшествия. Так, согласно ст. 181 УПК РФ, в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц.

Ввиду отсутствия определения данного следственного действия в УПК РФ существует множество его толкований в науке. А. Г. Филиппов под следственным экспериментом понимает следственное действие, состоящее в проведении специальных опытов для исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу [13]. Согласно позиции Е. М. Толстолужинской [14], это следственное действие, сущность которого заключается в проведении опытных действий, направленных на проверку и уточнение данных, имеющих значение для дела, путем воспроизведения действий, воссоздания обстановки и иных обстоятельств какого-либо события.

Н. Н. Егоров рассматривает следственный эксперимент как регламентированное действующим уголовно-процессуальным законодательством следственное действие, состоящее в воспроизведении действий, а также обстановки и иных обстоятельств определенного события, значимых для расследования уголовного дела [15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ключевая особенность, позволяющая отграничить следственный эксперимент от иных следственных действий, – проведение опытных действий, сопряженных с воспроизводством искомого события.

Необходимость проведения следственного эксперимента возникает в 80 % случаев, поскольку его результаты в 70 % случаев составляют исходную информацию материала для проведения экспертного исследования при расследовании ДТП [16].

Однако, ввиду прямого запрета законодателя на его проведение, в ходе проверки сообщения о преступлении происходит его подмена дополнительным следственным осмотром. При этом существует мнение ученых о том, что УПК РФ напрямую не содержит запрета на осуществление экспериментальных действий в ходе осмотра, поэтому некоторые из них, не требующие предварительной подготовки (определение видимости, обзорности, работоспособности различных приборов транспортного средства и объектов дорожной инфраструктуры), можно проводить и в рамках осмотра места происшествия. Сторонники данной позиции (В.В. Абрамочкина [17], Л.К. Пинчук [18], А.Г. Кольчурин [19]) акцентируют внимание на том, что указанные ранее действия хоть и проводятся в рамках следственного эксперимента, но при этом являются настолько легко исполнимыми, что целесообразнее, логичнее осуществлять их в рамках следственного осмотра, что не противоречит сущности следственного осмотра, а для следственного эксперимента они, напротив, являются чрезмерно простыми и не соответствуют его предназначению, в связи с чем как таковой подмены нет.

При подготовке данной работы авторами был проведен социальный опрос, в рамках которого опрошено 117 респондентов: студенты 5 курсов, обучающиеся по направлению «Юриспруденция» (27), работники прокуратуры (49), ученые-юристы (41). По результатам опроса установлено, что более половины респондентов поддерживают идею о том, что правомерно проводить экспериментальные действия в рамках осмотра места происшествия (рис. 1). При этом большинство опрошенных считают, что после проведения следственного осмотра отпадает необходимость производства следственного эксперимента (рис. 2) и по результатам данного действия имеется возможность назначить автотехническую экспертизу (рис. 3).



Рис. 1. Результаты опроса о проведении экспериментальных действий



Рис. 2. Результаты опроса о проведении следственного осмотра без дальнейшего следственного эксперимента

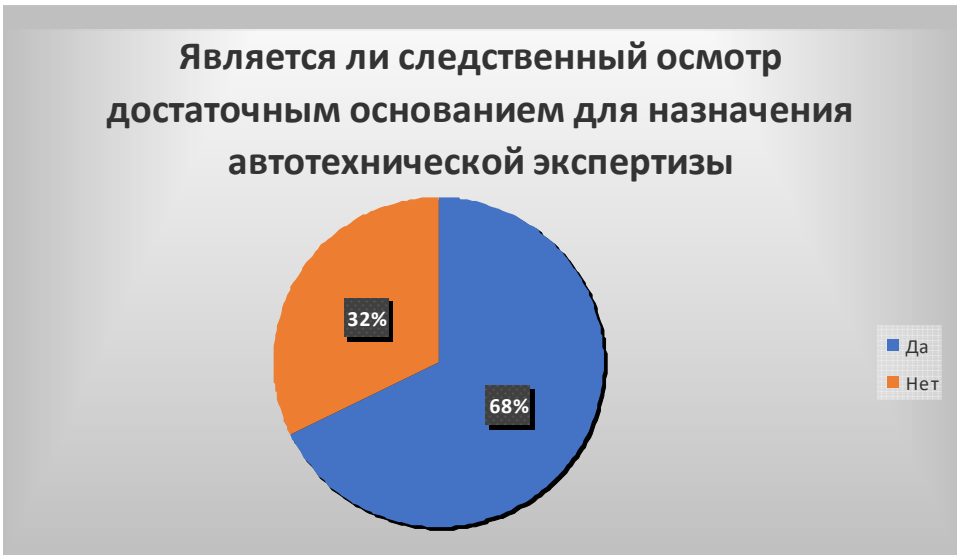


Рис. 3. Результаты опроса о проведении следственного осмотра для назначения автотехнической экспертизы

Мнение большинства теоретиков, а также судебная практика в ряде регионов свидетельствуют о том, что эта позиция не имеет места в действительности и какие-либо опытные действия не должны осуществляться в рамках следственного осмотра:

– совершение опытных действий в рамках следственного осмотра в дальнейшем будет исключать проведение следственного эксперимента, так как значительная часть сведений будет дублироваться, что вызовет сомнения в законности получения

таких доказательств и повлечет признание их всех недопустимыми. Исключение указанных материалов из доказательственной базы, как следствие, повлечет невозможность назначения автотехнической экспертизы, которая является обязательной по указанной категории уголовных дел, либо станет основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством. Результатом этих действий станет либо вынесение оправдательного приговора, либо возвращение материалов дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ;

– зачастую указывается, что спор о необходимости производства следственного эксперимента на стадии проверки сообщения о преступлении не имеет места быть в связи с тем, что следственный эксперимент должен характеризоваться производством сложных опытов, носить комплексный характер. Вследствие этого на стадии проверки сообщения о преступлении осуществить его невозможно из-за нехватки информации. Следствием попыток его реализации станет неточность и неубедительность выводов, что в дальнейшем приведет к признанию полученных доказательств недопустимыми и утрате наиболее ценной доказательственной информации [20].

Однако, проецируя данную позицию на расследование ДТП, ее сторонники указывают на необходимость данного следственного действия и в качестве одного из решений предлагают применительно к преступлениям в сфере дорожного движения и эксплуатации транспорта упразднить стадию возбуждения уголовного дела [21]. В свою очередь, в случае попытки осуществления следственного эксперимента после возбуждения уголовного дела имеется серьезный риск невозможности его выполнения, что обусловливается достаточно серьезными и жесткими требованиями к его проведению.

Ввиду того, что с момента получения сведений о преступлении до момента возбуждения уголовного дела и проведения следственного эксперимента зачастую проходит значительный период времени, может происходить существенное изменение обстановки (состояния дорожного покрытия, климатических и погодных условий, освещения и т.д.), что исключает возможность использования следственного эксперимента как средства доказывания, так как он требует максимального соответствия всех условий обстоятельствам, существовавшим на момент совершения преступления. В данном случае происходит утрата информации, необходимой для установления истины по уголовному делу, исключается возможность проверки версий участников уголовного процесса и алиби подозреваемого (обвиняемого), невозможно назначить автотехническую экспертизу. В результате этого виновные смогут избежать наказания, а потерпевшие не смогут защитить и восстановить свои права.

Таким образом, встает вопрос о целесообразности ограничения следственных действий, которые можно осуществлять на этапе проверки сообщения о преступлении. Данное ограничение видится необоснованным, так как фактически правоприменителям приходится путем подмены и использования «костылей» совершать необходимые следственные действия в обход установленных УПК РФ запретов. При этом существует противоречивая судебная практика, которая в ряде случаев признает такие доказательства допустимыми, а в ряде случаев не признает.

Если мы обратимся к опыту зарубежных стран, то в процессуальном законодательстве европейских стран (ФРГ [22], Франции [23]) и части стран СНГ (Казахстан, Грузия [24]) отсутствует стадия возбуждения уголовного дела. Здесь можно заметить существенные плюсы в области противодействия преступности: возможность отказаться от доследственной проверки и с самого начала производства собирать

«полноценные» доказательства с использованием всего арсенала средств доказывания, предусмотренного уголовно-процессуальным законом [25].

Российский законодатель, видя нехватку инструментария у сотрудников правоохранительных органов, постепенно предпринимает меры по уничтожению данной стадии:

1. В УПК РФ вносилось значительное число изменений, в результате чего возникло расширение возможностей проверки заявления (сообщения) о преступлении. Так, если в первоначальной редакции отсутствовали указания на конкретные действия, которые могли осуществлять органы предварительного расследования, то в дальнейшем Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ впервые конкретизировал действия, указав на то, что они могут требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов. Федеральный закон от 09.03.2010 № 19-ФЗ предоставил право исследовать документы, предметы, трупы и привлекать к этим исследованиям специалистов. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ дал возможность органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ добавил в ч. 1 ст. 144 УПК РФ право получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение экспертов в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование.

2. Материалам, полученным в ходе производства проверки сообщения о преступлении, придано значение доказательств. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ введена ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ. Как следствие, оказались размытыми устои существующей теории доказательств. Так, согласно классической теории, сформированной в 1950-х гг., доказательствами признавались все те сведения, которые были получены в установленном законом порядке на стадии предварительного расследования, отвечающие требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. В настоящее время ввиду внесения в УПК РФ указанных ранее изменений к числу доказательств начали относиться также сведения, полученные на стадии проверки сообщения о преступлении.

В нынешних условиях в случае немедленного упразднения указанной стадии логичным итогом станет множество нерассмотренных уголовных дел, так как будет ликвидирован один из способов «отсрочки» течения сроков предварительного расследования, и нагрузка на следователей (дознавателей) возрастет в разы. В связи с этим на данном этапе подавляющее число юристов против указанного решения (рис. 4).

Однако сам факт ограниченности инструментария следователей (дознавателей) является одной из причин искусственного удлинения сроков проверки сообщения о преступлении, что влечет утрату доказательств и существенное увеличение скрытых, не выявленных преступлений. Именно изменения, которые произвел законодатель, по увеличению числа действий, совершаемых на стадии проверки сообщения о преступлении, признания их результатов доказательствами в первую очередь решают эту проблему.

На основании вышеизложенного для организации дискуссии предлагаем научному сообществу проанализировать необходимость и возможность существования такой стадии, как возбуждение уголовного дела. Мы предлагаем ее постепенную ликвидацию путем планомерного включения дополнительных следственных действий.

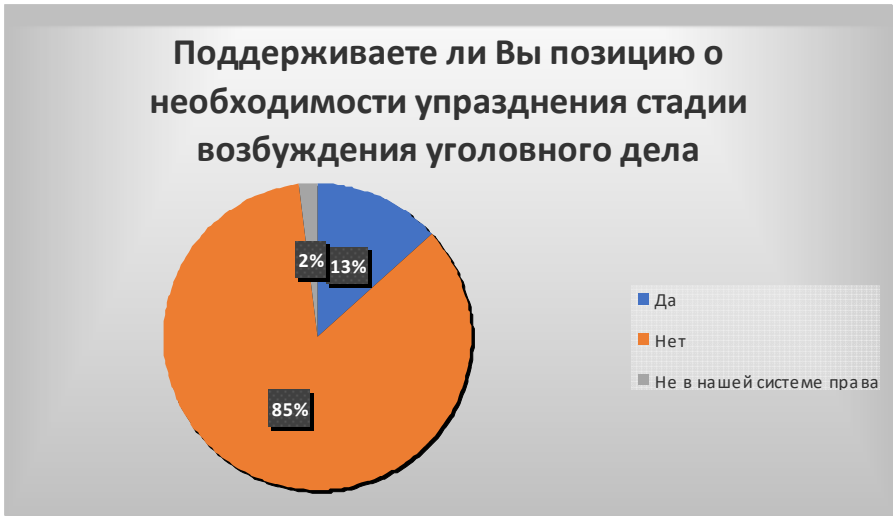


Рис. 4. Результаты опроса о необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела

В качестве изначальной меры предлагается добавить в ст. 144 УПК РФ следственный эксперимент как новое первоначальное следственное действие, ввиду того факта, что оно необходимо не только при расследовании ДТП, но и в ходе производства по делам о причинении вреда здоровью, об умышленном уничтожении имущества и других видов преступлений. Указанное суждение, с учетом ранее приведенных статистических данных, подтверждается мнением большинства респондентов (рис. 5).



Рис. 5. Результаты опроса о необходимости дополнить проверку сообщения о преступлении возможностью проведения следственного эксперимента

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Совершение опытных действий в рамках следственного осмотра в дальнейшем будет исключать проведение следственного эксперимента, так как значительная часть сведений будет дублироваться, что вызовет сомнения в законности получения таких доказательств и повлечет признание их всех недопустимыми. Исключение указанных материалов из доказательственной базы, как следствие, повлечет невозможность назначения автотехнической экспертизы, которая является необходимой по указанной категории преступлений, либо станет основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством. Результатом этих действий станет либо вынесение оправдательного приговора, либо возвращение материалов дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

2. В случае оперативного реагирования на факт ДТП уже на этапе проверки сообщения о преступлении можно провести следственный эксперимент ввиду сохранности обстановки. В свою очередь, в случае попытки осуществления следственного эксперимента после возбуждения уголовного дела имеется серьезный риск невозможности его выполнения, что обусловливается достаточно жесткими требованиями к его проведению.

3. Факт ограниченности инструментария следователей (дознавателей) является одной из причин подмены следственного эксперимента следственным осмотром, а также искусственного удлинения сроков проверки сообщения о преступлении.

4. Предлагается включение в ст. 144 УПК РФ следственного эксперимента как дополнительного следственного действия, которое наряду с осмотром и свидетельствованием возможно проводить в ходе проверки заявления (сообщения) о преступлении.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч. 2): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 15 06.2026).
2. ВЦИОМ: почти две трети семей в России владеют одним или несколькими автомобилями // ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/17269263 (дата обращения: 15.06.2026).
3. Статистика ДТП по России // RusDTP.RU: [сайт]. URL: https://rusdtp.ru/stat-dtp/ (дата обращения: 15.06.2026).
4. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция: [сайт]. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 15.06.2026).
5. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports (дата обращения: 15.06.2026).
6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (дата обращения: 15.06.2026).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026): [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года; одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.06.2026).

8. Осяк В. В., Попандопуло Д. В. Особенности первоначального этапа расследования дорожно-транспортных преступлений. Ростов-на-Дону: ООО «АзовПринт», 2019. 92 с.
9. Зубенко Е. В., Гунькин И. В. Сложности, возникающие в процессе расследования дорожно-транспортных преступлений // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205). С. 376–379. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_376
10. Катруш Е. В., Чижикова Ю. М., Сильченков Д. Д. Особенности и проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений по времени и положению участников // Юридический факт. 2018. № 27. С. 18–21.
11. Белоус В. Г., Барушев Д. В. Особенности механизма и расследования дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездом транспортного средства на пешехода // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1-2(47-48). С. 51–55.
12. Афзалетдинова Г. Х. К вопросу о проведении следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 4(4). С. 51–56.
13. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 778 с.
14. Криминалистика: учебник для вузов / под науч. ред. В. Н. Карагодина, Е. В. Смахтина. 2-е изд. Москва: Юрайт, 2025. 599 с.
15. Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2026. 620 с.
16. Песенкова Д. П. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 54. / под ред. С. А. Елисеева и др., отв. ред. В. А. Уткин. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 142–144.
17. Абрамочкин В. В. Время производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений относительно стадий уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 93, 94.
18. Пинчук Л. В. К вопросу об участниках следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 162–165.
19. Кольчурин А. Г. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юристъ – Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 119–122.
20. Сучков А. И. Следственный эксперимент под видом дополнительного осмотра места происшествия, по материалам проверки, связанным с рассмотрением сообщения о дорожно-транспортном происшествии // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2, № 1(2). С. 251–258.
21. Неупокоева И. А., Кочерова Л. А. Следственный эксперимент или дополнительный осмотр места происшествия: тактические рекомендации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXVII Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 03 июня 2022 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 201–204.
22. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона / вступительная статья проф. Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2012. URL: https://constitutions.ru/wp-content/uploads/25.pdf (дата обращения: 15.06.2026).
23. Уголовно-процессуальный кодекс, Франция (в редакции от 13.08.2025 г.) // WIPO: [сайт]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23231 (дата обращения: 15.06.2026).
24. Бегова Д. Я., Загалов А. А. Зарубежный опыт правового регулирования возбуждения уголовных дел // Закон и право. 2024. № 2. С. 223–226. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-2-223-226

25. Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 144–147.

References

1. Civil Code of the Russian Federation, part 2 (Civil Code of the Russian Federation, part 2): Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FZ: [adopted by the State Duma on December 22, 1995]. *ConsultantPlus.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (accessed date: 15 06.2026).
2. VTsIOM: almost two-thirds of families in Russia own one or more cars. *TASS: [website]*. URL: https://tass.ru/obschestvo/17269263 (accessed date: 15.06.2026).
3. Statistics of road accidents in Russia. *RusDTP.RU: [site]*. URL: https://rusdtp.ru/stat-dtp/ (accessed date: 15.06.2026).
4. Indicators of the state of road safety. *Traffic police: [site]*. URL: http://stat.gibdd.ru/ (accessed date: 15.06.2026).
5. State of crime. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: [website]*. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports (accessed date: 15.06.2026).
6. On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their unlawful seizure without the purpose of theft: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.12.2008 No. 25 (ed. 25.06.2024). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (accessed date: 15.06.2026).
7. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (ed. 10.06.2026): [adopted by the State Duma on November 22, 2001; approved by the Federation Council on December 5, 2001]. *ConsultantPlus.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed date: 15.06.2026).
8. Osyak V. V., Popandopulo D. V. Features of the initial stage of the investigation of road traffic crimes. Rostov-on-Don: AzovPrint LLC; 2019. 92 p.
9. Zubenko E. V., Gunkin I. V. Difficulties arising in the process of investigating road traffic crimes. *Law and state: theory and practice*. 2022; 1(205): 376–379. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_376
10. Katrush E. V., Chizhikova Yu. M., Silchenkov D. D. Features and problems of investigating road traffic crimes by time and position of participants. *Legal fact*. 2018; (27): 18–21.
11. Belous V. G., Barushev D. V. Features of the mechanism and investigation of road traffic crimes related to a vehicle hitting a pedestrian. *Current issues of education and science*. 2015; 1-2(47-48): 51–55.
12. Afzaletdinova G. Kh. On the issue of conducting an investigative experiment in the investigation of road traffic crimes. *Law: retrospective and perspective.* 2020; 4(4): 51–56.
13. Forensics. Full course: textbook for universities / under the general. ed. V. V. Agafonova, A. G. Filippova. 6th ed., Revised and add. Moscow: Yurayt; 2025. 778 p.
14. Forensics: a textbook for universities / under scientific. ed. V. N. Karagodina, E. V. Smakhtina. 2nd ed. Moscow: Yurayt; 2025. 599 p.
15. Egorov N. N., Ishchenko E. P. Forensics: textbook and workshop for universities. 5th ed., Revised and add. Moscow: Yurayt; 2026. 620 p.
16. Pesenkova D. P. Features of the investigative experiment in the investigation of road accidents. *Legal problems of strengthening Russian statehood: Sat. Art. Part 54* / Ed. S. A. Eliseeva [et al.], Resp. ed. V. A. Utkin. Tomsk: Publishing House of Tomsk University; 2012. P. 142–144.
17. Abramochkin V. V. Time of the investigative experiment in the investigation of road traffic crimes regarding the stages of the criminal process. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014; (10): 93, 94.

18. Pinchuk L. V. On the issue of participants in the investigative experiment in the investigation of road traffic crimes. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017; (4): 162–165.
19. Kolchurin A. G. Features of the investigative experiment in the investigation of road traffic crimes. *Lawyer – Pravoved*. 2019; 4 (91): 119–122.
20. Suchkov A. I. Investigative experiment under the guise of an additional inspection of the scene, based on verification materials related to the consideration of a report on a traffic accident. *Modern criminal procedure law – lessons from history and problems of further reform*. 2020; 2 (1 (2)): 251–258.
21. Neupokoeva I. A., Kocherova L. A. Investigative experiment or additional inspection of the scene: tactical recommendations. *Activities of law enforcement agencies in modern conditions: Sat. mater. XXVII International. Scientific.-practic. conf. (Irkutsk, June 03, 2022).* Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2022. P. 201–204.
22. Golovnenkov P., Spitsa N. Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany-Strafprozessordnung (StPO): Scientific and practical commentary and translation of the text of the law/introductory article prof. Uwe Hellmann "Introduction to the criminal procedure law of Germany". Potsdam: Universitätsverlag Potsdam; 2012. URL: https://constitutions.ru/wp-content/uploads/25.pdf (accessed date: 15.06.2026).
23. Code of Criminal Procedure, France (as amended in 13.08.2025). *WIPO: [website]*. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23231 (accessed date: 15.06.2026).
24. Begova D. Ya., Zagalov A. A. Foreign experience in the legal regulation of the initiation of criminal cases. *Law and Law*. 2024; (2): 223–226. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-2-223-226
25. Khimicheva O. V., Sharov D. V. Stage of initiation of a criminal case: measure seven times, cut one off. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2017; (4): 144–147.

Информация об авторах:

Зубенко Евгений Владимирович, канд. юрид. наук, доцент каф. прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Zubenko1978@yandex.ru

Свободный Тимофей Дмитриевич, студент, Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, tisvobod1989@gmail.com

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/208-221
EDN: https://elibrary.ru/GQKRJM

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
05.05.2026	16.06.2026	24.08.2026

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 222–230
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 222–230

Научная статья
УДК 34.01
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/222-230
EDN: https://elibrary.ru/GTLMGN

Дефинитивные нормы и дефиниции международного частного права России

Кучинская Анастасия Дмитриевна

Литвинова Светлана Федоровна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. *Предметом исследования являются доктринальные подходы к определению и соотношению дефинитивных норм права и правовых дефиниций, а также дефинитивные нормы и законодательные дефиниции, закрепленные в разделе VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ. Исследование проводилось с целью анализа законодательных дефиниций и дефинитивных норм международного частного права (МЧП) РФ, выявления их соотношения, структуры и особенностей применения. При проведении исследования использовались общенаучные, специально-юридические, лингвистический методы. Проведен анализ существующих в доктрине определений понятий «дефинитивная норма», «нормативная дефиниция», «правовая дефиниция», «законодательная дефиниция» и др. Выявлено, что в теории права их соотношение либо не рассматривается, либо эти понятия отождествляются. Предложена классификация правовых дефиниций: нормативные (законодательные и международные), толкования и судебные (правоприменительные). Сформулировано авторское определение дефинитивной нормы. Обоснована необходимость разграничения понятий «законодательная дефиниция» и «дефинитивная норма». Исследованы дефинитивные предписания в нормах МЧП (ст. 1192, 1195, 1202, 1203, 1211, 1212, 1213 ГК РФ), выявлены особенности их структуры и взаимодействия с коллизионными нормами. При анализе законодательных норм МЧП были сделаны следующие выводы: дефиниции в МЧП не всегда имеют форму специализированной дефинитивной нормы и могут быть элементами иных норм; наличие дефиниций в тексте не дефинитивных норм усложняет их понимание, что обусловливает необходимость выносить дефиниции за пределы содержания нормы; основная функция дефинитивных норм в МЧП – разъяснение коллизионных привязок; дефинитивные нормы применяются совместно с коллизионными нормами и могут содержать гипотезу и дефиницию, но не имеют самостоятельной санкции.*

***Ключевые слова*:** *дефинитивная норма, правовая дефиниция, законодательная дефиниция, дефиниции международного частного права, нетипичные правовые предписания*

Для цитирования: *Кучинская А.Д., Литвинова С.Ф. Дефинитивные нормы и дефиниции международного частного права России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 222–230. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/222-230. EDN: https://elibrary.ru/GTLMGN*

© Кучинская А. Д., 2026
© Литвинова С. Ф., 2026

Original article

Definitional norms and definitions in Russian private international law

Anastasia D. Kuchinskaya

Svetlana F. Litvinova

Vladivostok State University

Vladivostok. Russia

Abstract. *The subject of this research is the doctrinal approaches to the definition and interrelation of definitive norms of law and legal definitions, as well as the definitive norms and statutory definitions enshrined in Section VI "Private International Law" of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation. The study aims to analyze statutory definitions and definitive norms of Russian private international law, identifying their interrelation, structure, and specific features of application. The research employs general scientific, specialized legal, and linguistic methods. The paper analyzes existing doctrinal definitions of concepts such as "definitive norm", "normative definition", "legal definition", and "statutory definition", among others, revealing that legal theory either overlooks the interrelation between these concepts or treats them as synonymous. The author proposes a classification of legal definitions into normative (statutory and international), interpretative, and judicial (law-applying). An original definition of a definitive norm is formulated. The study substantiates the need to distinguish between the concepts of "statutory definition" and "definitive norm". Definitive prescriptions within private international law norms (Articles 1192, 1195, 1202, 1203, 1211, 1212, and 1213 of the Civil Code of the Russian Federation) are examined, revealing the specific features of their structure and their interaction with conflict-of-laws rules. The analysis of statutory private international law norms yields the following conclusions: definitions in private international law do not always take the form of specialized definitive norms and may be embedded within other types of norms; the inclusion of definitions within non-definitive norms complicates their comprehension, highlighting the need to extract definitions outside the main body of the norm; the primary function of definitive norms in private international law is to clarify conflict-of-laws connecting factors; definitive norms operate in conjunction with conflict-of-laws rules and may contain a hypothesis and a definition, but lack an independent sanction.*

Keywords**:** *definitive norm, legal definition, statutory definition, private international law definitions, atypical legal prescriptions*

For citation*: Kuchinskaya A. D., Litvinova S. F. Definitional norms and definitions in Russian private international law // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 222–230. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/222-230. EDN: https://elibrary.ru/GTLMGN*

Введение

Вопросы теории дефинитивных норм и правовых дефиниций в той или иной мере затрагивались в отечественной и зарубежной юридической доктрине. Вместе с тем следует признать, что дефинитивным нормам в российской доктрине уделяется незначительное внимание. Отсутствуют работы по теории дефинитивных норм международного частного права (МЧП). Представляется, что такая ситуация неоправданна, так как дефинитивные нормы обеспечивают единообразие в толковании и применении права, реализацию принципа правовой определенности, правильную юридическую квалификацию, системность права. Изучение дефинитивных норм помогает законодателю совершенствовать законодательную технику, а также предупреждать коррупционные риски в правоприменении. Кроме того, они формируют профессиональный язык юриста.

В МЧП дефинитивные нормы приобретают особое значение, так как они обеспечивают регулирование отношений, отягощенных иностранным элементом. Наличие иностранного элемента требует четкого разграничения правовых понятий,

чтобы исключить их различное толкование в разных юрисдикциях. Это, в свою очередь, является необходимым условием для единообразного понимания терминов и правильного применения особого вида норм – коллизионных.

Цель исследования заключается в теоретико-правовом анализе законодательных дефинитивных норм МЧП России, выявлении их существенных признаков, структуры и особенностей применения, а также в формулировании на этой основе авторского определения дефинитивной нормы.

Задачи исследования:

− проанализировать существующие в доктрине подходы к определению дефинитивной нормы и ее соотношения с понятием «дефиниция»;

− исследовать дефинитивные предписания, закрепленные в разд. VI ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), с целью выявления особенностей их структуры, функций и взаимодействия с коллизионными нормами;

− сформулировать авторское определение дефинитивной нормы, отражающее ее существенные свойства;

− выработать рекомендации по совершенствованию юридической техники в части размещения дефиниций в текстах нормативных правовых актов.

Теоретико-методологическая основа исследования. Существование дефинитивных норм в праве не оспаривается. Они обладают основными признаками правовой нормы, имеют специфическую функцию определительно-обеспечительного характера [1, с. 15]. Они не применяются самостоятельно [2]. Как правило, их закрепление в нормативных правовых актах оценивается положительно. Вместе с тем в доктрине встречаются и критические оценки. Например, А. А. Попов и И. А. Зинченко считают, что «нормы-дефиниции в уголовно-процессуальном праве порождают проблемы, избавление от которых видится в их исключении из законодательства» [3, с. 273]. Негативное отношение к дефинитивным нормам наблюдается у авторов с социологическим правопониманием. С. Эззеруали считает, что чрезмерное использование определений может усложнить юридические тексты и затруднить их понимание адресатами [4]. В контексте статьи М. Гринберга дефинитивные нормы можно рассматривать как намерение законодательного органа влиять на толкование положения [5].

Определение дефинитивной нормы дают В. А. Рыбаков [6, с. 25, 26], М. В. Баранова [7, с. 122], В. В. Кожевников и М. В. Мартыненко [8, с. 9], А. В. Баранов [1, с. 16–18], А. А. Попов и И. А. Зинченко [3, с. 273]. Давая понятие дефинитивных норм права, указанные авторы раскрывают его через перечисление функций (В. А. Рыбаков, М. В. Баранова), как «юридические нормы» (В. А. Рыбаков), «специализированные нормы права» (В. В. Кожевников и М. В. Мартыненко, А. В. Баранов, А. А. Попов и И. А. Зинченко.). При этом существенные признаки, определяемые их природой, остаются нераскрытыми. Такой подход вместо ответа на вопрос о сущности нормы дает ответы на иные вопросы (о функциях, родовой и видовой принадлежности).

В общетеоретическом понимании нормы права представляют собой правила поведения, тогда как дефинитивные нормы таковыми не являются. Исследователи указывают на это, сводя их основную функцию к следующему: определению понятия, отражающего существенные признаки юридически значимых явлений (М. В. Баранова); легальному определению категорий и понятий (В. А. Рыбаков); закреплению в обобщенном виде признаков той или иной категории (В. В. Кожевников, М. В. Мартыненко); характеристике правового понятия в обобщающей

форме, определяющей его родовые и видовые признаки (А. В. Баранов); разъяснению наименований и терминов (А. А. Попов, И. А. Зинченко).

Дефинитивные нормы относятся к нетипичным правовым предписаниям, которые противопоставляются классическим нормативным правилам поведения. Дискуссия о возможности выделения подобных конструкций проходила еще в советской юридической науке. Однако их специфика до сих пор не нашла должного отражения в доктринальных определениях дефинитивной нормы.

Обращают на себя внимание работы авторов, посвященных «легальным», «правовым», «нормативным», «законодательным», «судебным» дефинициям из-за схожести функций с дефинитивными нормами. А. Ф. Черданцев выделяет законодательные дефиниции и дефиниции в актах официального толкования [9, с. 262–265]. Н. А. Власенко, исследуя дефиниции в актах правоприменения, указывает на «нормативные дефиниции» как элемент регулирования [10, с. 65]. В. В. Агафонов рассматривает в своей работе «легальные дефиниции», содержащиеся в нормативных правовых актах [11].

Анализируя позиции авторов, исследующих дефиниции, можно сделать вывод о том, что определения, имеющие юридическое значение, встречаются во всех видах правовых актов: нормативно-правовых, толкования и правоприменения. Это дает основание разделить правовые дефиниции в зависимости от функций соответствующих правовых актов на три группы: нормативные, толкования и судебные (правоприменительные). Целесообразно также разделение нормативных дефиниций на международные и законодательные, что имеет практическое правоприменительное значение.

Исходя из содержания дефиниций, логически можно выделить в них два элемента: определяемое слово (понятие, термин) и само определение. В связи с этим возникает вопрос о структуре дефинитивной нормы. Авторы, исследующие особенности правовых дефиниций и дефинитивных норм, по-разному рассматривают их соотношение. Некоторые из них ставят знак равенства между этими понятиями. Например, М. В. Баранова, определяя понятие «законодательная дефиниция», квалифицирует ее как особую норму права (дефинитивную) [7, с. 122], А. В. Баранов сравнивает «дефиниции» с «другими правовыми предписаниями» [1, с. 17, 18]. В. А. Рыбаков, наоборот, рассматривает дефиницию как часть нормы, состоящую также из гипотезы и санкции [6, с. 26]. В. В. Агафонов исследует понятие и предписание через категории содержания и формы [11, с. 47].

Формально В. А. Рыбаков выделяет две разновидности норм-дефиниций: номинальные (нормы, определяющие значение слова, термина, обозначающие определенное понятие) и реальные (нормы, не только определяющие значение конкретного термина, понятия, но и раскрывающие его содержание путем указания на имеющиеся существенные признаки и его особые свойства) [6, с. 26]. Автор, классифицируя дефинитивные нормы, по сути, рассматривает дефиниции как языковые формы. В рамках его концепции строения дефинитивных норм это оправдано. В этом случае классификация дефинитивной нормы осуществляется по критерию – особенность формулирования дефиниции.

Таким образом, анализ определений понятия «дефинитивная норма» выявил следующие теоретические проблемы: о соотношении понятий «нормативная дефиниция» и «дефинитивная норма», что влияет на определение структуры последней, а также отсутствие определения дефинитивной нормы, содержащего существенные ее свойства.

Указанные теоретические проблемы распространяются и на нормы разд. VI ч. 3 ГК РФ. На основе соответствующего эмпирического материала в данной работе делается попытка их разрешения.

Методы исследования. При работе с доктриной использованы сравнительно-правовой и аналитический методы, с эмпирическим материалом – формально-юридический и лингвистический методы, для выработки новых рекомендаций – системный метод и правовое моделирование.

Основная часть

Раздел VI «Международное частное право» ч. 3 ГК РФ [12] содержит ряд дефиниций.

В пункте 1 ст. 1192 «Нормы непосредственного применения» закреплена дефиниция таких норм. Это те императивные нормы «законодательства Российской Федерации, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права». Эта дефиниция состоит из определяемого понятия, вынесенного в заголовок статьи, и самого определения; является составной частью нормы, которая ограничивает действие норм, закрепленных в разд. VI ч. 3 ГК РФ (правила раздела не затрагивают действие норм непосредственного применения).

По своему содержанию данная норма закрепляет институт норм непосредственного применения. Она устанавливает приоритетное применение таких норм: они применяются всегда, независимо от того, право какого государства подлежит применению согласно коллизионным правилам или соглашению сторон, тем самым выполняя функцию защиты публичного порядка России способом установления предела для применения иностранного права.

Таким образом, становится очевидным, что законодательная дефиниция, закрепленная в п. 1 ст. 1192, является частью другой нормы, задачи и функции которой отличаются от задач и функций дефинитивных норм.

Схожий прием юридической техники был применен при формулировании п. 1 ст. 1212 «Право, подлежащее применению к договору с участием потребителя». Норма, закрепленная в этом пункте, направлена на ограничение («автономию воли») сторон договора (предусмотрена ст. 1210 ГК РФ), тем самым она сужает сферу действия применимого к потребительскому договору права. Составной частью этой нормы является дефиниция договора с участием потребителя. Дефиниция имеет чрезмерно усложненную синтаксическую структуру со множеством однородных членов и обособленных оборотов. Она разрывает текст нормы и затрудняет ее понимание. В этом случае, представляется, целесообразно было бы вынести определение за пределы содержания нормы в самостоятельное предложение.

Другого рода дефиниции содержатся в ст. 1195 ГК РФ «Личный закон физического лица». В ней определяется содержание привязки коллизионной нормы – «личный закон физического лица» применительно к разным категориям лиц. По общему правилу личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет. При определенных условиях личным законом физического лица является российское право или право страны, в которой это лицо имеет место жительства, или право страны, предоставившей ему убежище.

Главная задача дефиниций – определить содержание привязки коллизионной нормы, что соответствует разъяснительной функции дефинитивной нормы, обеспечивая единообразие терминологии для правоприменителей и иных субъектов права.

В статье 1195 ГК РФ содержится ряд (шесть) дефинитивных норм. Отнесение этих норм к дефинитивным является логической возможностью использовать частицу «это» без потери их смысла. Например, личный закон лица без гражданства – это право страны, в которой это лицо имеет место жительства.

Дефиниции, данные в ст. 1195, применяются одновременно с коллизионными нормами, закрепленными в ст. 1196, 1197, 1198, п. 1 и 2 ст. 1199 и др. На этом основании нельзя согласиться с В. А. Канашевским, который утверждает, что п. 1 ст. 1195 является простой коллизионной нормой [13, с. 99], поскольку в этой норме нет объема, т. е. указания на отношение или статус, которые определяются соответствующей коллизионной привязкой.

Следует отметить, что в структуре рассматриваемых дефинитивных норм присутствует гипотеза, т. е. указание на основание применения той или иной нормы: «если лицо наряду с российским гражданством имеет и иностранное гражданство», «если иностранный гражданин имеет место жительства в Российской Федерации» и т. п.

Поскольку юридически значимая реализация рассматриваемых дефинитивных норм возможна правоприменительными органами, прежде всего судом, то их неправильное применение может привести, например, к неправильному применению норм материального права, что является основанием для изменения или отмены решения суда (ст. 330 ГПК РФ [14], ст. 270 АПК РФ [15]). Этот факт подчеркивает, что самостоятельной санкции эти нормы не имеют. Таким образом, в ст. 1195 в дефинитивных нормах можно выделить два логических элемента: гипотезу и дефиницию.

Схожие дефинитивные нормы закреплены в п. 2 ст. 1211 ГК РФ. В этом пункте – восемнадцать предписаний, которые по своей природе являются дефинитивными – они разъясняют понятие стороны, осуществляющей решающее для договора исполнение, для каждого из восемнадцати поименованных видов договоров. В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 1211 такой стороной признается сторона, являющаяся продавцом, – в договоре купли-продажи; в соответствии с подп. 2 п. 2 ст. 1211 сторона, являющаяся дарителем, – в договоре дарения; в соответствии с подп. 3 п. 2 ст. 1211 сторона, являющаяся арендодателем, – в договоре аренды и т. п. Законодатель при разъяснении термина указывает на сторону договора, но не дает подробного ее описания. Эти дефиниции применяются с коллизионной нормой, закрепленной в п. 1 этой же статьи.

Указание на вид договора по сути является гипотезой правовой нормы: если заключается договор купли-продажи, то сторона, осуществляющая решающее для договора исполнение, – это продавец и т. д.

Дефиниция «личного закона юридического лица» содержится в п. 1 ст. 1202. Им является право страны, где учреждено юридическое лицо, если иное не предусмотрено перечисленными в пункте федеральными законами. Личный закон юридического лица – привязка коллизионной нормы, которая означает, что к отношениям или статусу юридического лица применяется право страны, которое является его личным законом. Для того, чтобы разрешить эту тавтологию, необходимо разъяснить, что такое «личный закон юридического лица». Законодатель делает это через определение его в качестве места учреждения. Данное предписание разъясняет термин, что характерно для дефинитивной нормы.

Вместе с этим законодатель указывает, что такое определение личного закона юридического лица не является единственным. Рассматриваемая дефиниция применяется при условии, что иное не установлено иными федеральными законами, что можно рассматривать как гипотезу – элемент дефинитивной нормы. В данной норме также можно выделить гипотезу и дефиницию в качестве элементов нормы.

Другим примером дефинитивного предписания является дефиниция, закрепленная в ст. 1203 «Личный закон иностранной организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву». Первый абзац этой статьи определяет, что личный закон такой организации – это право страны, где эта организация учреждена. Законодатель также использует прием разъяснения коллизионной привязки. Данная норма применяется тогда, когда возникает необходимость определить правовой статус лица в качестве неюридического лица. В этом случае норма состоит только из дефиниции.

Во втором предложении п. 1 ст. 1213 разъясняется коллизионная привязка «право страны, с которой договор наиболее тесно связан» – это право страны местонахождения недвижимого имущества, за исключением случаев, когда закон, содержание и природа договора либо общая совокупность обстоятельств однозначно указывают на другой правопорядок. Данная дефиниция применяется с коллизионной нормой, которая сформулирована в первом предложении п. 1 ст. 1213. Это обращает внимание на особенность юридической техники: дефиниция закреплена не в отдельном пункте (абзаце) статьи, а в отдельном предложении абзаца пункта статьи.

Заключение

На основании проведенного анализа нормативных дефиниций и дефинитивных норм, закрепленных в разд. VI «Международное частное право» ГК РФ, можно выделить характеристики, которые объединяют их с другими дефинитивными нормами: правовой характер, обслуживающая роль, специализированная функция.

В результате анализа разд. VI ГК РФ можно сделать следующие выводы:

1. Дефиниции в МЧП не всегда имеют форму специализированной дефинитивной нормы. Они также могут быть элементами структуры иных норм, имеющих иную функцию, чем дефинитивные (в ст. 1192, 1212 ГК РФ). Это позволяет говорить о необходимости разделения законодательных дефиниций и дефинитивных норм.

2. Наличие дефиниций в тексте не дефинитивных норм усложняет понимание содержания таких норм, что обусловливает необходимость выносить дефиницию за пределы содержания нормы: либо в отдельное предложение, либо в отдельный абзац статьи.

3. Основная функция дефинитивных норм МЧП – разъяснение коллизионных привязок (ст. 1195, п. 1 ст. 1202, 1203, п. 2 ст. 1211, п. 1 ст. 1213), что обеспечивает их понимание и единообразное применение.

4. Дефинитивные нормы применяются вместе с коллизионными нормами, на основе которых определяется применимое право к отношениям, отягощенными иностранными элементами.

5. Дефинитивные нормы могут совпадать с дефиницией или содержать еще и гипотезу, что позволяет выделить в дефинитивной норме два возможных элемента: гипотезу и дефиницию. Учитывая служебный характер дефинитивных норм, они не могут иметь самостоятельной санкции, поскольку санкция за их неправильное применение содержится не в самих дефинитивных нормах, а в процессуальном законодательстве (как основание для отмены или изменения судебного акта).

6. Дефинитивная норма – это исходящее от государства, формально закрепленное в источнике права нетипичное нормативное предписание, выполняющее функцию определительно-обеспечительного характера и не применяемое самостоятельно, а лишь в совокупности с иными (коллизионными или материальными) нормами, основным (или единственным) структурным элементом которого является юридическая дефиниция, неприменение или неправильное истолкование которой, повлекшее за собой ошибочное применение материальных норм права, влечет отмену или изменение правоприменительного акта.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выделены и проанализированы законодательные дефиниции и законодательные дефинитивные нормы международного частного права РФ; предлагается классификация правовых дефиниций в зависимости от вида правовых актов, в которых они закреплены; доказывается необходимость разделять законодательные дефиниции и дефинитивные нормы; делается вывод о структуре дефинитивных норм, об отсутствии санкции как самостоятельного элемента.

Список источников

1. Баранов А. В. Системоопределяющие специализированные нормы российского права: их юридическая природа, место и роль в системе российского права // Право и государство: теория и практика. 2016. № 8(140). С. 14–18.
2. Кожевников В. В. О дефинитивных нормах российского права // Современное право. 2013. № 6. С. 7–11. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/О-дефинитивных-нормах-российского-права-2016-12-28
3. Попов А. А., Зинченко И. А. Нормы дефиниции в уголовно-процессуальном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 273–277.
4. Ezzerouali S. Inclusion of Definitions in Legislative Drafting: A Necessity or a Luxury? URL: https://www.academia.edu/109378275/Inclusion_of_Definitions_in_Legislative_Drafting_A_Necessity_or_a_Luxury
5. Greenberg M. Legal Interpretation // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.sydney.edu.au/entries/legal-interpretation/
6. Рыбаков В. А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 3(36). С. 24–29.
7. Баранова М. В. Конструирование дефинитивных норм права: проблемы и тенденции // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 120–125.
8. Кожевников В. В., Мартыненко М. В. Специализированные нормы современного российского права: юридическая природа, классификация и место в системе правовых норм // Современное право. 2014. № 4. С. 4–9.
9. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. Москва: Юнити, 2003. 381 с.
10. Власенко Н. А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 58–67.
11. Агафонов В. В. Понятие и технико-юридическая природа легальных дефиниций // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2013. № 24. С. 44–60.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 от 26.11.2001 № 146-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 237-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
13. Канашевский В. А. Международное частное право: учебник. 3-е изд. перераб. и доп. Москва: Международные отношения, 2016. 1008 с.
14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/

References

1. Baranov A. V. System-defining specialized norms of Russian law: their legal nature, place, and role in the system of Russian law. *Law and State: Theory and Practice.* 2016; 8(140): 14–18.
2. Kozhevnikov V. V. On definitive norms of Russian law. *Modern Law*. 2016; (6): 7–11. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/О-дефинитивных-нормах-российского-права-2016-12-28
3. Popov A. A., Zinchenko I. A. Definition norms in criminal procedure law. *Gaps in Russian Legislation.* 2016; (8): 273–277.
4. Ezzerouali S. Inclusion of Definitions in Legislative Drafting: A Necessity or a Luxury? URL: https://www.academia.edu/109378275/Inclusion_of_Definitions_in_Legislative_Drafting_A_Necessity_or_a_Luxury
5. Greenberg, M. Legal Interpretation. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.sydney.edu.au/entries/legal-interpretation/
6. Rybakov V. A. Atypical norms of law. *Herald of Omsk University. Series "Law".* 2013; 3(36): 24–29.
7. Baranova M. V. Construction of definitive legal norms: problems and trends. *Legal Technique.* 2013; 7 (Part 2): 120–125.
8. Kozhevnikov V. V., Martynenko M. V. Specialized norms of modern Russian law: legal nature, classification, and place in the system of legal norms. *Modern Law*. 2014; (4): 4–9.
9. Cherdantsev A. F. Interpretation of Law and Contract. Moscow: Yuniti; 2003. 381 p.
10. Vlasenko N. A. Judicial legal definitions: nature, functions, grounds for division, and types. *Journal of Russian Law*. 2009; (12): 58–67.
11. Agafonov V. V. Concept and technical-legal nature of legal definitions. *Herald of Kamchatka State Technical University. 2*013; (24): 44–60.
12. Civil Code of the Russian Federation, Part Three, dated November 26, 2001, No. 146-FZ (as last amended on August 8, 2024, No. 237-FZ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
13. Kanashevsky V. A. Private International Law: textbook. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: International Relations; 2016. 1008 p.
14. Civil Procedure Code of the Russian Federation, dated November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on August 4, 2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
15. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/

Информация об авторах:

Кучинская Анастасия Дмитриевна, магистрант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток.

Литвинова Светлана Федоровна, канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, https://orcid.org/0000-0002-4079-3901, Svetlana.litvinova@vvsu.ru

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/222-230
EDN: https://elibrary.ru/GTLMGN

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
27.07.2026	31.08.2026	01.09.2026

Правила оформления статей

По рекомендации президиума ВАК распоряжением Минобрнауки России от 19.12.2023 № 453-р журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» включен в Перечень по 5 научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.6. Менеджмент (экономические науки), 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – http://publicationethics.org/resources/flowcharts.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати, в том числе отметку в тексте и сноску в случае упоминания в тексте иностранных агентов («*18+ Иноагент. Настоящая информация произведена иностранным агентом (ФИО) либо касается деятельности иностранного агента (ФИО), включенного в единый реестр иностранных агентов).

Контроль использования ИИ в присылаемых рукописях статей осуществляется системой Антиплагиат.ру. При применении ИИ (только для улучшения читаемости и языкового оформления рукописи) полученные результаты должны тщательно проверяться автором. Использование ИИ-инструментов при написании статьи должно быть раскрыто в примечании, которое включается в публикацию для обеспечения прозрачности и укрепления доверия между участниками публикационного процесса.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» публикуются бесплатно.

Направление авторских рукописей в адрес редакции научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» рассматривается как передача авторами прав на их публикацию. Публикуя статью в журнале с последующим ее размещением на сайте журнала, автор соглашается с условиями ее распространения в информационной среде на условиях открытой лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (подробнее – http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru). Таким образом, автор размещает свою статью для открытого использования с обязательным указанием авторства и полным сохранением всех авторских прав на публикацию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант статьи направляется по адресу электронной почты vestnik@vvsu.ru. Для оптимизации работы и отправки рукописей можно использовать

платформу Editorum.ru (vvsu.editorum.ru/ru/nauka/). Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, ivanov.doc/Ivanov.docx).

Требования к структуре научной статьи

Обязательные элементы:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр научной специальности;
- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail), желательно ведомственной, и контактный номер телефона для каждого автора;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова (на русском и английском языках) (не более 12);
- список источников оформляется в виде нумерованного списка источников в конце статьи, располагается по порядку ссылок на них в тексте статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- *Аннотация* (200–250 слов) является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье).
- *Введение* (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- *Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.*
- *Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.*
- *Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости* (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- *Выводы и научная новизна***.** Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, коррек-

тировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну полученных выводов для их дальнейшего использования и т.п.

- *Список источников* включает только использованные в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию, в противном случае статья подлежит ретракции.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 30 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 2 см, левое – 2 см, ориентация – книжная).
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках.
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации.

Подписной
индекс: 45069

ISSN 2949-1258